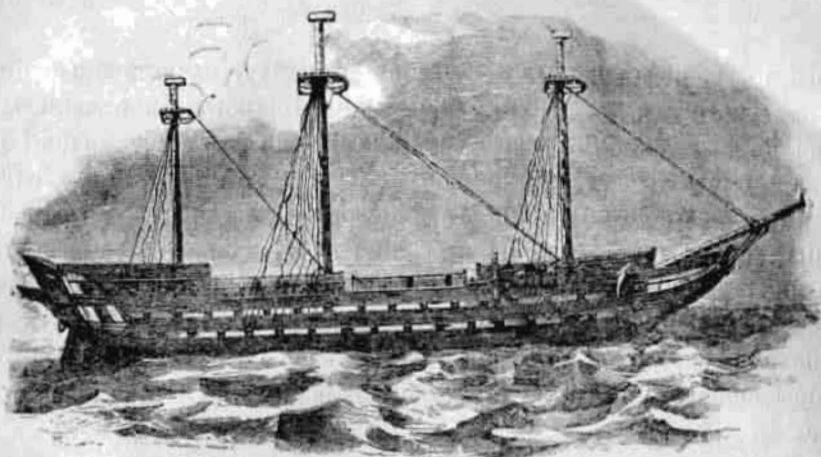

ИСТРЕБЛЕНИЕ ТУРЕЦКОЙ ЭСКАДРЫ НА СИНОПСКОМЪ РЕЙДѢ.

Съ картины А. П. Боголюбова — художника Главнаго морского штаба Его Императорскаго Величества.

Поврежденія въ корпусѣ, мачтахъ и столбѣхъ такелажъ корабля «Императрица Марія» ¹⁾.

СИНОПСКОЕ СРАЖЕНІЕ

и

ЧЕРНОМОРСКІЙ ФЛОТЪ ОСЕНЬЮ 1853 ГОДА.

Наступающее пятидесятилѣтіе эпохи, во время которой Россія пережила одинъ изъ тяжелыхъ кризисовъ, невольно обращаетъ взоры русскаго общества на событія, бывшія полъ вѣка тому назадъ.

Рѣдкая изъ эпохъ жизни цивилизованныхъ народовъ возбуждала такой продолжительный интересъ европейскаго общества, какъ эпоха Восточной войны 1853—1856 годовъ и связанныя съ ней политическія событія; рѣдкая страница исторіи вызывала столь пристрастное освѣщеніе ея въ теченіе пятидесяти лѣтъ, какое вызвали послѣдніе годы царствованія Императора Николая Павловича и причины войны, сведшей въ могилу этого нравственнаго властелина всей Европы. И лишь въ послѣдніе годы, когда страсти и пристрастія начинаютъ умолкать, когда Европа совершенно измѣнила свой духовный обликъ, понемногу раздаются еще не смѣлые го-

¹⁾ Съ современнаго рисунка составленнаго инженеръ-полковникомъ Акимовымъ, рѣв. на дер. Гогенфельдтъ.

лоса, имѣющіе цѣлью отдать должное Монарху, единственные помыслы котораго въ теченіе 29-ти-лѣтняго царствованія заключались въ возвышеніи дорогой ему Россіи. На всю свою жизнь Государь смотрѣлъ какъ на сплошную службу Россіи¹⁾; этому служенію онъ стовчески подчинялъ всѣ свои чувства человѣка и семьянина—ничто не могло заставить Николая Павловича забыть хоть на минуту свой долгъ перваго и самаго ревностнаго слуги своего отечества. И въ этомъ долгѣ онъ принялъ на себя «все то жесткое и нехорошее», что, по его убѣжденію, было необходимо для того, чтобы своему наследнику «оставить царствованіе легкое и приятное»²⁾.

Взявъ на себя трудную подготовительную работу, при полномъ сознаніи необходимости обширныхъ реформъ, Императоръ Николай далъ возможность своему преемнику широкой волной провести въ жизнь то, что на вѣки связано съ именемъ Царя-Освободителя.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и наша армія и нашъ флотъ понесли неимовѣрные труды, отстаивая честь Россіи на всѣхъ концахъ ея безпредѣльныхъ границъ. Дунай, Кавказъ и Черное море были уже въ 1853 году свидѣтелями боевыхъ событій, предвѣстниковъ знаменитой Севастопольской эпопеи. Въ настоящую пятидесятую годовину боевого прохода славнаго паруснаго Черноморскаго флота, мы и позволяемъ себѣ напомнить читателямъ послѣднюю его службу на волнахъ родного Чернаго моря.

Размѣры статьи не даютъ намъ возможности останавливаться ни на разсмотрѣніи матеріальной силы нашего флота, ни на причинахъ его отсталости отъ флотовъ западныхъ державъ. Мы стараемся лишь намѣтить обстоятельства, которыя способствовали Черноморскому флоту стать въ особія, лучшія условія, сравнительно съ Балтійскимъ флотомъ и нашей сухопутной арміей и перейдемъ къ изложенію боевыхъ дѣйствій его, кончая Синопскимъ сраженіемъ.

I.

По свидѣтельству всѣхъ современниковъ, замѣчалось рѣзкое различіе между Балтійскимъ и Черноморскимъ флотами въ ихъ обу-

¹⁾ Собственными словами Императора Николая, сказанными Шнейдеру въ 1835 году.

²⁾ Слова Императора Николая, неоднократно повторяемыя наследнику цесаревичу и провознесенныя Императоромъ Александромъ II при черномъ пріемѣ министровъ во вступленіи на престолъ.

ченіи, воспитаніи и бытѣ. Оно не было слѣдствіемъ различія качественного состава офицеровъ и матросовъ обоихъ нашихъ флотовъ. Одинъ и тотъ же русскій простолюдинъ шелъ на комплектованіе матросовъ и въ Балтійскомъ и въ Черномъ моряхъ; одна и та же молодежь, получившая однообразное морское воспитаніе и образованіе, комплектовала офицерскій составъ. Но различныя условія службы обоихъ флотовъ и различный характеръ лицъ, стоявшихъ во главѣ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ, дѣлали подготовку ихъ неодинаковой.

Отличіе подготовки Черноморскаго флота признавалось и съ высоты трона. Объ этомъ свидѣлствуютъ и записки современниковъ¹⁾ и официальная данія.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ свою несподобантійскую записку о причинахъ плохого состоянія Балтійскаго флота²⁾ прямо начиваетъ съ сравненія его съ Черноморскимъ флотомъ. Въ этой же запискѣ Августѣйшій Генералъ-Адмиралъ останавливается и на нѣкоторыхъ причинахъ отсталости Балтійскаго флота.

«Многіе морскіе офицеры и командиры»,—пишетъ онъ,—«не имѣютъ надлежащей опытности и знанія дѣла, но это потому, что они бываютъ въ морѣ слишкомъ короткое время, а морская служба требуетъ долговременной практики, и, чтобы имѣть хорошихъ морскихъ офицеровъ, надобно посылать постоянно эскадры въ море на нѣсколько лѣтъ.

«Въ Черномъ морѣ крейсерство у Абхазскихъ береговъ и очередное постоянное плаваніе нѣсколькихъ судовъ въ Средиземномъ морѣ доставляло необходимую практику. Здѣсь же ежегодное плаваніе въ Финскомъ заливѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, только уменьшаетъ охоту къ морской службѣ, но пользы не приноситъ»³⁾.

Въ Балтійскомъ флотѣ за послѣднее двадцатилѣтіе царствова-

¹⁾ Руноп. днвн. фл.-адм. Арвиса.

²⁾ Арх. Мор. мин. воен. поход. канц. за 1853 г.

³⁾ Почти такого же мнѣнія придерживается и П. Коргуевъ въ своей статьѣ «Русскій флотъ», помѣщенной въ Морск. Сборн. 1896 г., кн. 7. «Для Черноморскаго флота»,—пишетъ онъ,—«условія были лучшія, чѣмъ для Балтійскаго. Незамысловитое море и война съ горцами, веденная во все царствованіе Императора Николая I, представили Черноморскому флоту обширное поле для дѣятельности, а крейсерство у Кавказскаго берега служило отличною школою для черноморскихъ моряковъ. Если присоединить къ этому, что во все то время во главѣ Черноморскаго флота стояли адмиралы—сначала А. С. Грейгъ, потомъ М. П. Лаваревъ, то преимуществу его передъ Балтійскимъ флотомъ и вовсе не подлежитъ сомнѣнію».

ня Императора Николая Павловича чувствовался какой-то застой; на его дѣятельность какъ бы ложился отпечатокъ характера жизни и обученія сухопутной арміи того времени.

Самъ Государь, поставивъ въ первые десять лѣтъ своего царствованія флотъ на должную степенъ высоты, передалъ управленіе имъ князю А. С. Меншикову и свое участіе въ этомъ дѣлѣ ограничилъ лишь ежегодными смотрами, которые не могли дать ему истинной картины состоянія флота. Печальная истина начала всплывать наружу только съ 1853 года, когда ставшій во главѣ морского вѣдомства Великій Князь Константинъ Николаевичъ энергично принялся за порученное ему дѣло.

Личность князя А. С. Меншикова должна была оказывать почти такое же вліяніе на состояніе нашего флота, какое личность князя Паскевича оказывала на состояніе арміи. Князь Меншиковъ, также какъ и Паскевичъ, пользовался полнымъ довѣріемъ и дружбою Государя, хотя и не имѣлъ на него такого исключительнаго вліянія; да, кромѣ того, Паскевичъ болѣе дѣятельно проводилъ въ жизнь свои взгляды на дѣло обученія и воспитанія арміи; Меншиковъ же, по самому своему характеру, относился болѣе равнодушно ко всему тому, что было поручено его вѣдѣнію.

Не задаваясь цѣлью писать біографіи этого дѣятеля первой половины прошлаго столѣтія, чуть ли не по всѣмъ отраслямъ государственной жизни, нѣсколько остановимся, однако, на этой личности, съ которой такъ неразрывно связана эпоха Восточной войны пятидесятыхъ годовъ.

Князь Александръ Сергѣевичъ сохранилъ въ потомствѣ о себѣ память, какъ о человѣкѣ необыкновеннаго ума и обладавшаго весьма злымъ и острымъ языкомъ ¹⁾.

Человѣкъ обширнаго ума, поставленный во главѣ многихъ отраслей государственнаго управленія, долженъ былъ бы оставить

¹⁾ Въ нашихъ рукахъ находится собственноручный дневникъ князя, подаренный имъ ежедневно чуть ли не съ 1810 года и до послѣднихъ лѣтъ его жизни. Очевидно, что этотъ дневникъ былъ любимымъ дѣтищемъ автора, человѣка по своему характеру вообще весьма скрытаго. Порядокъ, въ которомъ онъ сохранился, пунктуальность, съ которой въ него заносилось все, испускание личности самого князя, служить намъ ручательствомъ въ этомъ. Мы думаемъ, что такой дневникъ, веденный изо дня въ день болѣе полустолѣтія, можетъ въ достаточной степени обрисовать личность его автора. Замѣчательно, что въ этомъ дневникѣ князя Меншикова, при самомъ подробномъ описаніи всего того, что касалось физическаго существованія его личности, нѣтъ ни одного теплаго слова объ интересахъ государственныхъ и общественныхъ, съ которыми онъ такъ близко соприкасался.

потомству хоть какія-либо положительныя слѣды своей дѣятельности. Но гдѣ же слѣды такой дѣятельности князя Меншикова? Ихъ не видно ни въ одномъ изъ тѣхъ дѣлъ, во главѣ которыхъ ставился князь Александръ Сергѣевичъ. А дѣятельность его была обширна и, главное, разнообразна. И дипломатомъ, и морякомъ, и администраторомъ и, наконецъ, главнокомандующимъ сухопутной арміей довелось быть князю Меншикову и всюду онъ вносилъ достаточную долю эгоизма, самолюбія, равнодушія, но, что касается до талантовъ, то, видимо, злой рокъ не далъ ему возможности проявить на дѣлѣ то разнообразіе ихъ, которымъ такъ щедро его надѣляли.

Характеръ князя Меншикова, скрытность и присущая ему, по отзывамъ современниковъ, способность остраго и ѣдкаго слова, заставляли его опасаться и приписывать ему тѣ качества, которыя онъ не сумѣлъ или не имѣлъ въ дѣйствительности случая выказать.

Непомѣрное себялюбіе, громадное самолюбіе и самоибіе, обширная начитанность, отсутствіе привязанности къ кому бы то ни было и къ чему бы то ни было, недоувѣрчивость къ окружающимъ, неумѣніе распознавать людей и несомнѣнная личная храбрость—вотъ въ немногихъ чертахъ тотъ обликъ, въ которомъ въ дѣйствительности рисуется князь Меншиковъ ¹⁾.

Дѣятельность Балтійскаго флота времени князя Меншикова въ общемъ отличалась неподвижностью, замкнутостью и флотъ составлялъ какъ бы особый міръ. Всѣ понятія, порядки, черты и распоряженія въ немъ носили характеръ рутинны, доходившей до монотонности, которая въ особености увеличивалась рѣдкостью заграничныхъ плаваній, семимѣсячнымъ стояніемъ флота въ гавани и безсодержательною береговою службою ²⁾.

Въ обученіи Балтійскаго флота значительное мѣсто отводилось парадной и строевой сухопутной сторонѣ этого дѣла ³⁾ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, и въ этомъ отношеніи добивались, чтобы матросы ничуть не отстали отъ сухопутныхъ солдатъ ⁴⁾.

Караульная служба, подготовка ординарцевъ, ружейные приемы

¹⁾ Совершенно иного взгляда на князя А. С. Меншикова придерживается его бывший адъютантъ Панаевъ («Рус. Ст.» и г. Н. (Рус. Арх. 1869 г. ст. 1067).

²⁾ В. А. Ставцкико. «Образцы и приѣзды прошлаго». «Морск. Сб.» 1880 г., кн. 10-я.

³⁾ «Восп. Гр. И. Филиппова». Рус. Арх. 1883 г. кн. 6-я.

⁴⁾ Ручкоп. дневн. фл.-адъют. Ариаса. Всел. отч. Вели. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. Арх. мор. мин. канц. ген.-адм. 1853 г. л. № 23.

и маршировка отнимали почти все время береговой жизни наших моряков и до того впитались въ плоть и кровь начальствующихъ лицъ, что иногда сухопутныя понятія переносились въ полномъ объемѣ и на воду. Для капонерскихъ лодокъ, напримѣръ, былъ почти цѣликомъ передѣланъ уставъ баталіоннаго ученія и ихъ на водѣ, подъ веслами, заставляли продѣлывать, подъ многочисленныя сигналы барабана и горна, разныя построенія и перестроенія полувводныхъ и взводныхъ колоннъ и разныя захожденія плечомъ.

Только въ 1854 году Государь, лично произведя смотръ гребной флотилии, убѣдился въ полной несообразности такой постановки дѣла и приказалъ измѣнить уставъ ¹⁾.

Обученіе Балтійскаго флота собственно морскому дѣлу производилось зимою въ манежѣ, при обстановкѣ совершенно извращенной понятіе о постоянной работѣ на судахъ. Для этого въ манежѣ была поставлена маленькая мачта и съ десятокъ небольшого калибра орудій, которыхъ совершенно не существовало на вооруженіи судовъ. Только въ 1853 г. по волѣ Государя несоотвѣтствующая мачта и орудія были убраны изъ манежа ²⁾.

Характеръ такого обученія, какъ и должно было ожидать, далъ самые печальные результаты ³⁾.

Когда лѣтомъ 1854 г. Государь собралъ на кораблѣ «Петръ I» военный совѣтъ изъ старшихъ адмираловъ и высказалъ необходимость выхода нашего флота въ море для нападенія на союзный, то, между другими причинами невозможности этого выхода, адмиралы заявили, что наши команды мало подготовлены къ бою и вообще по управленію парусами слабы.

Произведенный нѣсколько дней спустя Государемъ смотръ флота вполне подтвердилъ, къ сожалѣнію, слова адмираловъ. Работы по управленію парусами были крайне медленны и на всѣхъ корабляхъ былъ поразительный хаосъ, сопровождаемый необыкновеннымъ шумомъ ⁴⁾.

Офицерскій составъ Балтійскаго флота также не находился на высотѣ своего положенія. Лишь немногимъ изъ нихъ удалось въ

¹⁾ Рукописный дневникъ фангель-адъютанта Аркаса. Всеп. отч. Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 г. Арх. мор. мин. канц. ген.-адм. 1853 г., д. № 23.

²⁾ Рукописный дневникъ фангель-адъютанта Аркаса. Выдержки изъ этого дневника помѣщены нами въ «Ист. Вѣст.» 1901 г., кн. 4-я.

³⁾ Всеп. отчетъ Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 г. Арх. мор. мин. канц. ген.-адм. 1853 г., д. № 23.

⁴⁾ Рукописный дневникъ фангель-адъютанта Аркаса.

продолжительныхъ морскихъ кампанійхъ свыкнуться и сродниться съ моремъ и приобрести необходимую опытность. Большая часть нашихъ офицеровъ провела службу свою въ строевыхъ заштѣныхъ зимовъ и въ короткихъ практическихъ плаваніяхъ лѣтомъ и надобно удивляться, что тягостная и однообразная служба эта въ нихъ не подавила окончательно любовь къ морю и къ своему трудному ремеслу ¹⁾.

Взгляды руководящихъ сферъ Балтійскаго флота на обученіе и воспитаніе мало отличались отъ взглядовъ современныхъ имъ сухопутныхъ генераловъ. Все вниманіе ихъ обращалось на выправку, пригонку обмундированія и умѣніе хорошо подойти на ординарцевъ. Въ воспитаніи проглядывала та же суровость и произволъ въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. На развитіе офицеровъ, на поддержаніе среди нихъ любви къ своему тяжелому ремеслу и на выработку въ нихъ необходимой самостоятельности не обращалось никакого вниманія ²⁾.

О такой подготовкѣ Балтійскаго флота свидѣлствуютъ многіе современники.

Во всеподданнѣйшемъ обзорѣ за 1861 годъ генераль-адъютантъ Краббе писалъ по этому поводу ³⁾: «Личный составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ не соответствовалъ назначенію флота, какъ морской военной слѣбъ государства. Плавая въ теченіе короткаго лѣта на слабо выстроенныхъ судахъ, офицеры не чувствовали ни призванія, ни любви къ морскому дѣлу... Поэтому во всемъ сословіи былъ общій упадокъ духа».

Генераль-адъютантъ Лютке ⁴⁾ съ своей стороны находилъ, что главная и существенная наша слабость заключалась въ неопытности капитановъ. «Кто изъ нынѣшнихъ командировъ кораблей нашихъ, писалъ онъ, бывалъ въ морскомъ сраженіи? Во многихъ ли изъ нихъ можно предположить ту вѣрность взгляда и сноровку, ту рѣшительность и самоувѣренность, которая теоріей не дается и

¹⁾ Всеп. отчетъ Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 г. Арх. мор. мин. канц. ген.-адм. 1853 г., д. № 23.

²⁾ Письма контръ-адмирала Насильева къ князю Меншикову въ сентябрѣ 1852 г. Арх. мор. мин. оп. ин. Меншикова. № 298. «Воспомин. севастопольца» Д. В. Ильинскаго. Рус. Арх. 1893 г., кн. 1-я. Всеп. отч. Вели. Кн. Константина Николаевича по мор. вѣд. за 1855—1880 гг. Совет. Е. В. библ. рукоп. отд. Императора Александра II.

³⁾ «Мор. Сборн.» 1896 г., кн. 3-я. «Старое и новое». В. Стедено.

⁴⁾ Арх. мор. мин.

безъ которыхъ бѣда въ морскомъ бою, гдѣ капитанъ есть властелинъ своихъ дѣйствій».

Служба нашего Балтійскаго флота имѣла еще ту невыгодную сторону, что офицерамъ и матросамъ приходилось проводить каждый годъ все весеннее время въ тяжеломъ и усиленномъ трудѣ по вооруженію двухъ флотскихъ дивизій для того, чтобы, пробывъ только нѣсколько недѣль въ морѣ, опять провести всю осень въ работахъ разоруженія. Послѣ этого прямо переходили на всю зиму къ занятію фронтовою частью, чтобы усиленными ученіями вознаграждать потерянное лѣтомъ для фронта время и сравняться съ армейскими солдатами.

Эта особенность службы чиновъ Балтійскаго флота имѣла слѣдствіемъ немовѣрную смертность и болѣзненность между матросами и стараніе офицеровъ переходить въ другія вѣдомства. Стремленіе оставить флотъ было столь значительно, что въ продолженіе 15-ти лѣтъ (съ 1840 по 1854 годъ) изъ одного Балтійскаго флота вышло въ отставку и перешло въ другія вѣдомства 1,062 офицера ¹⁾.

Болѣзненность и смертность были такъ велики, что въ послѣдніе 15 лѣтъ (съ 1840 по 1854 годъ) среднимъ числомъ въ Балтійскомъ флотѣ было въ теченіе года: большихъ офицеровъ — 2,133, т. е. 100% всего числа, большихъ нижнихъ чиновъ — 43,082, т. е. 80% всего числа, умерло офицеровъ — 39, т. е. 19% всего числа большихъ; умерло нижнихъ чиновъ — 2,340, т. е. 18¹/₂% всего числа большихъ ²⁾.

II.

Черноморскій флотъ началъ вновь возвышаться съ 1816 года, когда во главѣ его сталъ адмиралъ Грейгъ.

Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ въ продолженіе семнадцатилѣтней своей дѣятельности въ званіи главнаго командира Черноморскаго флота принесъ ему много пользы. Успешное судостроеніе, начало постройки доковъ, заботы о развитіи образованія среди офицеровъ, обращеніе вниманія на практическое обученіе моряковъ въ морѣ, все это было дѣломъ рукъ адмирала Грейга ³⁾.

¹⁾ Всен. отч. Вол. Ки. Константина Николаевича за 1853 г. Арх. мор. мин. канц. ген.-адм. 1853 г., д. № 23.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Рукоп. зап. адмирала Асланбекова. Музей Севастопольской обороны. «Къ исторіи Черноморскаго флота» Афанасьева. Рус. Арх. за 1902 г.

Однако, къ концу его управленія флотъ былъ далекъ отъ совершенства ¹⁾. Наиболѣе страдалъ его офицерскій составъ. Современники упрекали Грейга въ излишнемъ пристрастіи къ грекамъ, которые вошли въ довѣріе къ главному командиру и положительно заняли собой весь флотъ. Доходило до того, что въ каютъ-кампаніяхъ русскій языкъ былъ рѣдкостью и молодые люди, окончившіе курсъ морскаго корпуса, съ большой неохотой шли въ Черное море ²⁾. Въ отношеніи обученія также требовалось достигнуть еще многого.

Управленіе флотомъ Грейга представляло только легкій и небрежный абрисъ, къ которому для того, чтобы сдѣлаться картиной, необходимо было прикосновеніе другой, болѣе рѣшительной кисти ³⁾. Къ счастью, начатое Грейгомъ дѣло попало въ руки человѣка, способнаго не только довершить работу своего предшественника, но и довести Черноморскій флотъ до того нравственнаго и матеріальнаго совершенства, до котораго могъ доходить парусный флотъ. Такимъ человѣкомъ былъ адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ.

Рѣдко кому изъ государственныхъ дѣятелей выпадала завидная доля признанія заслугъ современниками, ближайшимъ потомствомъ и исторіей, какая выпала адмиралу Лазареву. Сколько дѣятелей были чрезмѣрно возвеличены современниками и низвергнуты впоследствии судомъ безпристрастной исторіи; заслуги сколькихъ изъ нихъ, наоборотъ, замалчивались ближайшимъ потомствомъ и только позднѣйшее поколѣніе отдавало имъ должное.

Лазаревъ составляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе. Значеніе и заслуги Михаила Петровича цѣнились друзьями и врагами во время его жизни. Все мелкія людскія страсти не могли поколебать положенія его, жившаго по мѣсту своей службы вдали отъ Двора, въ глазахъ Государя и Императора Николая Павловича предоставилъ ему широкій просторъ въ примѣненіи въ дѣло его талантовъ, какъ администратора, какъ моряка и какъ воспитателя. Насколько цѣнили его наши враги можно судить изъ того факта, что въ Лондонѣ, когда туда пришло извѣстіе о смерти адмирала, англичане, не скрывая своего злораднаго чувства, поздравляли другъ друга со счастливымъ для нихъ событіемъ ⁴⁾.

¹⁾ Рус. Арх. 1894 г., кн. 2-я. «Изъ зап. Муравьева».

²⁾ Рассказы и записки многихъ современниковъ. Филипповъ. Рус. Арх. 1883 г., кн. 6. Изъ записокъ, Рус. Арх. 1893 г., кн. 1-я.

³⁾ Рус. Арх. 1867 г. «Изъ записокъ севастопольца».

⁴⁾ Рус. Арх. 1887 г., кн. 5-я. «Адмиралъ Никольскій». П. Е. Петрова.

Два года спустя послѣ его кончины началась война и имя Лазарева съ благоговѣніемъ повторялось его ближайшими сотрудниками и на волнахъ Синопскаго рейда и на бастионахъ севастопольскихъ. Не приписывали они себѣ всей славы побѣды и геройства безпримѣрной обороны, а относили все это къ заслугамъ своего незабвеннаго учителя.

«Ты пишешь, что вся Россія привѣтствуетъ меня съ Синопской побѣдой»,—писалъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ своему двоюродному брату 19-го марта 1854 года¹⁾:— «я же долженъ сознаться, что добрымъ состояніемъ духа нашихъ командъ, прекрасной матеріальною частью флота Россія обязана покойному благодѣтелю Черноморскаго флота адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву. Мнѣ же остается благодарить Всевышняго, что Онъ даровалъ мнѣ пожать плоды неусынной заботливости и постоянныхъ трудовъ бывшаго начальника нашего и друга».

И, наконецъ, теперь, когда наступило время для исторіи высказать свой правдивый приговоръ, въ капитальной статьѣ контръ-адмирала Афанасьева²⁾ адмиралъ Лазаревъ предсталъ въ томъ же ореолѣ величія и славы, какимъ онъ казался современникамъ и ближайшему потомству.

Михаилъ Петровичъ Лазаревъ прошелъ всестороннюю теоретическую и практическую школу морского дѣла. Въ званіи гардемарина, по окончаніи морского корпуса, онъ служилъ волонтеромъ въ англійскомъ флотѣ въ лучшія времена этого флота, во времена Нельсона, и участвовалъ съ нимъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ. Эта суровая пятилѣтняя школа развила въ немъ, кромѣ серьезнаго знанія морского дѣла, строгое сознаніе обязанностей и рѣдкую любовь къ порядку. Въ дальнѣйшей своей службѣ Лазаревъ совершилъ три кругосвѣтныхъ плаванія, участвовалъ, командуя кораблемъ «Азовъ», въ Наваринскомъ бою, гдѣ своимъ искусствомъ и мужествомъ обратилъ на себя особое вниманіе, и, наконецъ, въ 1833 году былъ назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота. Тридцать лѣтъ службы на морѣ и участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ имѣли большое значеніе въ отношеніи подготовки Лазарева къ его дальнѣйшей дѣятельности.

Для него не существовало другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ моря; въ нихъ сосредоточивались его честолюбіе, помыслы, надежды, весь смыслъ его жизни.

¹⁾ Рус. Арх. 1901 г., кн. 5-я.

²⁾ Рус. Арх. 1902 г. «Къ исторіи Черноморскаго флота». Афанасьева.

Все вниманіе Лазарева было обращено на одновременное развитіе тѣла и духа Черноморскаго флота¹⁾.

Онъ обладалъ незамѣнимой въ руководителѣ массъ способностью отличать талантливыхъ молодыхъ офицеровъ, воспитывать ихъ и выдвигать сообразно ихъ способностямъ. За столомъ адмирала всегда присутствовало поочереди нѣсколько молодыхъ офицеровъ. При такой обстановкѣ адмиралъ знакомился съ ними и своей увлекательной бесѣдой, а иногда и другими способами, дѣйствовалъ на гибкую душу молодежи и вырабатывалъ изъ нихъ отличныхъ служаекъ и любящихъ свое дѣло моряковъ²⁾.

Въ дѣлѣ воспитанія офицеровъ Лазаревъ не прибѣгалъ къ какой нибудь шаблонной мѣрѣ, а соразмѣрялъ средства съ личными особенностями каждаго, но, впрочемъ, всегда старался дѣйствовать на нравственную сторону, старался разбудить въ офицерѣ тотъ священный огонекъ и любовь къ дѣлу, которые должны быть неотъемлемою принадлежностью каждаго, посвятившаго себя военной и, въ особенности, морской специальности. Для лицъ, неудовлетворявшихъ этимъ требованіямъ, Лазаревское направленіе было невыносимо; они сами по себѣ оставляли ряды флота и поэтому ко времени Восточной войны корпусъ офицеровъ Черноморскаго флота былъ дѣйствительно образцовымъ.

Лазаревъ хорошо понималъ, что долгое держаніе офицеровъ на неотвѣтственныхъ должностяхъ притупляетъ ихъ энергію и любовь къ морю, а потому онъ заботился объ увеличеніи числа судовъ малаго размѣра, чтобы дать большому количеству возможность самостоятельной и отвѣтственной работы³⁾.

Характеръ всего обученія флота былъ чисто практическій, боевой. Занятій безцѣльныхъ, притупляющихъ умъ и сердце, не было; все было направлено къ тому, чтобы изъ каждаго сдѣлать опытнаго и безстрашнаго моряка.

Лазаревъ умѣлъ развить среди офицеровъ своего флота общественное мнѣніе въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Всѣ разговоры въ каютъ-кампаніяхъ вертѣлись исключительно на морскомъ дѣлѣ; каждый офицеръ зналъ, что входъ его на рейдъ или уходъ въ море, а также практика въ самой бухтѣ обсуждалась и критиковались не только адмиралами, капитанами и всѣмъ обществомъ офицеровъ, но также и всѣми жителями Севастополя, всей его интеллигенціей, не

¹⁾ Рус. Арх. 1902 г. «Къ исторіи Черном. флота». Афанасьева.

²⁾ Рассказы адм. Перолаевича, Асламбекова и др.

³⁾ Восп. Гр. П. Филарсона. Рус. Арх. 1883 г., кн. 6-я.

исключая и дамского общества. Графская пристава въ Севастополѣ всегда, а въ особенности ко времени прихода и ухода эскадры и шлюпочнаго катанья, была полна народомъ. Всѣ слѣдили напряженнымъ и опытнымъ глазомъ за движеніемъ каждаго судна и горе было тому офицеру, который не выказывалъ привычной для черноморца ловкости ¹⁾.

Особенность морского ремесла и полная зависимость успѣха дѣйствій паруснаго флота отъ точности, аккуратности, быстроты и умѣнья экипажа судна заставили адмирала Лазарева обратить также особое вниманіе на обученіе технической сторонойъ дѣла. Во всѣхъ построенияхъ и судовыхъ ученіяхъ требовалась точность тишина и скорость безъ торопливости. Аккуратность на судахъ была доведена до крайняго предѣла ²⁾. Несправедливо было бы видѣть во всемъ этомъ мелочность, излишество. Лазаревъ отлично понималъ, что въ суровой обстановкѣ морского плаванья и боя нѣтъ мелочей и что только такой точностью и неапатичностью можно добиться механической и споривистой работы въ какихъ бы то ни было критическихъ обстоятельствахъ.

Въ этомъ отношеніи адмиралъ былъ неумолимо строгъ, но строгость эта не была безцѣльна и не уменьшала къ нему любви и уваженія всѣхъ его подчиненныхъ ³⁾. И въ морской мелочной техникѣ Михаилъ Петровичъ сумѣлъ вызвать во всѣхъ соревнованіе, желаніе отличиться другъ передъ другомъ ⁴⁾; она не влекла за собой того гнета, который давить все живое.

Въ то время, какъ князь Паскевичъ за двадцатитрехлѣтній срокъ своего фельдмаршалства не подготовилъ для Россіи и не оставилъ въ наслѣдство арміи ни одного выдающагося генерала, способнаго стать во главѣ ея, адмиралъ Лазаревъ за свое семнадцатилѣтнее управленіе Черноморскимъ флотомъ подготовилъ цѣлую массу лицъ, способныхъ съ достоинствомъ продолжать его работу и съ пользой служить родному дѣлу. Среди нихъ особую славу заслужили адмиралы Нахимовъ и Корниловъ.

Въ выработкѣ изъ этихъ двухъ замѣчательныхъ лицъ знаменитыхъ впоследствии адмираловъ играли большую роль умѣнье Михаила Петровича распознавать людей, отсутствіе въ немъ мелкаго са-

молюбія, мѣняющаго дать ходъ талантливымъ помощникамъ и неустанная его работа въ распространеніи среди нихъ всего того, чѣмъ богато одарила его талантливая натура и обширный опытъ.

Павель Степановичъ Нахимовъ 19-ти-лѣтнимъ мичманомъ поступилъ на фрегатъ «Крейсеръ», отправлявшійся подъ командою Лазарева въ кругосвѣтное плаваніе. Эта случайная встрѣча имѣла вліяніе на всю послѣдующую жизнь и службу Нахимова, который сдѣлался самымъ преданнымъ почитателемъ своего перваго руководителя на морскомъ поприщѣ ¹⁾.

Нахимовъ обладалъ рѣдкой способностью отличать всѣ тонкости наклоностей своихъ подчиненныхъ, спускаться къ ихъ слабостямъ, заглядывать въ ихъ душу, взвѣшивать ихъ побужденія ²⁾. Этотъ неогцѣненный даръ сдѣлалъ его чрезвычайно вліятельнымъ на сослуживцевъ. Благодаря своему умѣнію и любви говорить съ матросами и своей способности подмѣчать отбѣнки каждаго изъ нихъ, Нахимовъ сдѣлался знатокомъ человѣческаго достоинства, умѣлъ дѣйствовать на слабую сторону своихъ подчиненныхъ, говорить съ ними по душѣ, трогать и направлять ихъ своимъ логичнымъ словомъ. Такой способъ сближенія съ подчиненными не уменьшалъ его видимой требовательности въ служебномъ отношеніи и внушалъ къ нему одинаковыя чувства любви и уваженія со стороны всѣхъ его подчиненныхъ.

Отличительная черта характера Нахимова и его служебныхъ воззрѣній состояла именно въ томъ, что онъ въ каждомъ матросѣ видѣлъ прежде всего человѣка, а не машину; онъ старался, какъ и адмиралъ Лазаревъ, взятый имъ во всемъ за образецъ, развить прежде всего духовную силу человѣка ³⁾.

Нахимовъ хорошо сознавалъ, что одна техническая сторона дѣла, хотя бы доведенная до тонкости, не поддержитъ чести флага въ тѣ критическія минуты, которыя требуютъ полнаго подчиненія чувствъ человѣка высшимъ чувствамъ защитника чести и славы своей родины и флота ⁴⁾.

¹⁾ Воен. Севастополяца. Рус. Арх. 1893 г. кн. 1-я.

²⁾ Рус. Арх. за 1902 г. — Къ исторіи Черноморскаго флота.

³⁾ Фрегатъ «Вальмиръ». Морск. Сборн. за 1856 г.

⁴⁾ Мы подтвердимъ нашу характеристику нѣсколькими монологами своего Нахимова, вѣтскими изъ разсказа «Фрегатъ Вальмиръ», посвященнаго его памяти.

«Мало того, что служба представится намъ въ другомъ видѣ, говорилъ онъ, да сами те мы соедемъ другое значеніе получимъ въ службѣ, когда будемъ вѣдать, какъ на него можно дѣйствовать. Нельзя принять поголовно одинаковую

¹⁾ Къ «Исторіи Черном. фл.» Афанасьева. Рус. Арх. за 1902 г. Д. В. Исаевъ-Сивя. Рус. Арх. 1893 г. кн. 1-я.

²⁾ Къ «Исторіи Черном. фл.» Афанасьева, Рус. Арх. за 1902 г.

³⁾ Воен. Гр. И. Филиппова. Рус. Арх. 1893 г. кн. 6-я.

⁴⁾ Къ «Исторіи Черном. фл.» Афанасьева. Рус. Арх. за 1902 г.

Нахимовъ считался лучшимъ морякомъ обоихъ нашихъ флотовъ. Только одной этой чести онъ и добивался, а на все остальное смотрѣлъ съ равнодушіемъ философа ¹⁾.

Такой характеръ и система Павла Степановича дали ему ту нравственную силу, которая двигала обожавшихъ его матросовъ на подвиги немовѣрные. Сказочная оборона Севастополя перестанетъ быть легендарной, если принять во вниманіе, кто стоялъ во главѣ защитниковъ города, кто воспиталъ ихъ, сумѣвъ возбудить въ нихъ тѣ возвышенныя чувства массы, которые двигаютъ міромъ и не поддаются матеріальному подсчету холоднаго разсудка.

Совѣмъ съ инымъ отбѣнкомъ характера былъ другой помощникъ Лазарева Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ. Человѣкъ блестящихъ способностей, образованный ²⁾, честолюбивый и энергичный, Корниловъ въ молодости своей стоялъ на распутьи между свѣтской жизнью столицы и служебной карьерой. Счастливый случай столкнулъ его въ минуту этого перелома съ Михаиломъ Петровичемъ Лазаревымъ и съ тѣхъ поръ имена ихъ обоихъ стали неразрывны. Корниловъ не только былъ обязанъ Лазареву своимъ перерожденіемъ, но своимъ воспитаніемъ, морскимъ образованіемъ и движеніемъ по службѣ. Лазаревъ намѣтилъ въ Корниловѣ преемника

манеру со стѣн и въ видахъ поощренія бичевать всѣхъ безъ различія словами и зипьями. Подобное однообразіе въ дѣйствіяхъ начальника показываетъ, что у него нѣтъ ничего общаго со всѣми подчиненными и что онъ совершенно не понимаетъ своихъ соплеменниковъ... Пора намъ перестать считать себя почитаемыми, а матросовъ вѣрными людьми. Матросъ есть главный двигатель на военномъ кораблѣ, а мы только пружины, которыя на него дѣйствуютъ. Все слышать матросъ, если мы, начальники, не будемъ зговетами, если не будемъ смотреть на службу, какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени для собственного возвышенія. Вотъ кого намъ нужно почитать, учить, возбуждать въ нихъ смѣлость, геройство, если мы не себялюбцы, а дѣйствительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сраженіе? Какой тамъ былъ маневръ, вздоръ-съ! Весь маневръ Нельсона заключался въ томъ, что онъ зналъ слабость неприятеля и свою силу и не терпѣлъ пренеши, вступая въ бой. Слава Нельсона заключается въ томъ, что онъ достигъ духа народной гордости своихъ подчиненныхъ и однимъ простымъ сигналомъ возбуждалъ воинственный энтузіазмъ въ простолудникахъ, которые были воспитаны имъ и его предшественниками. Вотъ это воспитаніе и составляетъ основную задачу нашей жизни. Вотъ чему и посвятилъ себя, для чего тружусь неустанно и видимо достигаю своей цѣли: матросы любятъ и понимаютъ меня и в этой привязанности дорожку больше, чѣмъ отзывами какихъ-нибудь чинахъ и званіями-съ».

¹⁾ Д. В. Ильинскій. Рус. Арх. 1893 г. кн. 1-я. Филипповъ. Рус. Арх. 1883 г. кн. 6-я.

²⁾ Воин. Г. П. Филипповъ. Рус. Арх. 1883 г. кн. 6-я.

своей дѣятельности и приложилъ всю силу своего таланта и ума, чтобы приготовить достойнаго по себѣ намѣстника ¹⁾.

Изъ Владиміра Алексѣевича образовался отличный администраторъ, превосходный морякъ и человѣкъ, умѣвшій повелѣвать и вліять на массы. Но вліяніе это было основано на нѣсколькихъ нпыхъ началахъ, чѣмъ у Павла Степановича Нахимова. Его воздѣйствіе не исходило изъ глубины его сердца, а было слѣдствіемъ выработанной системы, непоколебимой энергии и природнаго таланта повелѣвать.

Владиміръ Алексѣевичъ не легко подчинялъ свои убѣжденія волѣ и власти другого человѣка, который не раздѣлялъ съ нимъ его мнѣній и возрѣній, и въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ Лазарева и Нахимова ²⁾.

Корниловъ обладалъ умѣніемъ употреблять съ пользой способности и самолюбіе подчиненныхъ; каждый офицеръ имѣлъ у него на кораблѣ свое мѣсто и свою обязанность съ личной отвѣтственностью. Въ обученіи матросовъ онъ требовалъ аккуратности и скорости во всѣхъ работахъ. Тщенина и порядокъ на кораблѣ были примѣры ³⁾. При артиллерійскомъ ученіи все производилось методически, какъ-то: умѣніе и быстрота заряжанія, вѣрность прицѣливанія, скорость подачи зарядовъ, удобство всѣхъ приспособленій въ бою.

Вся система обученія у Корнилова была совершенно пная. Онъ ни въ чемъ не хотѣлъ отстать отъ Нахимова, но достигалъ этого равенства усиленнымъ и очень часто чрезмѣрнымъ утомленіемъ людей, заставляя ихъ чуть ли не десятки разъ продѣлывать какое-нибудь трудное упражненіе ⁴⁾.

Въ служебныхъ отношеніяхъ съ офицерами Корниловъ отличался необыкновенной требовательностью. Отъ его зоркаго взгляда не ускользала малѣйшій промахъ, который всегда ставился виновнику на видъ словесно или письменно и иногда въ довольно жесткой формѣ ⁵⁾.

¹⁾ Письмо Лазареву къ ин. Мещаникову 11-го ноября 1848 г. Рус. Арх. 1883 г. кн. 2-я.

²⁾ Рус. Арх. 1893 г. кн. 1-я. «Изъ восп. и замѣт. Севастопольца».

³⁾ Матеріалы для исторіи обороны Севастополя А. П. Жандра, Д. В. Ильинскій. Рус. Арх. 1893 г. кн. 1-я.

⁴⁾ Рус. Арх. кн. 1902 г. «Изъ исторіи Черноморскаго флота». Афанасьева.

⁵⁾ «Такой управленіе шлюпкою, писалъ онъ 8-го марта 1854 года, доказываетъ совершенное отсутствіе морскихъ повнаній и случается на судахъ, на коихъ командиры не наблюдаютъ за подчиненными и не дѣлаютъ имъ подлежа-

«Контръ-адмираловъ у насъ много, говоритъ Лазаревъ о Корниловѣ¹⁾), но не легко избрать такого, который бы соединялъ въ себѣ и познанія морскаго дѣла и просвѣщеніе пастоящаго времени и которому безъ опасенія можно было бы въ критическихъ обстоятельствахъ довѣрить и честь флага и честь націи».

Въ рукахъ Лазарева, Корнилова и Нахимова, людей отиѣченныхъ особыми талантами, любовью къ своему дѣлу, посвятившими ему всѣ свои физическія и моральныя силы, и, наконецъ, выработавшихъ строгую програму своей дѣятельности, паходило воспитаніе и обученіе Черноморскаго флота. Эти дѣятели, при помощи цѣлой массы подготовленныхъ ими въ долгіе годы совмѣстной службы достойныхъ помощниковъ, дружной семьей работали надъ усовершенствованіемъ роднаго имъ Черноморскаго флота и достигли въ этомъ отношеніи совершенства.

По свидѣтельству всѣхъ современниковъ обученіе, воспитаніе и внутренній бытъ Черноморскаго флота находились въ блестящемъ состояніи²⁾).

Обученіе было направлено исключительно въ сторону боевыхъ требованій безъ какихъ либо увлеченій мирнаго времени³⁾; въ воспитаніи старались развить въ офицерахъ и матросахъ чувство чловѣческаго достоинства⁴⁾, сознательное исполненіе долга, необходимую самостоятельность, отицъ не попуская строгой дисциплины того времени; въ бытовой сторонѣ господствовала забота о хорошемъ содержаніи и пищѣ матроса⁵⁾, о своевременномъ удовлетвореніи его всѣмъ полагающимся отъ казны содержаніемъ, объ умственномъ развитіи офицеровъ⁶⁾ и общественной ихъ жизни⁷⁾.

цихъ пасташевій... На многихъ гребныхъ судахъ офицеры сидѣли ванутанными въ шубахъ, вѣроятно полагая, что быть назначены въ партіи для береговыхъ дѣлствій, управленіе шлюпкою до нихъ не касалось. Прошу командировъ посылать офицеровъ съ такими жалкими понятіями о службѣ на шлюпкахъ не иначе, какъ для черныхъ работъ, гдѣ ихъ взглядъ на свои обязанности вреда дѣлу причинять не можетъ и т. д. Черн. цент. воен. морск. арх. изъ Николаевѣ. Кн. опис. 15, оп. 66, д. № 6 св. 1-я.

¹⁾ Рус. Арх. 1883 г. кн. 2-я. Пис. М. П. Лазарева къ Мещинову отъ 11-го ноября 1848 г.

²⁾ Рус. Арх. 1890 г. т. 1 «Восп. Г. Д. Щербачова» и др.

³⁾ Письмо Крылова П. С. Лутковскому 16-го іюля 1853 г. Севаст. музеев.

⁴⁾ Всеп. зап. гр. А. Ф. Орлова 16-го мая 1854 г. Собств. Его Величества библ. шк. 115, пор. 14.

⁵⁾ Л. Ухтомскій. Мор. Сбор. 1864 г. кн. 6-я.

⁶⁾ Изъ пис. Д. В. Пзыленнаго. Рус. Арх. 1893 г. кн. 1-я.

⁷⁾ Тотчасъ послѣ Крымской войны военному министру была подана записка, въ которой, между прочимъ, описывалось дурное состояніе нашей арміи. Авторъ

«Jamais cette flotte n'a été aussi forte et aussi belle», писалъ не цедрый и на похвалы князь Меншиковъ графу А. Ф. Орлову¹⁾. «Севастополь держится», писалъ онъ же князю Горчакову²⁾, «благодаря геройскому мужеству морскихъ экипажей, которые служатъ при пушкахъ и весело подвергаютъ себя смерти: это для нихъ праздник!»

Въ этомъ отличіи воспитанія и обученія Черноморскаго флота былъ залогъ славы черноморцевъ, которую они стяжали на сева-стопольскихъ окопахъ и которая имъ принадлежать навѣки.

Дѣти одной и той же русской семьи, они ничѣмъ не отличались по своимъ внутреннимъ качествамъ отъ остальнаго состава нашихъ вооруженныхъ силъ, но были иначе ведены, иначе воспитаны и

косулся также и состояніи Черноморскаго флота, который рѣзко отличался по своему составу отъ остальныхъ частей нашихъ вооруженныхъ силъ. Эта характеристика Лазаревскаго флота, особенно интересна тѣмъ, что она составлена не морякомъ, а потому не можетъ быть заподозрена въ пристрастіи.

Адмиралъ Лазаревъ и послѣдователи его Корниловъ и Нахимовъ, писалъ авторъ, сумѣли же развить въ офицерахъ Черноморскаго флота то высокое чувство собственнаго достоинства, привязанности къ своему ремеслу и обязанности честнаго офицера, помощью которыхъ этотъ бѣдный флотъ шелъ исполненными шагами къ усовершенствованію, которому мы обязаны громкимъ подвигамъ одинадцатитысячной обороны Севастополя. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ флотѣ служили люди отборные по своему образованію, но сплошь познанными; итѣ, въ тѣхъ встрѣтите офицеровъ съ очень обыкновенными способностями, командировъ даже мало спеціальныхъ. Морской кадетскій корпусъ не можетъ считаться отициальнымъ учебнымъ заведеніемъ, какъ, напримеръ, наше артиллерійское училище; корпусъ этотъ посылалъ въ Черноморію не лучшихъ своихъ воспитанниковъ. Но каждый офицеръ, тамъ служившій, былъ чловѣкъ энергичный, любящій свое дѣло, гордившійся своимъ званіемъ, уважавшій своихъ начальниковъ, которыхъ онъ, пожалуй, и не любилъ за строгость и внимательность ихъ. Постоянная возможность общественной жизни въ Севастополѣ и Николаевѣ поддерживала въ молодежи оитское образованіе; богатая бібліотека доставляла каждому возможность читать и учиться. Это была огромная семья, которая весело жила въ кругу своихъ постоянныхъ авиатіи, непрестанныхъ полевныхъ трудовъ.

«Мишуръ въ учении и работѣ не было. Все постоянно изиалось къ дѣлу; всеній созрѣвалъ и понималъ цѣль своей службы, домогался успѣха, умѣлъ рвѣличить способности отъ недостатковъ. Матросъ, любящій дѣтвица своего, хоти строгаго, командира, трудился день и ночь, жилъ въ достаткѣ я, сознавая свое правоходство, гордо авиралъ на всеннаго, кто не имѣлъ чести принадлежать къ черноморскому флоту.

«Вотъ что утвердилъ во мнѣ мнѣніе, что черноморцы составляютъ типъ русскаго войска, типъ, созданный М. П. Лазаревымъ, для возобновленія котораго итѣ много средства, какъ подражаніе достойному адмиралу, имя котораго оварено неуничтожимою славою». Арх. в. у. ком. гл. шт. от. 4, д. 520.

¹⁾ Собств. Его Величества библ. рук. отд. Императора Николая I, пис. отъ 18 іюня 1853 г.

²⁾ Рус. Ст. 1875 г. кн. 2-я, пис. отъ 15 окт. 1854 г.

плодотворные результаты работы руководителей этого флота говорить сами за себя.

III.

Посольство князя Меншикова въ Константинополь вызвало распоряженіе о срѣшной боевой подготовкѣ Черноморскаго флота на случай быстрого выхода въ море. 27-го февраля, въ пятницу на масляной недѣлѣ, въ Севастополѣ былъ полученъ приказъ о немедленномъ вооруженіи всѣхъ военныхъ и транспортныхъ судовъ и полной ихъ готовности къ выходу на рейдъ. Работа закипѣла на слѣдующій же день и черезъ двѣ недѣли на Севастопольскомъ рейдѣ въ полной боевой готовности красовался Черноморскій флотъ ¹⁾. 28-го марта генералъ-адъютантъ Корниловъ, начальникъ штаба Черноморскаго флота, лично убѣдился, что флотъ былъ «готовъ ко всякимъ событіямъ» ²⁾. Примерный порядокъ, писалъ по этому поводу Великій Князь Константинъ Николаевичъ ³⁾, въ которомъ находилась портовая часть еще со времени управленія флотомъ адмирала Лазарева, далъ намъ возможность вооружить на Черномъ морѣ сильный и отлично снабженный флотъ. Даже слабѣйшая его часть, пароходы, была достаточно сильна для противодѣйствія паровому флоту турокъ, успѣхи котораго, обучавшагося подъ руководствомъ англійскихъ офицеровъ, были значительны и озабочивали нашихъ адмираловъ ⁴⁾.

Въ началѣ мая мѣсяца 4-я и 5-я дивизіи, въ составѣ 12 кораблей, 6 фрегатовъ и мелкихъ судовъ, стояли на Севастопольскомъ рейдѣ, имѣя провизіи на 4 мѣсяца и запасовъ на 6 мѣсяцевъ. Въ теченіе лѣта флотъ этотъ увеличился еще двумя боевыми товарищами, 120-ти-пушечнымъ кораблемъ «Великій Князь Константинъ» и 84 пушечнымъ кораблемъ «Императрица Марія».

Съ начала мая мѣсяца началась тяжелая боевая служба Черноморскаго флота, непрерывно продолжавшаяся до Синопскаго сраженія включительно. Трудно представить себѣ, чтобы когда-либо приходилось полному силъ и рвенія флоту дѣйствовать въ такой

¹⁾ Рукописный дневникъ Асланбекова. Музей Севастопольской обороны.

²⁾ Письмо В. А. Корнилова къ кн. А. С. Меншикову отъ 31-го марта 1853 г., Мандръ. Стр. 37.

³⁾ Всепод. отчетъ ген.-адм. за 1853 годъ. Арх. мор. мин. воен. пох. канц. 1863 г., л. № 155—84.

⁴⁾ Тамъ же.

неблагопріятной обстановкѣ, въ какую были поставлены наши черноморцы въ 1853 году.

Чтобы должнымъ образомъ оцѣнить заслуги нашихъ моряковъ и безошибочно судить объ ихъ дѣйствіяхъ, надо вспомнить, что они все время находились, такъ сказать, подъ дулами пушекъ тайныхъ союзниковъ Порты, открыто и безнаказанно выказывавшихъ далеко не платоническое сочувствіе къ нашимъ противникамъ. «Человѣкъ военный, и въ особенности морякъ», пишетъ по этому поводу Шестаковъ ¹⁾, «придастъ этимъ исключительнымъ обстоятельствамъ должную важность. Все, дѣлающееся въ морѣ, требуетъ быстроты и рѣшительности. Составивъ заблаговременно планъ, не должно колебаться въ исполненіи его. Одна только неодолимая сила природы можетъ измѣнить начертанное. Одни только прихоти этой силы, то враждебной, то союзной, уже побуждаютъ моряка ко всегдшной умственной бдительности... Спокойствіе нравственное, даже при совершенномъ знаніи дѣла, здѣсь необходимо. Каково же должно быть душевное состояніе человѣка, обреченнаго въ подобномъ случаѣ силою обстоятельствъ на неуверенность и сомнѣнія, неясно видящаго черту, разграждающую наблюдательность отъ неприязненности, не знающаго продолжается ли миръ или объявлена война, находящагося въ какой-то душной, сжимающей сердце средѣ, чуждой его привычкамъ и наклонностямъ».

Какъ только послѣ своего неудачнаго посольства князь Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя, то рѣшено было учредить въ Черномъ морѣ крейсерство для наблюденія за турецкими и иностранными судами, на случай выхода ихъ изъ Босфора. Крейсерство это имѣло исключительно характеръ охранительный; единственная его цѣль заключалась въ предупрежденіи нашего флота о враждебныхъ намѣреніяхъ турокъ и покровительствовавшихъ имъ западныхъ державъ, такъ какъ война не была объявлена и дѣла могли «быть еще улажены желаніемъ Государемъ Императоромъ миролюбивымъ образомъ» ²⁾. При этомъ крейсерамъ разрѣшалось прибѣгать къ крайнимъ средствамъ лишь въ самыхъ неизбѣжныхъ обстоятельствахъ.

Весь Черноморскій флотъ былъ раздѣленъ для этой цѣли на три

¹⁾ «Морской Сборникъ» 1855 г., кн. 2-я.

²⁾ Инструкція крейсерамъ между Босфоромъ и Севастополемъ. Центр. воен. мор. архивъ въ г. Николаевѣ. Кн. оп. 23, оп. 185, л. № 1734, св. 61. Арх. в.-уч. ком. гл. шт. отд. 2, № 4261. Гос. арх. рязр. XI, л. 1250.

части. Около половины его ¹⁾ оставалось въ полной готовности на Севастопольскомъ рейдѣ, а остальная часть была распредѣлена для крейсирования по Черному морю. Въ зависимости отъ цѣлей дѣйствій, которыя могли преслѣдовать непріятельскія эскадры, т. е. нападеніе на Крымъ и европейскіе берега или же на Кавказское побережье, крейсирующие отряды были раздѣлены на двѣ части: западную и восточную. Для наблюденія за западною частью моря назначалась первая практическая эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Нахимова ²⁾, для наблюденія же за Кавказскимъ побережьемъ — отрядъ судовъ, постоянно крейсировавшихъ у восточныхъ береговъ Чернаго моря ³⁾.

Вице-адмиралу Нахимову было предложено держать свою эскадру сосредоточенно примѣрно у пересѣченія параллели 44° съ меридіаномъ 2° къ востоку ⁴⁾ (въ половинѣ іюня, когда эскадра ушла къ Севастополю, здѣсь остался корветъ «Андромаха»), а для наблюденія за Босфоромъ выдвинуть рядъ мелкихъ судовъ. Ближайшее къ Босфору судно (сначала бригъ «Язонъ», а потомъ фрегатъ «Кулевча») должно было крейсировать ⁵⁾ отъ пересѣченія параллели $42^{\circ}30'$ съ меридіаномъ $1^{\circ}40'$ долготы къ западу до пересѣченія параллели $41^{\circ}30'$ съ меридіаномъ $0^{\circ}40'$ долготы къ западу. Другое судно (сначала бригъ «Птоломей», а потомъ фрегатъ «Коварна») должно было держаться между пересѣченіемъ параллели 42° съ меридіаномъ входа въ Босфоръ и вдоль этой параллели до долготы $0^{\circ}20'$ къ востоку. Обоимъ этимъ судамъ предписывалось стараться приходить на видъ одинъ другому на меридіанѣ входа въ Босфоръ.

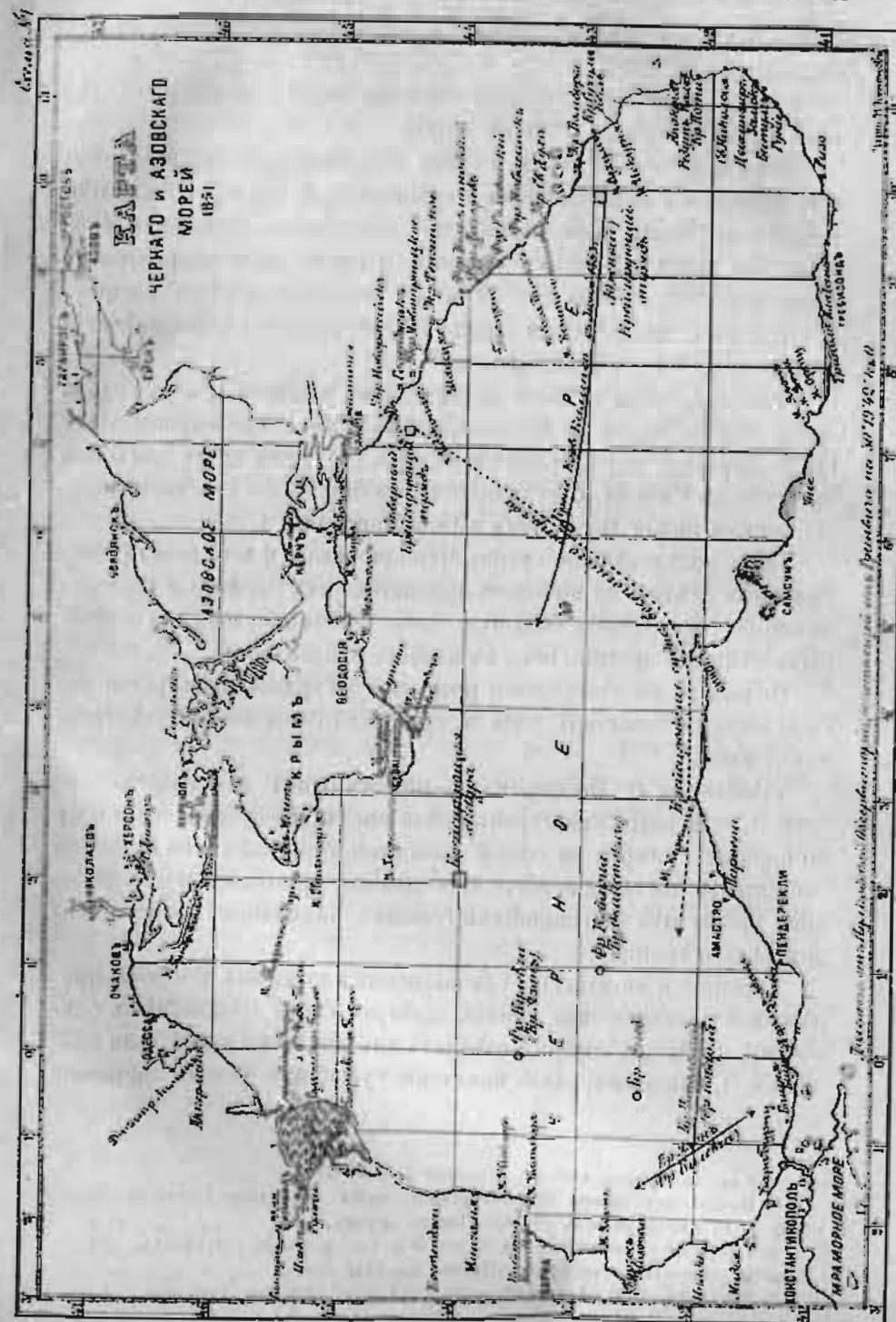
¹⁾ Вторая практическая эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала Юрѣва, а впоследствии контръ-адмирала Новосильскаго изъ кораблей: «Три Святителя», «Парижъ», «Храбрый», «Чесма», «Уринъ», «Ростиславъ», фрегатовъ: «Сивополь», «Кагуль» и корвета «Шизадъ». Всеподдан. докл. Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 годъ.

²⁾ Первая практическая эскадра къ 18-му мая 1853 года состояла изъ кораблей: «Двадцать Апостоловъ», «Гавриилъ», «Ягудинъ», «Святославъ», «Варна», «Селафалъ», фрегатовъ: «Коварна» и «Кулевча» и бриговъ: «Язонъ», «Эней» и «Птоломей». Тамъ же. Дневн. Аслаубекова. Отв. нач. шт. Черн. фл. командиру Севастопольскаго порта 17-го мая 1853 г., № 102. Черн. центр. воен. мор. арх. въ Николаевѣ, ин. оп. 23, оп. 185, д. № 1734, св. 61.

³⁾ Фрегатъ «Мидія» (и-ад. Новосильскій, а впоследствии Сиванцянъ), корветъ «Орестъ», бриги: «Тевей», «Меркурій», «Эндиміонъ», «Аргонавтъ» и тендеръ «Послѣдній». Тамъ же, и «Жандръ», стр. 41.

⁴⁾ Смotr. схему № 1. Корниловъ — Нахимову 17-го мая 1853 г. Никол. арх., дѣло 1734, св. 61, оп. 185.

⁵⁾ Програма крейсировавья между Босфоромъ и Севастополемъ 18-го мая 1853 г. Никол. морск. арх. ин. оп. 23, оп. 185, д. № 1734, св. 61.

не приближаясь однако къ берегамъ настолько, чтобы быть отсюда видимыми.

Третье судно (бригъ «Эней») должно было держаться въ широтѣ 42°30' и долготѣ 0°30' къ западу.

Для связи между этими судами и крейсирующей эскадрой и для наблюденія за движеніемъ непріятельской эскадры, если она войдетъ въ Черное море, назначались два фрегата: «Коварца» (впоследствии бригъ «Язонъ»), который долженъ былъ крейсировать около пересѣченія паралели 42°50' съ меридіаномъ 1° къ востоку, и «Кулевча» (впоследствии бригъ «Оемистокль») — у пересѣченія паралели 43°30' съ меридіаномъ 0°¹⁾.

Для того, чтобы слѣдить за движеніемъ непріятельскихъ судовъ вдоль Апатолійскаго къ Кавказскимъ берегамъ, крейсировавшей у этихъ береговъ отрядъ нашихъ судовъ долженъ былъ высылать крейсера къ Синопу, откуда быть въ сообщеніи съ судами, крейсировавшими между Босфоромъ и Севастополемъ²⁾.

Такое распределеніе судовъ Черноморскаго флота давало возможность слѣдить за выходомъ непріятели изъ Босфора и своевременно сосредоточивать большую часть нашихъ судовъ для активныхъ дѣйствій противъ него въ любомъ направленіи.

Вплоть до окончательнаго разрыва съ Турціей крейсерство носило мирный характеръ, хотя и требовало напряженной дѣятельности флота.

«Наблюдая за Босфоромъ», — пишетъ одинъ изъ современниковъ³⁾, — «эскадра крейсеровъ съѣла послѣдній сухарь, тратя воду по порціямъ, пируя на одной солонинѣ, сторожа денно и нощно непріятелей, не сбросившихъ еще личины, приготовляясь къ должному приему ихъ упражненіями боевыми, но въ зноемъ лѣтняго Черноморскаго солнца».

Турецкія и англійскія суда выходили иногда изъ Босфора, производили артилерійское ученье, выбирая своей цѣлью нашъ ближайшій крейсеръ, который отвѣчалъ имъ тѣмъ же и этимъ дѣло кончалось⁴⁾. Впрочемъ, такое появленіе турецкихъ судовъ заставило

князя Меншикова выдвинуть въ первую линію крейсеровъ фрегаты, отодвинувъ на ихъ мѣсто во вторую линію бриги¹⁾.

29-го іюня первая практическая эскадра вышла на рейдъ и была въ крейсерствѣ замѣнена второю эскадрою, подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго. Въ концѣ іюля обѣ эскадры соединились на Севастопольскомъ рейдѣ, оставивъ въ морѣ одинъ крейсера.

Въ теченіе всего лѣта нашъ флотъ, подъ опытнымъ руководствомъ Корнилова и Нахимова, производилъ рядъ учений и маневровъ, которые безспорно послужили отличной подготовкой для предстоящихъ въ теченіе бурной осени боевыхъ дѣйствій Черноморскаго флота²⁾.

Въ началѣ іюня въ Севастополѣ было получено извѣстіе о враждебныхъ намѣреніяхъ кавказскихъ горцевъ, что немедленно вызвало съ нашей стороны усиленіе крейсировавшихъ у восточнаго берега Чернаго моря судовъ. Въмѣсто крейсировавшаго тамъ обыкновенно одного отряда, приказано было сформировать два — сѣверный и южный³⁾.

Суда, прежде крейсировавшія, составили сѣверный отрядъ, который имѣлъ центромъ соединенія Новороссійскъ, и долженъ былъ оберегать сѣверную половину побережья; для наблюденія же за южной половиной побережья былъ сформированъ въ Севастополѣ новый южный отрядъ судовъ, подъ флагомъ контръ-адмирала Синицина⁴⁾, которому предписывалось имѣть пунктомъ соединенія Сухумъ-Кале и одинъ корветъ («Калипсо») крейсирующимъ на меридіанѣ Синопа для связи съ Босфорскими крейсерами.

Оба крейсировавшихъ отряда подчинялись начальнику береговой линіи, вице-адмиралу Серебрякову, который долженъ былъ указать мѣста, подлежащія болѣе бдительному охраненію, а также опредѣлять — дѣйствовать ли отрядамъ независимо или же быть имъ обонимъ въ распоряженіи старшаго флагмана.

Между тѣмъ политическій горизонтъ все болѣе и болѣе омрачался и съ конца августа въ Петербургѣ начали опасаться со стороны Турціи начала враждебныхъ противъ насъ дѣйствій. Особенно

¹⁾ Начальникъ штаба Черноморскаго флота командиръ Севастопольскаго порта отъ 16-го іюня 1853 года, № 136.

²⁾ Вспом. отч. Великаго Князя Константина Николаевича за 1853 годъ. Арх. мор. мин. воен. лох. кавк. 1853 г., д. № 155—84.

³⁾ Начальникъ штаба Черноморскаго флота командиръ Севастопольскаго порта отъ 8-го іюня 1853 года, № 119. Дневникъ А. Б. Аслънбекова.

⁴⁾ Отрядъ этотъ состоялъ изъ: фрегата «Месамври», корвета «Калипсо», брига «Итоломей», шхунъ «Смѣланъ» и «Дротикъ» и тендера «Скорый».

¹⁾ Арх. воен.-учев. ком. гл. шт., отд. 2, д. № 4261.

²⁾ Начальникъ штаба Черноморскаго флота командиръ Севастопольскаго порта отъ 17-го мая 1853 года, № 102. Никол. архивъ.

³⁾ «Морской Сборникъ» 1855 г., кн. 2-я. См. также — Путиловъ. «Сборн. Изв.» кн. 3-я: «Плаваніе брига «Язонъ» въ 1853 году».

⁴⁾ Дневникъ А. Б. Аслънбекова за 1853 годъ. Рук. отд. Сев. муз.

опаснымъ казалось наше положеніе на Кавказѣ, какъ по недостаточности тамъ войскъ, могущихъ быть употребленными для активныхъ противъ турокъ дѣйствій, такъ и потому, что наступленія турецкой арміи скорѣе можно было ожидать на азіатскомъ, чѣмъ на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Отчаянный письма намѣстника Кавказскаго графа Воронцова, который увѣрялъ Государя, что въ его распоряженіи не имѣется для наступательныхъ дѣйствій болѣе 4-хъ баталіоновъ, заставили Императора Николая рѣшиться на мѣру крайне для него нежелательную, а именно на отставку изъ Севастополя въ Закавказье 13-й пѣхотной дивизіи съ ея артилеріей, которая въ свою очередь должна была быть замѣнена въ Севастополѣ перевозимой изъ Одессы бригадой 14-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями.

Вся тяжесть быстрой перевозки этой массы войскъ ложилась на Черноморскій флотъ и при томъ при обстоятельствахъ самыхъ невыгодныхъ. Ежеминутное ожиданіе разрыва съ Портой Оттоманской, бушующее во время равноденствій Черное море и негостеприимный восточный берегъ его съ почти полнымъ отсутствіемъ удобныхъ пунктовъ для высадки, а также необходимость слѣдить за появленіемъ въ Черномъ морѣ враждебныхъ флотовъ дѣлали эту операцію весьма опасной. Необходимо было произвести ее возможно скрытно и скоро и здѣсь-то впервые на практикѣ выказалась блестящая подготовка личного состава нашего Черноморскаго флота.

7-го сентября, въ виду приближенія равноденственныхъ бурь, князь Меншиковъ сдѣлалъ распоряженіе объ уменьшеніи числа крейсировавшихъ судовъ ¹⁾, а 8-го числа онъ получилъ Высочайшее повелѣніе о перевозкѣ 13-й дивизіи съ артилеріей и тридцатидневнымъ продовольствіемъ изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале, и бригады 14-й пѣхотной дивизіи съ двумя батареями изъ Одессы въ Севастополь. При этомъ Государь выражалъ твердое желаніе, чтобы дивизія, по возможности, была перевезена въ одинъ рейсъ и съ сохраненіемъ боевой годности частей, т. е., чтобы полки не отдѣлялись бы отъ своихъ обозовъ. Положеніе Черноморскаго флота было тѣмъ болѣе затруднительно, что въ это время всѣ малые транспорты были заняты въ Азовскомъ морѣ, а большіе транспорты пикомъ образомъ не могли поднять лошадей цѣлой дивизіи ²⁾. Рѣшено было поэтому привлечь къ перевозкѣ и боевымъ судамъ флота.

¹⁾ Начальникъ штаба Черноморскаго флота оберъ-интенданту 7-го сентября 1853 г., № 19920. Извѣст. Черном. арх., кн. 17, оп. 97, л. № 48, св. 3.

²⁾ Иандръ, стр. 57.

13-го сентября дошло до Севастополя Высочайшее повелѣніе о перевозкѣ войскъ; 16-го къ вечеру погрузка была уже окончена, а 17-го утромъ флотъ, съ десантнымъ отрядомъ въ 16,393 чел., 824 лошади, со всѣми обозами, госпиталями, тридцатидневнымъ запасомъ продовольствія и матеріальной частью двухъ батарей, вышелъ подъ флагомъ вице-адмирала Нахимова въ море.

Всего для перевозки 13-й дивизіи было употреблено 12 кораблей, 2 фрегата, 2 корвета, 7 пароходовъ и 11 транспортовъ ¹⁾. 120-ти-пушечные корабли помѣщали на себя до 1,500 десанта, 84-пушечные—до 1,000 человекъ, большіе транспорты по 120 лошадей и самыя малые по 40.

Войска были въ полной походной формѣ и имѣли при себѣ десятидневный запасъ провіанта, независимо отъ судового довольствія ²⁾.

Всѣ распоряженія по высадкѣ и избраніе для нея мѣста были возложены на генералъ-адъютанта Корнилова.

Съ вечера 16-го числа установился свѣжій противный юго-западный вѣтеръ; нетерпѣливо, съ сомнѣніемъ и надеждой ожидали въ Севастополѣ наступающаго утра. Съ разсвѣтомъ небо очистилось и вѣтеръ перемѣнился въ способный, сѣверный, но, однако, все еще было очень свѣжо. По сигналу съ «Вел. Кн. Константина» эскадра снялась съ якоря и всѣ 38 вымпеловъ величественно тронулись въ море; 34 пошли къ берегамъ Кавказа, а 4, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Варницкаго, въ Одессу за частями 14-й дивизіи ³⁾.

Встрѣченные при выходѣ съ рейда сильной юго-западной зыбью и имѣя довольно свѣжій вѣтеръ, оба отряда Кавказской эскадры, т. е. транспорты, конвоируемые пароходами, и корабли, слѣдовали въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другого. Около полудня вѣтеръ началъ стихать, хотя размашистая боковая качка продолжалась цѣлый день, а къ вечеру отрядъ пароходовъ, буксировавшихъ транс-

¹⁾ Корабли: «Двенадцать Апостоловъ», «Вел. Кн. Константинъ», «Парижъ», «Три Святителя», «Имп. Марія», «Храбрый», «Чесма», «Святославъ», «Ростиславъ», «Ягудинъ», «Варна», «Гавриилъ»; фрегаты: «Снополь» и «Кагуль»; корветы: «Андромаха» и «Калипсо»; пароходы: «Владиміръ», «Одесса», «Элиборусъ», «Бессарабія», «Грозный», «Молодецъ», «Аргонавтъ»; транспорты: «Березань», «Дибиръ», «Балаклава», «Дибетръ», «Дунай», «Ріонъ», «Гагра», «Прутъ», «Килия», «Бугъ» и «Цемесъ». Арх. мор. мин. воен. мор. канц. 1853 г., л. № 155—84.

²⁾ Рукописныя записки вице-адмирала Афанасьева. Музей Севастопольской обороны.

³⁾ Дневникъ А. Б. Асланбекова.

порты, ушелъ совсѣмъ изъ вида отставшихъ по маловѣтрю кораблей. Первоначальнымъ мѣстомъ высадки былъ назначенъ Сухумъ-Кале, пунктъ наиболѣе удобный для стоянїя мелкихъ судовъ по вѣкоторой его закрытости, но не представлявшій тѣхъ же выгодъ для многочисленныхъ судовъ большого ранга, и Корниловъ предпочиталъ въ этомъ отношенїи рейды Бомборскій или Редутскій, хотя совершенно открытые и особенно опасные въ осеннее время года, но доступные для большого флота, которому всегда выгодно какъ можно скорѣе освободиться отъ перевозимаго десанта. Поэтому рѣшено было произвести выгрузку лошадей въ Сухумъ-Кале, а тяжестей и людей въ Анакрии, близъ Редутъ-Кале.

Въ часъ пополудни 19-го сентября пароходъ «Владиміръ», имѣвшій на буксирѣ транспортъ «Ріонъ», бросилъ якорь на Сухумскомъ рейдѣ и приступилъ къ выгрузкѣ лошадей. Вслѣдъ за нимъ стали подходить остальные пароходы и транспорты и къ утру 21-го числа операція по выгрузкѣ лошадей была окончена. Транспорты, по мѣрѣ освобожденїя отъ груза, были отправляемы къ Анакрии для своза артилерїи и остальныхъ тяжестей.

Между тѣмъ корабельный флотъ, задержанный тихимъ вѣтромъ, находился въ морѣ до 23-го сентября, когда, отчасти при помощи пароходовъ, а отчасти и благодаря возобновившемуся легкому попутному вѣтру, началъ подходить къ Анакрии. 24-го на разсвѣтѣ весь парусный флотъ собрался на этомъ рейдѣ и къ четыремъ часамъ дня десантъ былъ высаженъ на берегъ при полномъ штилѣ.

«Жители окрестныхъ мѣстъ», — занесъ въ свой дневникъ одинъ изъ очевидцевъ высадки, — «говорятъ, что не запомнятъ такой погоды на открытомъ рейдѣ Анакрии и одни съ ужасомъ, а другіе съ самодовольствомъ смотрѣли на этотъ огромный флотъ, гордо приближавшійся къ берегамъ въ такое бурное время года. — Самъ Аллахъ помогаетъ русскимъ, говорили озлобленные черкесы».

5-го октября весь Черноморскій флотъ вновь собрался на Севастопольскомъ рейдѣ ¹⁾).

Императоръ Николай былъ очень обрадованъ быстрымъ и удачнымъ окончанїемъ перевозки войскъ, причемъ все главнѣе руко-

¹⁾ Исход. отч. Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 годъ. Арх. мор. мин. воен. мор. канц. 1853 г. д. № 155—84. Жандръ: Матер. къ біограф. Корнилова. Контръ-адмиралъ Афанасьевъ. Рукопись. (Музей Севастопольской обороны). Дневникъ А. В. Аслыбекова. (Музей Севастопольской обороны). Краткій журналъ лейт. Бутакова, тамъ же.

водителя операціи, начиная съ князя А. С. Меншикова, удостоившись особыхъ наградъ ¹⁾).

IV.

«По всѣмъ извѣстіямъ», — писалъ графъ Адлербергъ князю Меншикову въ концѣ сентября ²⁾), — «разрывъ съ Турціей неизбеженъ и можно даже ожидать скорого открытїя военныхъ дѣйствїй. По сему необходимо нынѣ же рѣшить вопросъ: какъ въ такомъ случаѣ употребить Черноморскій флотъ въ нынѣшнюю осень и наступающую зиму?» Далѣе графъ Адлербергъ увѣдомлялъ князя о томъ, что Государю угодно знать заблаговременно мнѣніе по этому поводу начальника главнаго морского штаба, причемъ присовокупялъ, что «съ своей стороны Государь Императоръ полагаетъ, что болѣе всего пользы можно извлечь изъ нашего флота учрежденїемъ крейсерства передъ устьемъ Босфора и вдоль тѣхъ береговъ Чернаго моря, гдѣ преимущественно турки могли бы пользоваться выгодами морского сообщенїя во вредъ намъ». Въ этомъ отношенїи какъ цѣли дѣйствїй указывались — прекращенїе подвоза запасовъ, оружія и даже войскъ изъ Константинополя въ Варну, Батумъ и другіе приморскіе пункты, какъ европейскаго, такъ и азіатскаго береговъ, и усиленїе крейсерства вдоль нашей береговой линїи. Однако, такой способъ дѣйствїй допускался Государемъ «лишь въ томъ предположенїи, что флоты другихъ морскихъ державъ ограничатся наблюденїемъ входа въ Босфоръ около Константинополя и не войдутъ сами въ Черное море».

Письмо графа Адлерберга заканчивалось увѣдомленїемъ, что «Его Величество не дозволяетъ себѣ положительнаго мнѣнїя въ дѣлѣ морскомъ, недостаточно ему знакомомъ» и что, поэтому, Государь желаетъ, чтобы князь Меншиковъ представилъ «свое мнѣніе съ полной откровенностью, несколько не стѣсняясь изложенными здѣсь Высочайшими указанїями».

По всей вѣроятности, слѣдствїемъ этого письма явилась записка Корнилова, поданная имъ 1-го октября князю Меншикову ³⁾).

Авторъ этой записки признавалъ осеннее и зимнее крейсерство

¹⁾ Кн. Меншиковъ — благодарственный рескриптъ, Нахичевъ — орденъ Владиміра 2-й ст., Корниловъ — 1-я Анна 1-й ст., Краббе — Владиміра 3-й ст.

²⁾ 24-го сентября 1853 года, № 419. Арх. канц. воен. мин. 1853 г. сенр. д. № 60.

³⁾ Жандръ, стр. 67.

въ Черномъ морѣ затруднительнымъ, близъ Босфора даже опаснымъ и вообще мало дѣйствительнымъ, такъ какъ парусныя суда не могли держаться возлѣ береговъ, близъ которыхъ смѣло проходили пароходы. Корниловъ предполагалъ выбрать другое средство мѣшать плаванію турокъ и въ этомъ отношеніи останавливался на необходимости занятія на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ гаваней, въ которыхъ отряды военныхъ судовъ могли бы безопасно учредить, при содѣйствіи сильныхъ пароходовъ, свои наблюдательныя посты. Адмиралъ указывалъ, какъ на пункты, наиболѣе подходящіе для этой цѣли, на Сизополь и Синопъ. Оба эти пункта находились на пути движенія турецкаго флота къ театрамъ военныхъ дѣйствій, были удобны къ удержанію ихъ малыми силами отъ покушеній съ сухого пути и могли вмѣстѣ на зиму значительныя флоты.

Мысль Корнилова о неудобствѣ зимняго крейсертва раздѣлялъ и князь Меншиковъ, который находилъ его «безполезнымъ и разорительнымъ для судовъ»¹⁾; неизвѣстно только, какъ отнесся онъ къ предложенію занять Сизополь и Синопъ. Во всякомъ случаѣ предложеніе это не было исполнено и, вѣрнѣе всего, по причинамъ политическаго характера, такъ какъ такія дѣйствія нашего флота уничтожили бы послѣднюю надежду Императора Николая на сохраненіе мирныхъ отношеній съ Англійей и Франціей.

9-го октября Государь въ собственноручномъ письмѣ къ князю Меншикову вновь затронулъ вопросъ о роли Черноморскаго флота.

Упомянувъ о томъ, что объявленіе Турціей войны не заставитъ его измѣнить оборонительнаго плана на Дунаѣ, который онъ рѣшилъ пока не переходить, даже въ случаѣ побѣды надъ турками на лѣвомъ берегу рѣки, Государь выражалъ намѣреніе дѣйствовать на Кавказѣ наступательно и, въ случаѣ нападенія турокъ на наши предѣлы, разбить ихъ, а потомъ овладѣть Карсомъ, Ардаганомъ, а, можетъ быть, и Баязетомъ. Далѣе Государь вновь спрашивалъ князя Меншикова о тѣхъ предпріятіяхъ, которыя можно возложить на Черноморскій флотъ, и съ своей стороны обрисовывалъ положеніе, въ которомъ этотъ флотъ находился.

«Хотя намъ здѣсь еще неизвѣстно», — писалъ онъ, — «часть ли только или весь флотъ англійскій и французскій вошли въ Босфоръ, но въ Лондонѣ были уже угрозы войти въ Черное море и прикрывать турецкія гавани, на что Брунновъ очень хорошо возразилъ, что это все равно, что объявленіе намъ войны». Этимъ Брунновъ, по

¹⁾ Князь Меншиковъ генералъ-адмиралу 16-го октября 1853 года. Гос. арх., разр. XI, д. № 1249.

его словамъ, «напугалъ» англичанъ, которые объявили, что «доколь мы не атакуемъ турецкихъ портовъ, то ихъ флотъ не войдетъ въ Черное море».

Императоръ Николай приказалъ объявить великобританскому кабинету, что съ своей стороны онъ приметъ всякое появленіе ихъ военныхъ судовъ въ Черномъ морѣ за враждебныя дѣйствія противъ Россіи и отвѣтитъ таковыми же.

Обращаясь къ возможнымъ дѣйствіямъ нашего флота, Государь предъявлялъ князю Меншикову слѣдующія свои желанія:

Послѣ пачала турками дѣйствій, флоту наноситъ имъ возможный вредъ, забирая отдѣльныя суда, пересѣкая сообщенія вдоль берега и даже бомбардируя Кюстенджы, Варну или какой-либо другой пунктъ. Ежели же турки выйдутъ со своимъ флотомъ и захотятъ зимовать гдѣ-либо инѣ Босфора, то позволить имъ исполнить «эту глупость, а потомъ задать имъ Чесму».

Что касается до флотовъ западныхъ державъ, то въ случаѣ встрѣчи съ ними «не на своемъ мѣстѣ вмѣстѣ съ турками», дѣйствовать противъ тѣхъ и другихъ, какъ противъ враговъ.

Въ заключеніе Государь приказывалъ не отваживаться безъ нужды на невѣрное предпріятіе, но не упускать ни одного случая наносить врагамъ всевозможный вредъ.

«Аминь и къ дѣлу», — заканчивалъ свое письмо Императоръ Николай. — «Съ нами Богъ, а исполнители праваго дѣла князь Меншиковъ и Черноморскій флотъ и потому — честь и слава!»

Князь М. Д. Горчаковъ также волновался въ Бухарестѣ относительно той роли, которая будетъ возложена на нашъ флотъ.

«Что меня болѣе всего интересуетъ», — писалъ онъ военному министру¹⁾, — «это узнать, какія повелѣнія дастъ Его Величество нашему флоту; было бы очень желательно, чтобы онъ крейсировалъ у устья Дуная и мѣшалъ бы проходу въ эту рѣку черезъ Гергиевскій рукавъ турецкихъ вооруженныхъ судовъ».

Князь Меншиковъ съ своей стороны отказывался допустить возможность выхода плохого по своему составу турецкаго флота въ море въ столь позднее время года, а также занятіе имъ позицій, какъ о томъ носились слухи, у мыса Калиакра (къ сѣв.-вост. отъ Варны) или въ Бургаскомъ заливѣ²⁾. По тѣмъ не менѣе онъ рѣшился

¹⁾ Отъ 12-го октября 1853 года. Арх. кавк. воен. мин. по слоб. в. 1853 г., д. № 57.

²⁾ Князь Меншиковъ — генералъ-адмиралу 16-го октября 1853 г., Гос. арх., разр., XI, д. № 1249.

произвести рекогносцировку Румелийского берега и, въ случаѣ отысканія турецкаго флота, дѣйствовать нашими соединенными эскадрами, смотря по обстоятельствамъ. Выводить флотъ заблаговременно изъ Севастополя свѣтлѣйшій князь не считалъ полезнымъ, такъ какъ нахожденіе его въ морѣ непременно остановитъ турокъ, если бы они имѣли «невѣроятное» намѣреніе выйти изъ Босфора.

Признавая змнее крейсерство безполезнымъ и разорительнымъ для судовъ, Меншиковъ въ то же время непременно обѣщался воспользоваться послѣдними осенними днями, чтобы нанести туркамъ возможно болѣе вреда, ежели съ ихъ стороны начнутся военные дѣйствія, или же если за таковыя приказано будетъ признать дѣло у Исакии ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ князь Меншиковъ признавалъ, что дѣйствія нашего флота должны подчиняться поведенію двухъ морскихъ державъ и что съ силами превосходящими сражаться было бы неосторожно. Не мало его смущала также неопредѣленность нашего политическаго положенія и опасеніе, чтобы дѣйствія на Черномъ морѣ не помѣшали бы веденію мирныхъ переговоровъ ²⁾.

Но въ то время, какъ шли эти переговоры между главными дѣйствующими лицами, Черноморскій флотъ не бездѣйствовалъ. Лишь только успѣвъ онъ сосредоточиться на Севастопольскомъ рейдѣ, послѣ перевозки 13-й дивизіи на Кавказъ, какъ рѣшено было въ предвидѣніи начала военныхъ дѣйствій усилить крейсерство въ западной и восточной частяхъ Чернаго моря.

По имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ можно было предполагать, что англійскіе руководители турецкихъ властей составили для начала войны обширный планъ наступательныхъ дѣйствій со стороны Закавказья, чтобы, такимъ образомъ, отвлечь значительную часть нашихъ силъ отъ западной границы и что поэтому должно было ожидать движенія значительныхъ запасовъ и войскъ изъ Босфора къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря ³⁾.

Для наблюденія за такимъ передвиженіемъ въ началѣ октября рѣшено было вновь выслать въ крейсерство эскадру вице-адмирала

¹⁾ 11-го октября. Въ этотъ день турокъ въ укрѣпленіи близъ Исакии открыли огонь по подымавшимся вверхъ по Дунаю судамъ нашей флотилии.

²⁾ Въ цитируемомъ письмѣ кн. Меншиковъ ссылается на свое всеподданнѣйшее письмо отъ 3-го октября, котораго при всенъ стараніи мы въ архивахъ отыскать не могли, также какъ и вообще большинства писемъ Меншикова къ государю за 1853 г. Въ своемъ же дневникѣ кн. Александръ Сергѣевичъ не имѣлъ обыкновенія затрагивать общегосударственныхъ вопросовъ.

³⁾ Контръ-адмиралъ Афанасьевъ. Рунисъ. Музей Севастопольской обороны.

Нахимова ¹⁾ изъ четырехъ 84 пушечныхъ кораблей, трехъ фрегатовъ, двухъ бриговъ и одного пароходо-фрегата ²⁾, включая сюда и всѣ находившіеся между Крымомъ и Босфоромъ крейсера. Этой эскадрѣ предписывалось крейсировать между Анатоліей и Крымомъ, держась, по возможности, на меридіанѣ Тархапкута и паралели 43° и имѣть по очередно одинъ фрегатъ и бригъ на Севастопольскомъ рейдѣ, какъ для отдыха этихъ судовъ, бывшихъ въ крейсерствѣ съ начала лѣта, такъ и для сообщенія съ портами.

Цѣль посланки эскадры указывалась та же, что и прежде бывшимъ крейсерамъ, т. е. желаніе имѣть при ожидаемомъ разрывѣ наши морскія силы у береговъ Турціи и особенно на сообщеніи Константинополя съ Анатолійскими приморскими городами. Одновременно съ этимъ Нахимову предписывалось до полученія новыхъ инструкцій по прежнему не считаться въ войнѣ съ турками.

Командиру Севастопольскаго порта вмѣстѣ съ этимъ предписывалось ³⁾ поставить на пароходахъ «Крымъ», «Одесса» и «Херсонесъ», находившихся на сообщеніяхъ съ Константинополемъ, предназначенную имъ артиллерию, снабдить ихъ командами и всѣмъ необходимымъ по военному положенію, а весь остальной флотъ держать въ полной готовности къ выходу въ море.

Не успѣвъ еще П. С. Нахимовъ выйти въ море, какъ въ Севастополѣ были получены неофициальныя свѣдѣнія ⁴⁾ о томъ, что турецкимъ судамъ приказано послѣ 9 (21) октября атаковать наши суда, если они ихъ встрѣтятъ въ морѣ въ меньшихъ силахъ и что изъ Константинополя въ Батумъ послано три турецкихъ пароходо-фрегата съ орудіями. Поэтому Нахимову предписывалось распространить свое крейсерство къ Анатолійскому берегу между мысомъ Керемпе и портомъ Амастро съ такимъ расчетомъ, чтобы быть на пути сообщенія между Константинополемъ и Батумомъ.

Нашей эскадрѣ разрѣшалось подходить на видъ береговъ, но не позволялось начинать враждебныя дѣйствія противъ турокъ безъ открытія таковыхъ съ ихъ стороны или же безъ повелѣнія высшаго начальства.

¹⁾ Предписаніе адмирала Барха вице-адмиралу Нахимову отъ 5-го октября 1853 г., № 51.

²⁾ Корабли: «Императрица Марія», «Ягудинъ», «Храбрый» и «Чесма»; фрегаты: «Коварна», «Куленча» и «Кагуль»; бриги: «Эней» и «Изоль» и пароходо-фрегатъ «Пессарабіа».

³⁾ Предписаніе адмирала Барха отъ 5-го октября 1853 г., № 52.

⁴⁾ Отношеніе ген.-адъют. Корнилова къ командиру Севастопольскаго порта отъ 8-го октября 1853 г., № 277 изъ Одессы.

11-го октября Нахимовъ ушелъ въ море, чтобы черезъ мѣсяць съ лишнимъ вновь явиться въ Севастополь уже съ лаврами Синопскаго побѣдителя ¹⁾).

На слѣдующій день, 12-го октября, князь Меншиковъ и Корниловъ, находясь въ Одессѣ, получили извѣстіе объ открытіи турками военныхъ дѣйствій у Исакчи, при чемъ князь Александръ Сергѣевичъ рѣшилъ немедленно отправить Корнилова въ Севастополь, откуда онъ долженъ былъ предпринять большую рекогносцировку во главѣ соединенной эскадры изъ четырехъ пароходо-фрегативъ. Ему поручено было осмотрѣть Калиакрскій и Бургаскій заливы, спуститься мимо Босфора къ мыслу Кефкенъ-Аденъ и далѣе дойти до мыса Керемпе, на меридіанѣ котораго онъ долженъ былъ встрѣтиться съ эскадрой Нахимова. Въ случаѣ открытія турецкаго флота, Корниловъ долженъ былъ дать знать, какъ эскадрѣ Нахимова, такъ и остальному флоту, который немедленно выйдетъ съ нимъ на соединеніе ²⁾).

16-го октября Корниловъ прибылъ въ Севастополь, сообщилъ особымъ приказомъ по флоту о дѣлѣ подъ Исакчей ³⁾, выразивъ увѣреніе, что всѣмъ извѣстная исправность судовъ Черноморскаго флота дастъ полную надежду, что флотъ этотъ, бывъ вызванъ на бой врагами Россіи, докажетъ свѣту справедливость доброй славы, имъ приобрѣтенной, и предписалъ рядъ мѣръ къ полной готовности флота выйти по первому требованію въ море.

Съ этой цѣлью въ Севастополь были сформированы три эскадры—двѣ парусныя, подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго изъ 6-ти кораблей (изъ нихъ четыре 100 пушечныхъ) и 2-хъ фрегативъ ⁴⁾, и подъ флагомъ контръ-адмирала Вульфа изъ 4-хъ кораблей ⁵⁾, и одна пароходная подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова изъ 4-хъ пароходивъ ⁶⁾. Первые двѣ эскадры составляли резервъ на случай надобности выхода въ море, а также и для защиты

¹⁾ Всеподлиннѣйшій рапортъ вице-адмирала Нахимова отъ 11-го октября 1853 г. Арх. морск. мин.

²⁾ Князь Меншиковъ—генералъ-адмиралу 16-го октября 1853 г. Гос. арх., январ. XI, д. № 1249.

³⁾ Приказъ по Черноморскому флоту 16-го октября 1853 г., № 5. Никол. центр. арх. ин. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, с. 130. Жандръ, стр. 71.

⁴⁾ Корабли «Три Святителя», «Двадцать вѣстозловъ». «В. Км. Констанинопль», «Парижъ», «Ростиславъ» и «Святославъ»; фрегаты: «Кудевича» и «Индія».

⁵⁾ «Гавриилъ», «Сезафаилъ», «Уриилъ» и «Варца».

⁶⁾ «Херсонесъ», «Крымъ», «Одесса» и «Громоносецъ».

Севастопольскаго рейда; эскадра же пароходивъ предназначалась для производствъ рекогносцировокъ ¹⁾).

Одновременно съ этимъ Корниловъ отправилъ корветъ «Калипсо» къ Нахимову ²⁾ съ подтвержденіемъ высочайшаго повелѣнія быть до времени въ оборонительномъ положеніи и выжидать первый выстрѣлъ со стороны турокъ. «Опять предостерегаю васъ отъ англичанъ», заключалъ свое письмо Корниловъ. Вамъ извѣстно, какъ они рѣшительны, когда дѣло идетъ объ истребленіи чужихъ кораблей по одиночкѣ; я все опасаюсь, что они выскочатъ изъ Босфора, что бы на васъ напасть».

Между тѣмъ предполагаемый Корниловымъ выходъ на рекогносцировку нѣсколько задержался, такъ какъ по прибытіи въ Севастополь онъ не нашелъ всѣхъ пароходивъ въ сборѣ.

22-го числа онъ получилъ отъ князя Меншикова письмо, дающее понятіе о томъ фальшивомъ положеніи, въ которое былъ поставленъ нашъ флотъ запутанными дипломатическими отношеніями и постоянной неизвѣстностью о мирѣ и войнѣ. «Можетъ быть», писалъ онъ, «не лишнее было бы показаться вамъ у Сулина, дабы узнать не было ли между тѣмъ покушеній турокъ учинить набѣгъ за Дунаемъ и, слѣдовательно, начать дѣйствительную войну, что намъ развязало бы руки... Но ежели бы турецкій флотъ дѣйствительно расположился гдѣ либо вѣдъ Босфора, хотя бы то было и съ охраннымъ кораблемъ англійскимъ и французскимъ, я рѣшусь, подъ своею отвѣтственностью, на всякое дѣйствіе ³⁾».

Лишь только 23-го октября, поднявъ свой флагъ на «Владимиръ», Корниловъ вышелъ съ пароходами «Громоносецъ», «Одесса» и «Херсонесъ» изъ Севастопольскаго рейда, взявъ курсъ на Сулину.

Предпринимая рекогносцировку, Корниловъ принялъ всѣ мѣры, чтобы возможно подробнѣе и пезамѣтнѣе разсмотрѣть непріятельскія бухты, быть готовымъ въ случаѣ встрѣчи съ соотвѣтственными силами турокъ ⁴⁾, къ бою всей эскадрой, а также, чтобы своевременно извѣстить Нахимова, Севастопольскую эскадру и князя Меншикова о выходѣ въ море превосходнаго по силамъ турецкаго флота. На этотъ случай онъ заблаговременно отдалъ на пароходѣ

¹⁾ Контръ-адмир. Афанасьевъ (рукопись). Музей Севаст. обороны. Дневникъ А. Б. Аславбенова (рукопись). Тамъ же. Шапочные журналы. Николаевскій архивъ. Жандръ, стр. 71—73.

²⁾ 18-го октября 1853 г. Тамъ же.

³⁾ Жандръ, стр. 78. Письмо отъ 20-го октября 1853 г. изъ Николаева.

⁴⁾ Инструкціи, данная ген.-вдѣютъ Корниловымъ командиривъ пароходивъ, помѣщена у Жандра на стр. 80—81.

«Херсонесъ», долженствовавшій извѣстить П. С. Нахимова, запечатанный конвертъ съ инструкціей для дѣйствія эскадры послѣдняго. Корниловъ высказывалъ въ ней желаніе, чтобы Нахимовъ, при полученіи извѣстія о выходѣ турецкаго флота въ море, двинулся вдоль Азіатскаго берега къ Босфору, чтобы отрѣзать отступленіе непріятельскому флоту, а самъ съ прибывшей изъ Севастополя эскадрой предполагалъ дѣйствовать съ фронта. Если же, оканчивалъ онъ, «вамъ удастся предупредить Севастопольскую эскадру и застать непріятеля на якорѣ подъ его крѣпостями, то блокировать его до соединенія и тогда, съ Божіею помощію, можетъ повториться знакомое вамъ Наваринское сраженіе ¹⁾!»

24-го октября утромъ Корниловъ подошелъ къ Суливу, гдѣ отъ австрійскаго парохода узналъ, что флоты западныхъ державъ начинаютъ занимать свою позицію въ Бейкосѣ и носится слухи, что часть ихъ останется въ Галлиполи, а турецкій флотъ не покидаетъ Буюкь-Дере, но, что тамъ собирается особая эскадра для отправленія ея въ Батумъ.

Не смотря на эти извѣстія, эскадра продолжала свою рекогносцировку къ югу, то перестраиваясь, смотря по обстоятельствамъ, въ боевой порядокъ (ордеръ фронта — на перпендикулярѣ курса), то въ походный (другъ у друга въ кильватерѣ) на такомъ разстояніи другъ отъ друга, которое скрывало бы, по возможности, величину эскадры отъ взоровъ непріятеля, но въ то же время позволяло бы ей дѣйствовать совмѣстно, въ случаѣ столкновенія съ непріятелемъ. Самъ же Корниловъ, пользуясь быстротою хода «Владимира», его не дающимъ дыму антрацитнымъ отопленіемъ и прикрываясь парусами, подходилъ на самое близкое разстояніе къ турецкимъ берегамъ.

Такимъ образомъ имъ были подробно осмотрѣны все заливы и рейды на Европейскомъ берегу Турціи вплоть до Босфора, но нигдѣ не было замѣчено ни одного военнаго судна. 26-го октября эскадра пароходовъ подошла на 30 миль къ Босфору при дурной погодѣ съ сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Тогда Корниловъ, опасаясь, что эскадрѣ придется бороться съ крѣпкими сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, который предвѣщали и барометръ и облака, и потерявъ всякую надежду встрѣтить какія-либо военныя турецкія суда, кромѣ обыкновенныхъ крейсеровъ, содержащихся у самого пролива, отправилъ съ донесеніями — «Громоносца» въ Одессу, а «Херсонесъ»

¹⁾ Жандръ, стр. 82.

въ Севастополь. Самъ же адмиралъ на «Владимірѣ» и имѣя за собою въ пяти миляхъ «Одессу», чтобы, такимъ образомъ, возможно болѣе продолжительное время скрыть свое приближеніе, направился къ Константинопольскому проливу.

Въ четвертомъ часу дня онъ различалъ уже маяки и между ними множество кучеческихъ судовъ, среди которыхъ вскоре обнаружилъ эскадру турецкихъ крейсеровъ, состоявшую изъ 5-ти фрегатовъ, одного корвета и одного парохода. «Владиміръ» подошелъ къ крейсерамъ почти на пушечный выстрѣлъ, привелъ ихъ въ «большую суету и недоумѣніе». Но налетѣвшій съ сѣверо-востока шквалъ и наступившая темнота заставили Корнилова повернуть назадъ, на соединеніе съ «Одессой». «Тутъ я видѣлъ, кончаетъ Корниловъ свое донесеніе, какое преимущество имѣютъ сильныя пароходы и скорбѣлъ о нашемъ въ этомъ отношеніи недостаткѣ».

Опасенію не имѣть достаточно топлива до Севастополя заставило адмирала отказаться отъ свиданія съ П. С. Нахимовымъ, которому онъ не имѣлъ ничего сообщить любопытнаго, и взять курсъ на Севастополь ¹⁾, куда онъ и прибылъ 28-го октября.

Однако, есть основаніе полагать, что турецкая эскадра, обнаруженная Корниловымъ съ «Владимира» и находившаяся у выхода изъ Босфора, не была единственной. Лейтенантъ Желѣзновъ упоминаетъ въ своей запискѣ ²⁾, что одновременно съ этимъ изъ Босфора выходили 3 большихъ парохода и у нихъ на буксирахъ 3 парусныя судна, которыя по величинѣ рангоута можно было принять за корабли и фрегаты. Пароходъ «Одесса», направившійся въ это же время на мысъ Керемне, замѣтилъ миляхъ въ 16-ти отъ «Владимира» два турецкихъ корабля, пароходо-фрегатъ и бригъ, лежащіе на пересѣченіи его курса ³⁾.

Въ тотъ же день «Херсонесъ», разлучившись съ «Владиміромъ» для слѣдованія въ Севастополь, увидѣлъ въ 2 часа пополудни къ сѣверу отъ себя эскадру изъ шести судовъ большого ранга, которую онъ принялъ за эскадру Нахимова, и повернулъ къ «Одессѣ», чтобы предупредить ее объ этомъ. За мрачностью «Одесса» не замѣтила сигнала «Херсонеса», который между тѣмъ увидалъ на югъ отъ себя три корабля, фрегатъ и пароходъ подъ турецкими фла-

¹⁾ Отчетъ ген.-адъют. Корнилова, составленный 28-го октября 1853 года. Никол. центр. арх. кн. оп. 23, оп. 185, л. № 1765 св. 61-я. Отчетъ этотъ помещенъ у Жандра, стр. 83—85.

²⁾ Жандръ, стр. 85.

³⁾ Шханоцкой журналъ «Одесса». Никол. центр. арх. кн. оп. 51, оп. 335, л. № 2438, св. 134.

гами. «Херсонесъ», желая предупредить объ этомъ Нахимова, взять курсъ на ранѣе видѣнную имъ эскадру, но не догналъ ее, а недостатокъ угля, при усиливавшемся сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, принудилъ его идти въ Севастополь ¹⁾.

Въ то же время эскадра Нахимова, вышедшая, какъ извѣстно, въ море еще 11-го октября, боролась все время со свѣжими сѣверо-восточными вѣтрами и также 25-го октября замѣтила турецкій пароходъ, которому удалось благополучно ускользнуть отъ преслѣдованія парохода «Бессарабинъ» и фрегата «Кагуль» ²⁾.

Такимъ образомъ, когда, по возвращеніи 28-го октября Корнилова въ Севастополь, у него сосредоточились всѣ указанная выше свѣдѣнія, то для Владиміра Алексѣевича стало очевиднымъ присутствіе въ Черномъ морѣ значительной турецкой эскадры.

V.

Хотя манифестъ о войнѣ къ этому времени въ Севастополѣ еще не былъ полученъ, но враждебныя дѣйствія, открытыя уже турками противъ насъ на Европейскомъ и Азіатскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій, заставили князя Меншикова немедленно по полученіи извѣстія о выходѣ изъ Босфора турецкой эскадры принять рядъ мѣръ, какъ для усиленія крейсировавшаго у восточныхъ береговъ Чернаго моря отряда судовъ контръ-адмирала Сивидина, такъ и для извѣщенія Нахимова и для поисковъ турецкой эскадры, если она направится вдоль Европейскаго берега.

Съ этой цѣлью фрегаты «Флора» и «Мидія» и пароходо-фрегатъ «Херсонесъ» должны были отправиться, подъ флагомъ контръ-адмирала Вукотича, къ Сухумъ-Кале для подкрѣпленія отряда контръ-адмирала Сивидина ³⁾; фрегаты «Коварна» и «Кагуль» — къ вице-адмиралу Нахимову; эскадра контръ-адмирала Вульфа, съ присоединеніемъ къ ней корвета «Калипсо» и парохода «Грознаго», оставаться на Севастопольскомъ рейдѣ и находиться въ совершенной готовности къ выходу въ море, а эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, съ присоединеніемъ къ ней пароходовъ «Владиміра» и «Одессы» и брига «Эней», должна была немедленно выйти въ море

¹⁾ Контръ-адм. Афанасьевъ (рукопись). Музей Севастопольской обороны. Жандръ, стр. 86.

²⁾ Шхавочный журналъ брига «Ивонъ». Никол. центр. арх. кн. оп. 51, оп. 335, л. № 2413, св. 133.

³⁾ Вукотичъ долженъ былъ сѣсть въ начальствованіи отрядомъ Сивидина, которому предписано было вернуться въ Севастополь.

подъ флагомъ В. А. Корнилова для исполненія особаго возложеннаго на нее порученія ¹⁾.

Посылая въ море большую часть флота, подъ вліяніемъ ли писемъ Императора Николая или же стремившагося въ бой полнаго энергія Корнилова, князь Меншиковъ въ душѣ не рассчитывалъ на возможность встрѣчи въ такое позднее время года съ турецкой эскадрой въ открытомъ морѣ, а атаковать турецкія крѣпости ему не было дано право; вотъ почему, надо полагать, онъ измѣнилъ своему намѣренію лично стать во главѣ эскадры ²⁾. «Ваша задача», писалъ онъ по этому поводу князю Горчакову 2-го ноября ³⁾, «какъ мнѣ кажется, строго оборонительная. моя же — атаковать непріятели всюду, гдѣ его встрѣтятъ въ морѣ, не касаясь крѣпостей. Для этой цѣли я имѣю въ морѣ двѣ эскадры, которыя, по всей вѣроятности, встрѣтятъ только нѣсколько транспортовъ или пароходовъ, которые укроются въ портахъ» ⁴⁾.

Отправляя 28-го октября, до полученія манифеста о войнѣ, Корнилова въ море, князь Меншиковъ поставилъ ему задачей отыскать видѣнный пароходомъ «Херсонесъ» турецкій флотъ, если онъ расположится въ одномъ изъ трехъ портовъ — Сивополѣ, Варнѣ или Балчикѣ ⁵⁾. Эскадра, врученная ему, состояла изъ 120-ти пушечныхъ кораблей: «Вел. Кн. Константинъ», подъ флагомъ Корнилова, «Три Святителя», подъ флагомъ Новосильскаго, «Парижъ», «Двѣнадцать Апостоловъ», подъ флагомъ Паифилова, 84-хъ пушечныхъ кораблей: «Ростиславъ» и «Святославъ» брига «Эней» и двухъ пароходовъ «Владиміра» и «Одессы», которые должны были присоединиться вездѣ за выходомъ эскадры.

Въ девять часовъ вечера 28-го числа Корниловъ отдалъ по эскадрѣ слѣдующій приказъ:

¹⁾ Приказъ командира Севастопольскаго порта 28-го октября 1853 года, № 1095. Никол. центр. арх. кн. 17, оп. 97, д. № 43, св. 3-я.

²⁾ 20-го октября князь Меншиковъ писалъ Корнилову: «Ежели вы действительно узнаете о выходѣ турецкаго флота изъ Босфора, то безусловно дайте мнѣ знать съ назначеніемъ пункта соединенія съ вами». Жандръ, стр. 79.

³⁾ Манифестъ о войнѣ былъ полученъ въ Севастополѣ 30-го октября. Дневникъ А. В. Александрова (рукопись). Музей Севаст. обороны.

⁴⁾ «Votre programme est la défensive stricte à ce que je crois, le mien est d'attaquer l'ennemi partout où on le rencontrera en mer, sans toucher aux places. J'ai deux escadres en mer à cet effet qui probablement ne rencontreront que quelques transports ou vapeurs qui se réfugieront dans les ports». Воен. Уч. арх. гл. шт. отд. 2, д. № 4253.

⁵⁾ Подлинное донесеніе генералъ-адъютанта Корнилова князю Меншикову о производимомъ плаваніи отъ 7-го ноября 1853 г. Никол. центр. арх. кн. оп. 23, оп. 185, л. № 1763, св. 61.

«Получивъ приказаніе господина начальника главнаго морскаго штаба вступать въ командованіе эскадрой, бывшей подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго, съ присоединеніемъ пароходовъ «Владиміръ», «Одесса» и брига «Эней», и слѣдовать немедленно для открытія и истребленія турецкаго флота, вышедшаго изъ Босфора, буде онъ перешелъ паралель Инады, я объявляю объ этомъ для свѣдѣнія кому слѣдуетъ, при чемъ присовокупляю, что флагъ мой будетъ поднятъ на кораблѣ «Вел. Кн. Константинъ» и что сего числа ночью или съ разсвѣтомъ и намѣренъ сняться, надѣясь, что если бы счастье намъ благопріятствовало и мы встрѣтили бы непріятели, то съ помощію Божьей, офицеры и команды судовъ, со мною отплывающихъ, вполнѣ воспользуются случаемъ увеличить нашу флотъ новыми кораблями. Такъ какъ манифеста о войнѣ нѣтъ, то судамъ нашимъ разрѣшено брать и истреблять одни только турецкія военныя суда: купеческія же осматривать и въ такомъ только случаѣ не отпускать, если они будутъ имѣть войска или грузъ, турецкому правительству принадлежащій, а что касается до судовъ военныхъ или купеческихъ другихъ націй, то все остается въ старомъ порядкѣ и ихъ ни подъ какимъ предлогомъ не должно останавливать. При могущемъ встрѣтиться боѣ, я не считаю нужнымъ излагать какія-либо наставленія — дѣйствовать соединенно, помогая другъ другу и на самое близкое разстояніе, по моему лучшей тактикѣ»¹⁾).

Въ тотъ же день съ фрегатомъ «Коварна» Корниловъ писалъ Нахимову²⁾, выражая надежду, что Павлу Степановичу удастся расколотить въ пухъ турецкую флотилію, посылаемую въ Батумъ или Сухумъ; о себѣ же сообщалъ, что онъ выходитъ въ море искать турецкую эскадру, видѣнную «Херсопесомъ», по думаетъ, что не найдетъ ее ни въ Варнѣ, ни въ Бургасѣ, далѣе котораго не рѣстунать не приказано. Свое письмо Владиміръ Алексѣевичъ кончалъ выраженіемъ надежды пробраться отъ Бургаса на свиданіе съ Нахимовымъ.

Такимъ образомъ, при выходѣ въ море сфера дѣятельности эскадры Корнилова была строго ограничена, въ виду неизвѣстности состоялся ли манифестъ о войнѣ, о которомъ ему пришлось узнать только 7-го ноября по возвращеніи въ Севастополь. Впрочемъ, какъ можно судить изъ приведенной выше выдержки изъ

¹⁾ Шхалочный журналъ корабля «Три Святителя» за 1853 г. Никол. центр. арх., ин. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130.

²⁾ Жандръ, стр. 88.

письма князя Меншикова къ князю Горчакову отъ 2-го ноября, т. е. по полученіи имъ уже манифеста, этотъ послѣдній не измѣнилъ взгляда князя Александра Сергѣевича на неприкосновенность турецкихъ приморскихъ крѣпостей.

29-го октября, въ восьмомъ часу утра, эскадра Корнилова снялась съ якоря и, обмѣнявшись салютомъ съ эскадрой контръ-адмирала Вульфа и крѣпостью, взяла курсъ на мысъ Калиакра. Выйдя въ открытое море, Владиміръ Алексѣевичъ поднялъ сигналъ: «объявить командамъ, что Государь ожидаетъ усердной службы, а Россія всегдашней славы своего оружія — съ нами Богъ!»¹⁾).

Все плаваніе эскадры Корнилова совершалось при самой благопріятной погодѣ. Тотчасъ за Херсонескія маякомъ ее встрѣтилъ крѣпкій юго-восточный вѣтеръ, обратившійся къ вечеру въ противный юго-западный штормъ съ большимъ неправильнымъ волненіемъ и дождевыми шквалами. Противные вѣтры, штормы, шквалы, градъ и дождь неотступно сопровождали наши многочисленныя суда, разбросанныя по всему Черному морю. Корнилову на западѣ, Нахимову въ центрѣ и Вукотичу на востокѣ съ одинаковой трудностью пришлось, за отсутствіемъ спрятавшихся по портамъ турецкихъ судовъ, бороться съ болѣе грознымъ врагомъ — разбушевавшимся Чернымъ моремъ и это не одинъ — два дня, а недѣлю и даже, какъ напримѣръ Нахимову, свыше мѣсяца.

Лишь только 3-го ноября эскадра Корнилова, присоединивъ къ себѣ «Владиміра» и не дождавись «Одессы», приблизилась къ мысу Калиакра²⁾. Адъютантъ адмирала, лейтенантъ Желѣзновъ, былъ посланъ на «Владиміръ» осмотрѣть Балчикъ, Варну, Сизополь и Бургасъ, а эскадра въ полной готовности къ бою въ морѣ или къ якорному дѣлу стройно лавировала, готовая двинуться на непріятели. Но Желѣзновъ безпрестанно подавалъ печальнѣе моряковъ сигналы, что турецкаго флота нигдѣ не обнаружилъ. Опрошенныя же купеческія суда показали, что турецко-египетскій флотъ стоитъ въ Буюкь-Дере, но прежнему имѣя фрегаты и мелкія суда въ крейсеровѣ у самаго пролива; четыре англійскихъ и столько же французскихъ линейныхъ кораблей, при соответственномъ числѣ пароходовъ, расположились у азіатскаго берега, а три турецкія парохода 31-го октября отправились въ Трѣбизондъ³⁾.

¹⁾ Вихтенинъ журналъ корабля «В. Кн. Константинъ» за 1853 г. Никол. центр. арх., ин. оп. 51, оп. 335, д. № 2380, св. 130.

²⁾ Путь эскадры Корнилова показанъ на схемѣ № 2.

³⁾ Вихтенинъ журналы всехъ судовъ эскадры. Никол. центр. арх.

Такимъ образомъ надежда на столкновение съ неприятельскимъ флотомъ у Корнилова пропала, что онъ съ грустью и сообщилъ въ часть дня 4-го ноября своей эскадрѣ сигналомъ съ флагманскаго корабля «В. Кн. Константинъ»¹⁾. Полагая свое пребываніе съ эскадрой болѣе ненужнымъ, онъ передалъ ее контръ-адмиралу Новосильскому съ приказаніемъ двинуться навстрѣчу Нахимову, чтобы какъ можно скорѣе извѣстить его о турецкихъ пароходахъ, а самъ пересѣлъ на «Владимиръ», которому надо было быть скорѣе въ Севастополь, чтобы заpastись углемъ, и направился на немъ къ порту Амастро.

Новосильскому дано было приказаніе двинуться послѣ свиданія съ Нахимовымъ въ Севастополь, оставивъ Павлу Степановичу, если понадобится, 84-хъ-пушечные корабли «Ростиславъ» и «Святославъ».

А между тѣмъ турецкая эскадра изъ шести судовъ находилась въ это время въ морѣ и недалеко отъ сферы дѣйствій эскадры Корнилова. На нее наткнулся ночью на 1-е ноября пароходъ «Одесса», отыскивавшій Корнилова и разошедшійся съ нимъ, благодаря туманности и бурной погоды²⁾. Уклоняясь отъ этой эскадры, «Одесса» двинулась къ сѣверу; въ полдень 1-го ноября она находилась только въ 18-ти миляхъ отъ эскадры Корнилова³⁾, но, въ виду мрачности и шторма, вновь не могла ее различить. Спустявшись, благодаря поврежденію въ лопасть колесъ, къ Анатолийскому берегу и не найдя эскадры Нахимова, командиръ «Одессы» направился къ Севастополю.

5-го ноября съ разсвѣтомъ «Владимиръ» подошелъ на видъ Анатолийскаго берега противъ Пендерекли⁴⁾ и здѣсь Корниловъ замѣтилъ пароходный дымъ по направленію къ Севастополю, а вскорѣ затѣмъ къ югу отъ себя, въ разстояніи отдаленнаго сигнала, какую то эскадру изъ шести судовъ.

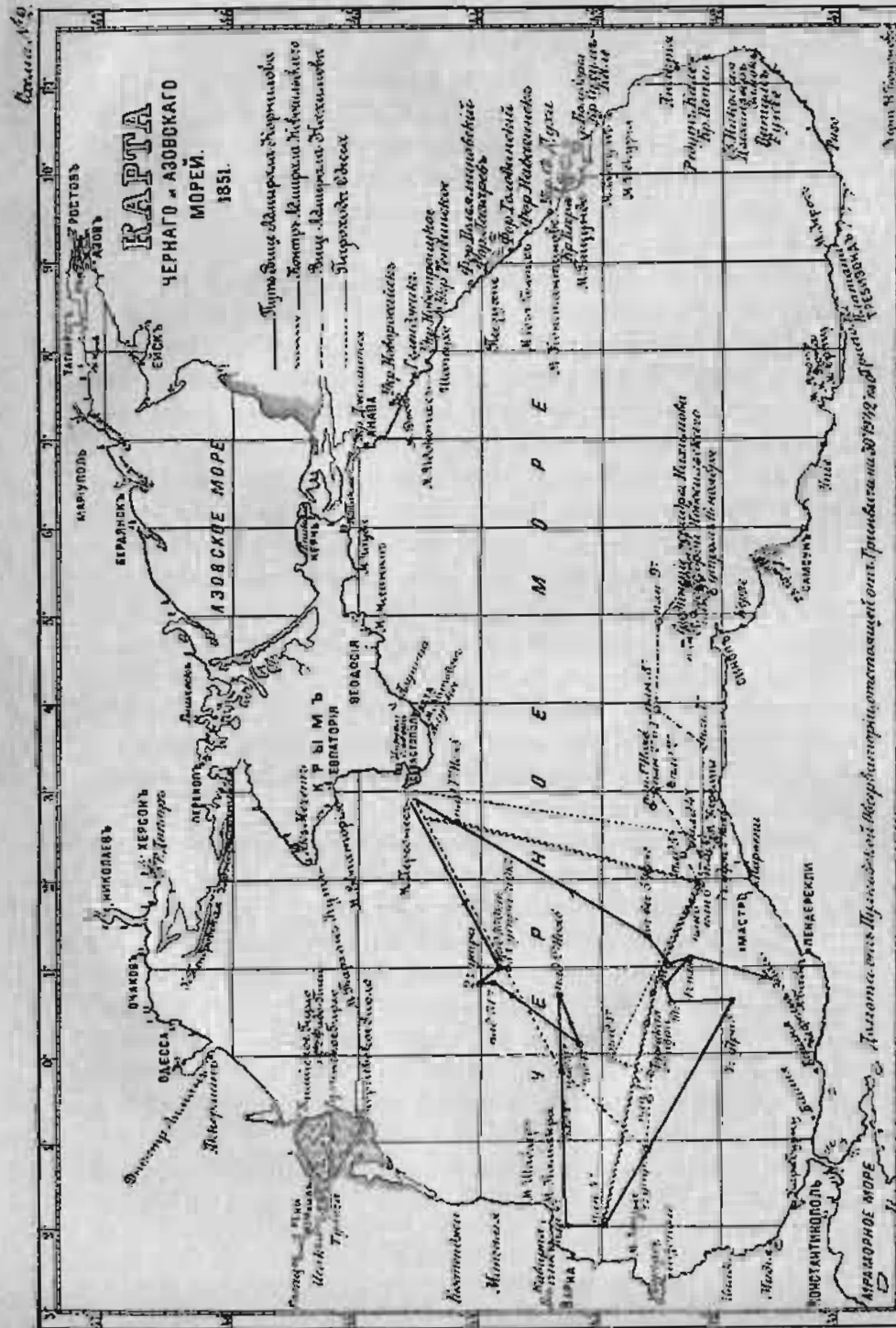
Можно полагать, что это была та самая турецкая эскадра, которую въ ночь на 1-е ноября видѣлъ пароходъ «Одесса» на паралели Бургаса и на меридіанѣ $0^{\circ}15'$ къ западу. По всей вѣроятности, выйдя 31-го октября изъ Босфора для слѣдованія вдоль Анатолий-

¹⁾ Военный журналъ корабля «Двадцать Апостоловъ» за 1853 г. Никол. цент. арх. ин. оп. 31, оп. 335, д. № 2382, св. 130.

²⁾ См. схему № 2.

³⁾ Рапортъ командира парохода «Одесса» начальнику штаба Черноморскаго флота отъ 3-го ноября 1853 года № 749, Январь, стр. 98.

⁴⁾ Въ отчетѣ Корнилова ошибочно указанъ подходъ къ Анатолийскому берегу между портомъ Амастро и мысомъ Керенле.

скаго берега, она была отнесена господствовавшими въ эти дни южными и юго-западными штормами на сѣверъ, а потомъ, когда погода немного утихла, взяла свое прежнее направление. Корниловъ, предполагая себя, благодаря ошибочному численію «Владимира» между Амастро и мысомъ Керемпе, т. е. въ районѣ крейсера Нахимова, принялъ эту эскадру за Нахимовскую, и, полагая, что онъ всегда успеетъ къ ней возвратиться, взялъ курсъ на видный пароходъ.

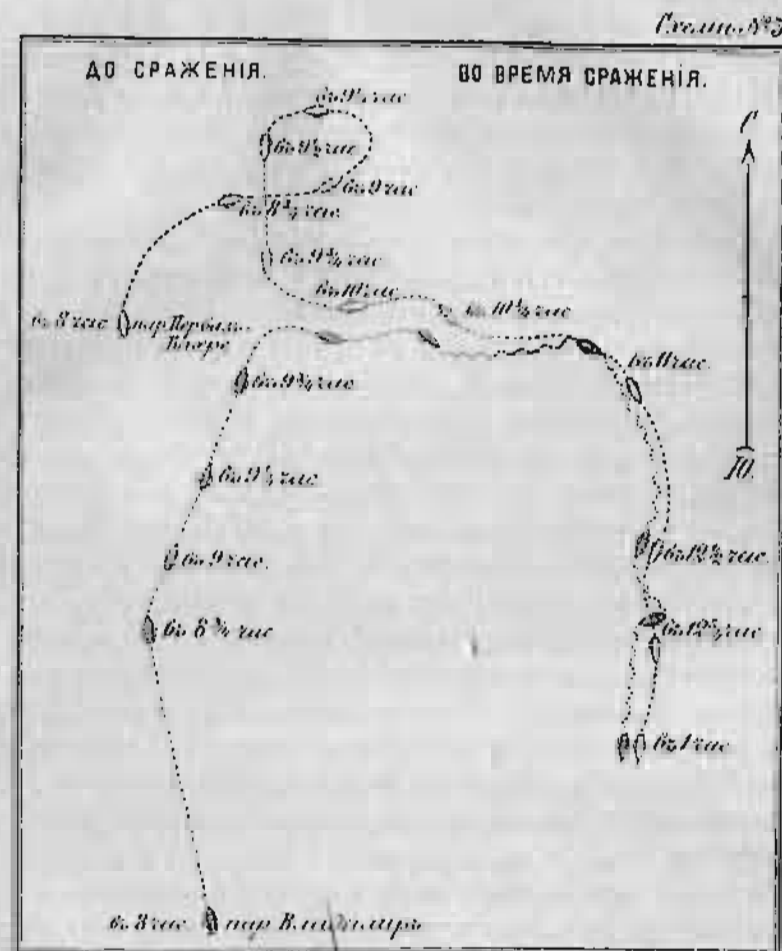
«Владимиръ», подъ командой капитанъ-лейтенанта Бутакова, началъ быстро сближаться съ неизвѣстнымъ пароходомъ и въ 8 часовъ утра онъ увидалъ уже его риггоуть и трубу. Непріятель, преслѣдуемый «Владимиромъ», началъ попеременно мѣнять свой курсъ¹⁾, то направляясь къ берегу, то удаляясь въ море. Когда на нашемъ пароходѣ былъ въ четверть десятого поднятъ риггоуть и русскій флагъ, то непріятельскій пароходъ пошелъ прямо на «Владимира» и подиалъ турецкій флагъ: но вскорѣ онъ вновь перемѣнилъ направление, что Корнилову дало возможность съ нимъ сблизиться. Видя, что непріятельское судно слабѣ нашего, «Владимиръ» пустилъ ему ядро передъ носъ; на это противникъ отвѣчалъ залпомъ съ борта, что послужило сигналомъ для открытія огня и съ нашей стороны. Между тѣмъ суда такъ сблизились, что непріятельскіе снаряды перелетали черезъ нашъ пароходъ; нашъ же огонь отличался замѣчательной мѣткостью и одинъ изъ первыхъ снарядовъ сбилъ съ турецкаго парохода флагштокъ съ флагомъ, который скоро былъ замѣненъ другимъ.

Замѣтивъ, что у непріятеля не было кормовыхъ орудій, «Владимиръ» расположился у него въ кильватеръ, чтобы имѣть возможность безнаказанно бить его и тѣмъ принудить къ сдачѣ.

Турецкій пароходъ пытался приводить себя въ положеніе, возможное для стрѣльбы правымъ бортомъ, на что «Владимиръ» отвѣчалъ такою же эволюціей и дѣйствовалъ противъ турокъ ядрами, бомбами, а иногда картечью съ орудій всего лѣваго борта, на который, кромѣ того, было перевезено одно кормовое бомбическое орудіе. Залпы съ турецкаго парохода перелетали черезъ «Владимиръ» и не наносили ему никакаго вреда.

Въ 12 часовъ дня командиръ непріятельскаго парохода, стоявшій во все время боя на площадкѣ, былъ сбитъ ядромъ и вся пло-

¹⁾ Эволюція «Владимира» и «Нервасы-Вахре» передъ боемъ и во время боя см. на схемѣ № 3.

щадка спесена. Турецкій пароходъ направилъ свой курсъ прямо на Азіатскій берегъ.

Такъ бой продолжался около трехъ часовъ при образцовомъ поведеніи всей команды, быстрыхъ и споривистыхъ ея дѣйствіяхъ и при управленіи капитанъ-лейтенантомъ Бутаковымъ своимъ пароходомъ со спокойствіемъ, напоминавшимъ мирные маневры. Тогда Корниловъ, видя серьезныя поврежденія непріятельскаго судна, рѣшилъ положить конецъ дѣлу, сойдясь на дальность близкаго картечнаго выстрѣла, и принялъ параллельное непріятельскому пароходу направление. Одинъ залпъ картечью заставилъ турецкій пароходъ въ часъ дня спустить флагъ и остановить машину¹⁾.

¹⁾ Сборн. Им. Путилова, кн. 1 стр. 19. Всенод. отч. в. кн. Константины Николаевича въ 1853 г. Арх. мор. мин. воен. мор. вѣд. 1853 г. д. № 155/84.

Взятое съ боя судно оказалось 10-ти-пушечнымъ египетскимъ пароходомъ «Первасъ-Бахре» въ 220 силъ ¹⁾, отвозившимъ письма въ Синопъ и возвращавшимся въ Пендерекли, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать эскадру турецкихъ фрегатовъ. Экипажъ судна состоялъ изъ 151 человѣка, изъ которыхъ было убито 3 офицера и 16 нижнихъ чиновъ и ранено 21 человѣкъ.

Съ нашей стороны были убиты адъютантъ Корнилова лейтенантъ Желѣзновъ, офицеръ, подававшій большія надежды, и одинъ нижній чинъ и ранено 3 нижнихъ чина ²⁾.

Это первое пароходное дѣло въ исторіи флотовъ и единственное состязаніе между двумя колесными пароходами привлекло на себя всеобщее вниманіе. «Первасъ-Бахре» новый, хорошей конструкции съ исправной машиной пароходъ былъ избитъ до разрушенія, кромѣ машины, которая уцѣлѣла, получивъ лишь нѣсколько пробойвъ въ паровикахъ и трубѣ. Въ кормовой части были вырваны цѣлыя доски, рулевая голова сбита, компасы уничтожены, такъ что приведеніе парохода въ состояніе продолжать путь на Севастополь заняло болѣе трехъ часовъ времени ³⁾. Что касается до «Владимира», то онъ не потерялъ почти никакихъ поврежденій, но артилерія его оказалась слабою на штыряхъ и въ скобахъ для брюковъ, которыя не выдерживали отдачи орудія и задерживали скорость стрѣльбы. Это обстоятельство, по мнѣнію Корнилова ⁴⁾, въ болѣе равномъ бою могло бы быть сопряжено съ гибельными послѣдствіями.

Командиръ «Владимира» весьма искусно воспользовался въ бою обнаруженной слабостью противника — отсутствіемъ у него кормо-

¹⁾ Написавъ здѣсь, что «Владимиръ» былъ вооруженъ 11-ю орудіями: 2—10-ти дюйм. бомб. и 3—68 фунт. бомб. пуш., 4—24 фунт. пуш. кар. и 2—18 фунт. каррона.

²⁾ Н. А. Обвинскій рассказываетъ въ своихъ запискахъ со словъ Бутакова (Русскій Арх. 1891 года, кн. 3-я) слѣдующую легенду по поводу смерти Желѣзнова, а впоследствии и самого Корнилова. Желѣзновъ по промажу пребывавшій на Кавказѣ купилъ себѣ за очень дешевую цѣну отличную шапку и, на выказанное по этому поводу Владиміромъ Алексѣвичемъ удивленіе, объяснилъ, что шапка досталась ему такъ дешево потому, что она пользовалась нехорошей славою, что каждый, кто одѣвалъ ее въ бой, бывалъ убитъ. Желѣзновъ погубилъ въ первомъ же дѣлѣ. Корниловъ, несмотря на просьбы окружающихъ его, взялъ шапку любимого адъютанта себѣ и 5-го октября 1854 года, въ первый разъ, что онъ былъ послѣ этого подъ огнемъ, онъ погубилъ. Перебитъ былъ половажъ и чудесный клинокъ, который послѣ того хранился у вдовы знаменитаго адмирала.

³⁾ Доповѣстіе Корнилова, смотр. выше.

⁴⁾ Рапортъ генералъ-адъютанта Корнилова адмиралу Борху отъ 7-го ноября 1853 года, № 338. Никол. центр. арх., кн. 23, оп. 185, д. № 1763, св. 61.

выхъ орудій и, слѣдуя ему въ кильватеръ, билъ турецкій пароходъ почти безнаказанно. Подготовивъ надлежащимъ образомъ успѣхъ атаки, «Владимиръ» не замедлилъ этимъ воспользоваться, сблизился рѣшительнымъ движеніемъ впередъ съ противникомъ и послѣ нѣсколькихъ залповъ картечи заставилъ его спустить флагъ.

Въ 4 часа дня, едва только успѣли привести взятый пароходъ въ состояніе, возможное для продолженія плаванія въ Севастополь, на горизонтѣ «Владимира» появились двѣ эскадры. Одна, турецкая, на югѣ, которую Корниловъ вновь принялъ за эскадру Нахимова, другая же шла отъ запада, т. е. въ направленіи, данномъ отдѣлившейся 4-го числа отъ Корнилова эскадрѣ Новосильскаго. Но, предполагая, что это могла быть эскадра турецкихъ фрегатовъ, Владиміръ Алексѣвичъ, пустивъ призъ плыть по румбу въ Севастополь, направился къ этой сомнительной эскадрѣ, въ дѣйствительности оказавшейся принадлежащей Новосильскому ¹⁾.

Въ пятомъ часу дня Корниловъ подошелъ къ эскадрѣ, поздравилъ людей съ призомъ и, приказавъ контръ-адмиралу Новосильскому слѣдовать на встрѣчу съ Нахимовымъ для передачи ему словесныхъ распоряженій, самъ, взявъ на буксиръ «Владимира» плѣнный пароходъ, направился въ Севастополь ²⁾, куда и прибылъ благополучно 7-го ноября. Новосильскому же было приказано уснуть, если потребуется, эскадру Нахимова двумя двухъ-дечными кораблями, а самому со сто-пушечными слѣдовать также въ Севастополь.

Въ полночь съ 5-го на 6-е Новосильскій сошелся съ Нахимовымъ на пересѣченіи меридіана порта Амастро и паралели 42°12'. На разсвѣтѣ состоялось свиданіе между обоими адмиралами. Здѣсь Новосильскій впервые узналъ отъ Нахимова, что манифестомъ объявлена война съ Турціей, и сообщилъ это своей эскадрѣ. Въ 9 часовъ утра, оставивъ Нахимову корабли «Ростиславъ», «Святославъ» и бригъ «Эней» и присоединивъ къ своей эскадрѣ «Ягудипла» и бригъ «Язонъ», Новосильскій направился къ Севастополю ³⁾.

Павелъ Степановичъ вновь остался одинъ неизмѣннымъ стражемъ Чернаго моря съ эскадрой изъ 5-ти 84-хъ-пушечныхъ кораблей, 2-хъ фрегатовъ, одного брига и одного парохода ⁴⁾, безпре-

¹⁾ Изъ доповѣстія Корнилова.

²⁾ Шхандочный журналъ пор. «Три Святителя» за 1853 годъ. Никол. центр. арх., кн. оп. 61, оп. 335, д. № 2345, св. 130.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Корабли: Императрица Марія, «Чесма», «Храбрый», «Ростиславъ», «Святославъ»; фрегаты: «Кагуль», «Копария», бригъ «Эней» и пароходъ «Бессарабія».

ривно несшихъ второй мѣсяцъ тяжелую крейсерскую службу въ бурное время года и при несомнѣнной наличности въ морѣ турецкаго флота.

Плаваніе эскадры Корнилова съ 29-го октября по 7-е ноября выказало въ полпой мѣрѣ блестящія качества Черноморскаго флота и отличную подготовку всего наличнаго состава. Сопровождаемая постоянными штормами и противными вѣтрами, суда этой эскадры во все время плаванія находились въ стройномъ порядкѣ, готовы атаковать непріятеля, гдѣ бы и въ какихъ силахъ онъ не былъ обнаруженъ. Но, обращаясь къ результатамъ труднаго крейсерства Корнилова, нельзя не пожалѣть, что вся блестящая работа эскадры увѣнчалась лишь частнымъ успѣхомъ—взятіемъ съ боя «Первась-Бахре». Причиной этому скорѣе всего можетъ служить то фальшивое положеніе, въ которое былъ поставленъ Корниловъ при отправленіи его въ крейсерство, рядъ неизбежныхъ на войнѣ, а тѣмъ паче въ морѣ, случайностей и, наконецъ, незначительное число пароходовъ, которые одни только могли играть роль отличныхъ развѣдчиковъ въ морѣ, несмотря ни на какую погоду ¹⁾.

Корниловъ отправился въ крейсерство въ то время, когда манифестъ о войнѣ еще не былъ полученъ. Онъ былъ стѣсненъ въ своей роли самостоятельнаго руководителя военныхъ операций разными дипломатическими тонкостями, характеризовавшимися вообще наше фальшивое въ то время положеніе. Открыто проливавшая русскую кровь турокъ онъ могъ атаковать только не южиѣ Бургаса и никоимъ образомъ не трогать ихъ крѣпостей; при встрѣчѣ съ немѣющими права показываться въ Черпомъ морѣ судами враждебныхъ намъ западныхъ державъ, онъ долженъ былъ обходиться съ ними дружественно. Князь Меншиковъ не считалъ нужнымъ послать ему въ слѣдъ полученный манифестъ о войнѣ и тѣмъ развязать руки нашей сильной и отлично подготовленной эскадрѣ.

Дойдя до Бургаса, Корниловъ исполнилъ боевую часть возложеннаго на него порученія и, не обнаруживъ нигдѣ турокъ, отказался отъ свиданія съ Нахимовымъ, поручивъ переговоры съ нимъ Новосильскому, а самъ рѣшилъ вернуться въ Севастополь. Но здѣсь начинается рядъ досадныхъ случайностей.

«Одесса» въ ночь на 1-е ноября встрѣчается въ морѣ съ турецкой эскадрой, ищетъ Корнилова, ищетъ Нахимова, не находитъ ни того, ни другого и, потерявъ аварію, 3-го ноября возвращается

¹⁾ Въ эскадрѣ Корнилова, въ виду неприсоединенія къ ней «Одессы», оставался только одинъ «Владиміръ».

въ Севастополь. Князь Меншиковъ, относившійся вообще саркастически къ возможности выхода въ такую погоду турецкаго флота въ море, не принимаетъ никакихъ мѣръ съ сообщенію начальникамъ нашихъ эскадръ свѣдѣній, привезенныхъ «Одессой». Корниловъ, благодаря ошибочному численію «Владиміромъ» своего мѣста, полагалъ себя утромъ 5-го ноября между портомъ Амастро и мысомъ Керемпе, тогда какъ въ дѣйствительности онъ находился противъ Пендерекля. Принятіе имъ при такихъ условіяхъ обнаруженной къ югу эскадры, подошедшей по числу судовъ къ эскадрѣ Нахимова, за эту послѣднюю является вполне понятнымъ. Благодаря этому турки вновь ускользаютъ отъ насъ. Послѣ боя съ «Первась-Бахре» на виду «Владиміра» снова появляются двѣ эскадры. Свиданіе съ Новосильскимъ и повѣрка мѣста своего нахождения казалось бы могли влить въ душу Корнилова сомнѣніе на счетъ того, что только-что видѣнная на югѣ эскадра принадлежала Нахимову, но, по всей вѣроятности, разговора объ этой эскадрѣ между Корниловымъ и Новосильскимъ не было, такъ какъ этотъ послѣдній, послѣ свиданія съ Корниловымъ, продолжалъ отыскивать Нахимова въ прежнемъ направленіи, не перемѣнивъ своего курса на югъ. Причпы, которыми въ данномъ случаѣ руководствовался Корниловъ, а также причина неоставленія Нахимову сто-дупечныхъ кораблей не могутъ быть выяснены при помощи имѣющихся въ нашихъ рукахъ матеріаловъ. А между тѣмъ турецкая эскадра свободно разгуливала по Черному морю вплоть до Синопскаго погрома.

VI.

Мы оставили эскадру Нахимова вышедшей 11-го октября въ крейсерство между Анатоліей и Крымомъ съ приказаніемъ держаться по возможности на меридіанѣ Тарханкута и паралели 43° и распространить свое наблюденіе къ Анатолійскому берегу между мысомъ Керемпе и портомъ Амастро съ такимъ расчетомъ, чтобы быть на сообщеніи между Константинополемъ и Батумомъ, въ который были отправлены три турецкіе пароходо-фрегата съ орудіями. При этомъ Нахимову указывалось, что до полученія новыхъ инструкцій не надлежитъ считаться въ войнѣ съ турками ¹⁾. Павелъ Степановичъ съ своей стороны старался по возможности пол-

¹⁾ См. три вѣсти.

нѣе снабдить свои суда всѣмъ необходимымъ для долгаго зимняго плаванія и далъ командирамъ достойную вниманія инструкцію. «Такъ какъ»,—говорилось, между прочимъ, въ этой инструкціи,—«Россия не объявляла войны, то при встрѣчѣ съ турецкими судами первый непріязненный выстрѣлъ долженъ быть съ ихъ стороны; тѣ же турецкія суда, которыя на это рѣшатся, должны быть уничтожены... Я убѣжденъ, что въ случаѣ разрыва между Россіей и Турціей, каждый изъ насъ исполнитъ свое дѣло»¹⁾.

Но въ воздухѣ уже чувствовалась близость войны и потому жители Севастополя съ особой сердечностью прощались съ эскадрой, которой суждено было вновь увидѣть родной рейдъ лишь послѣ сорокадневной, ужасной по перенесеннымъ трудамъ, жизни въ морѣ и увѣчанной лаврами Синопской побѣды.

Съ разсвѣтомъ, при легкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, эскадра торжественно связалась съ Севастопольскаго рейда. Несмотря на ранній часъ всѣ берега и окрестные холмы были усыяны жителями Севастополя, сроднившимися со своимъ флотомъ, и громко отсутствовавшими уходившихъ на путь славы, тяжелыхъ трудовъ, а многихъ и на послѣдніе боевые подвиги.

На слѣдующій уже день вѣтеръ засвѣжѣлъ и осенніе бури, штормы и очень часто ураганы почти безъ перерыва сопровождали эскадру во все время этого продолжительнаго ея послѣдняго плаванія. Кажалось, сама природа напѣвала грустную лебединую пѣсню могучему флоту, гордо носившему въ теченіе семи десятковъ лѣтъ свой флагъ по волнамъ бурнаго Чернаго моря и которому черезъ годъ съ небольшимъ суждено было погибнуть въ своемъ родномъ морѣ—погибнуть, чтобы вновь возродиться твердымъ въ наслѣдіи своихъ предковъ, но еще болѣе величественнымъ и прекраснымъ.

14-го числа эскадра Нахимова была уже у Анатоійскаго берега и здѣсь она впервые была обнаружена трехъ-мачтовымъ турецкимъ батарейнымъ пароходомъ, который осмотрѣлъ ее издали и, замѣтивъ дымъ подходившей «Бессарабіи», скрылся изъ вида. 20-го октября адъютантъ Корнилова, лейтенантъ Желѣзновъ, привезъ извѣстіе о дѣлѣ у Исакии, по эта новость, какъ извѣстно, освободила руки нашимъ морякамъ, такъ какъ Желѣзновъ вновь подтвердилъ приказаніе выжидать первый выстрѣлъ турокъ и быть въ оборонительномъ положеніи²⁾. И, благодаря такому положенію, турецкіе военные пароходы безнаказанно тянули суда съ далеко не

мирнымъ грузомъ съ запада на востокъ на виду связанной по рукамъ нашей эскадры¹⁾.

Съ нетерпѣніемъ и безъ сомнѣнія, со скорбью Нахимовъ продолжалъ бороться у Анатоійскаго берега съ бурями и ураганами въ томительномъ ожиданіи вождѣннаго вѣстника, который освободилъ бы его отъ невыносимой обязанности отражать, но не атаковать. Наконецъ, 1-го ноября пароходъ «Бессарабія» и фрегатъ «Коварша» пришли изъ Севастополя съ манифестомъ о войнѣ. Адмиралъ тотчасъ же поднялъ сигналъ: «война объявлена; турецкій флотъ вышелъ въ море. Отслужить молебствіе и поздравить команду». Подъ звуки бушующаго шторма экипажи привѣтствовали эту новость несмолкаемыми криками «ура».

Сильный вѣтеръ окончательно прервалъ всякое сообщеніе между судами эскадры Нахимова и только 2-го числа вечеромъ адмиралъ могъ передать эскадрѣ свои приказанія.

«Не имѣя возможности»,—писалъ онъ въ своемъ приказѣ,—«за крѣпкимъ вѣтромъ и большимъ волненіемъ два дня передать на суда вѣреннаго мнѣ отряда конінъ съ манифеста объявленія войны Турціей, я передаю ихъ теперь и предлагаю гг. командирамъ приказать священникамъ прочесть ихъ при собраніи всей команды. Имѣю извѣстіе, что турецкій флотъ вышелъ въ море съ намѣреніемъ занять принадлежащій намъ портъ Сухумъ-Кале и что для отысканія непріятельскаго флота отправленъ изъ Севастополя съ шестью кораблями генералъ-адъютантъ Корниловъ. Непритель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе, какъ пройдя мимо насъ или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ я надѣюсь на бдительный надзоръ гг. командировъ и офицеровъ; во второмъ—съ Божіею помощью и увѣренностью въ своихъ офицерахъ и командахъ, я надѣюсь съ честью принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятели и взаимная помощь другъ другу—естъ лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ, превышающимъ насъ въ страхъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло»²⁾.

Одѣлавъ этотъ краткій, опредѣленный, полный рѣшимости и

¹⁾ Плаваніе брига «Изоль» въ 1853 году. Морск. Сборн.: 1854 г., № 3. Восток. журн. за 1853 годъ. Невол. центр. арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2413, сн. 133.

²⁾ Морск. Сборн. 1854 г., кн. 3, стр. 206.

¹⁾ Плаваніе брига «Изоль» въ 1853 году. Сборн. исл. Путялова, кн. 3-я.

²⁾ Ивандръ, стр. 75 и 77.

достоинства, но въ то же время скромный приказъ, одинъ изъ моряковъ того времени говорить по поводу его слѣдующее ¹⁾:

Какъ знатокъ дѣла, адмиралъ отлично понималъ, что успѣхъ дѣйствій съ парусными судами въ открытомъ морѣ зависитъ отъ начальника только до перваго выстрѣла. Съ этой же минуты начальникъ эскадры долженъ въ полной мѣрѣ положиться на личныя способности и опытность командировъ, предоставляя себѣ лишь лестное право кинуться первымъ въ бой. Если адмиралъ въ теченіе крейсерства сумѣлъ приучить экипажи къ управленію кораблями, если онъ развилъ въ командирахъ соображеніе, дать имъ возможность постичь качества своихъ судовъ, вселилъ въ нихъ увѣренность, которая не можетъ существовать безъ чувства собственнаго достоинства, тогда, подобно Нельсону подъ Трафальгаромъ, онъ можетъ закрыть сигнальныя книги. Другое, не менѣе важное и чисто нравственное условіе, это тѣсная дружественная связь между командирами, которая одна только вполне обезпечиваетъ столь необходимую взаимную помощь.

Лазаревъ и его достойные сподвижники въ теченіе многихъ лѣтъ воспитывали Черноморскій флотъ именно въ этомъ направлении; во время послѣдняго 3-хъ-лѣтняго крейсерства въ бурную осень, подъ руководствомъ своего опытнаго адмирала, Нахимовская эскадра довершила свою боевую подготовку и теперь, вступая въ открытую борьбу, когда пришло время использовать результаты многолѣтнихъ трудовъ, Павлу Степановичу не зачѣмъ было быть многорѣчивымъ — отъ адмирала до послѣдняго матроса всѣ мыслили у него въ эскадрѣ одинаково, всѣ отлично знали, что и какъ предстоитъ имъ дѣлать подъ флагомъ своего обожаемаго начальника.

Судя по приказу Нахимова, инструкціи, присланныя ему вмѣстѣ съ манифестомъ о войнѣ, не измѣнили ранѣе данной ему задачи крейсировать у Анатолійскаго берега между мысомъ Керемпе и портомъ Амастро. Враждебная намъ западная печать старалась объяснить, послѣ Синопскаго погрома, крейсерованіе эскадры Нахимова именно на этомъ участкѣ Чернаго моря нашимъ желаніемъ во что бы то ни стало атаковать турокъ, считая, что для охраны Закавказья отъ подвоза туда моремъ подкрѣпленій и оружія, слѣдовало бы крейсировать у восточныхъ береговъ Чернаго моря. Полагаясь, что одного взгляда на карту этого моря достаточно, чтобы

¹⁾ Ив. Шестаковъ. «Обзоръ дѣйствій на Черномъ морѣ отъ приготовленій къ настоящей войнѣ до Синопскаго сраженія включительно». Морской Сбор. 1855 г., кн. 2-я.

видѣть, что лучшее выполненіе возложенной на Нахимова задачи именно требовало пребыванія его эскадры между Крымомъ и мысомъ Керемпе.

Здѣсь, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Чернаго моря, Нахимову было гораздо легче перехватывать всѣ идущія изъ Константинополя суда, чѣмъ дѣлать это, разбросавъ свою эскадру вдоль значительнаго протяженія восточнаго берега. Да, кромѣ того, намъ было хорошо извѣстно, что главные средства для борьбы на Кавказѣ могли доставляться именно изъ Константинополя, а не изъ сосѣднихъ съ Кавказомъ азіатскихъ портовъ, для наблюденія за которыми существовала вторая линія судовъ подъ начальствомъ первоначально контръ-адмирала Синицина, а, впоследствии, Вукотича ¹⁾.

Нахимовъ, по самой природѣ своей, не принадлежалъ къ числу натуръ первыхъ, честолюбивыхъ. Поэтому манифестъ о войнѣ не заставилъ его кинуться впередъ, чтобы во что бы то ни стало отыскать непріятеля и разбить его. Онъ отлично сознавалъ важное значеніе оберегаемаго имъ участка, правильно понялъ, что цѣлью слабаго турецкаго флота будутъ не европейскіе берега и не Крымъ, а Кавказъ и потому спокойно оставался между мысомъ Керемпе и Амастро, гдѣ непріятель долженъ былъ непременно пройти ²⁾. И это рѣшеніе знаменитаго адмирала было тѣмъ болѣе правильно, что онъ зналъ о предпринятыхъ эскадрою Корнилова поискахъ турецкаго флота и не сомнѣвался въ энергіи этихъ поисковъ.

Но Нахимовъ пересталъ уже только наблюдать за проходившими мимо него турецкими судами и результатомъ полученнаго права дѣйствовать наступательно былъ захватъ 1-го ноября близъ мыса Керемпе нашимъ пароходомъ «Бессарабія» турецкаго транспортнаго парохода въ 200 силъ «Меджари-Теджарета». Во время крейсерства вдоль берега для осмотра купеческихъ судовъ «Бессарабія» увидѣла идущій изъ Синопа турецкій пароходъ. Скрывъ первоначально себя парусами и подпустивъ непріятеля ближе къ себѣ, нашъ пароходъ погнался за нимъ. Послѣ втораго выстрѣла турецкій пароходъ спустилъ шлюпки, на которыхъ успѣли спастись на берегъ капитанъ и часть экипажа. Захваченный же призь былъ доставленъ въ полной исправности въ Севастополь ³⁾.

¹⁾ См. выше.

²⁾ Слѣдованіи эскадры Нахимова во время полученія манифеста о войнѣ и по 12-е ноября обозначены на схемѣ № 2.

³⁾ Арх. мор. мин. исп. деп. 1 отд., 2 ст., 1853 годъ, д. № 383. Командиръ Севастопольскаго порта главному командиру Черноморскаго флота 9-го ноября

5-го ноября съ 10-ти часовъ утра въ эскадрѣ Нахимова были слышны выстрѣлы—то было извѣстное дѣло «Владимира» съ «Пернасъ-Бахре». Эти выстрѣлы сильно встревожили Павла Степановича. Предполагая, что Корниловъ встрѣтилъ турецкій флотъ и занялся съ нимъ дѣло, онъ всей душой рвался на помощь, но, какъ нарочно, мертвый штиль приковывалъ его къ мѣсту. Пришлось «Бессарабіи» и плѣнному турецкому пароходу брать корабли по очереди на буксиръ и такимъ только образомъ эскадра продвинулась на семь миль къ западу ¹⁾. Задумшій къ вечеру вѣтеръ далъ возможность прибавить ходу. Въ десятомъ часу вечера многочисленные огни обнаружили приближеніе неизвѣстной эскадры. Адмиралъ сдѣлалъ сигналъ приготовиться къ бою, но то была эскадра Новосильскаго.

Подробности разговора Новосильскаго съ Нахимовымъ остаются для исторіи неизвѣстными. Какъ было изложено выше, Новосильскій, замѣтивъ у Нахимова наиболѣе пострадавшія отъ продолжительнаго плаванія суда другими, утромъ 7-го ноября, исполняя приказаніе Корнилова, направился въ Севастополь, уводя съ собою все сто-пушечные корабли.

Разставшись съ эскадрой Новосильскаго, Нахимовъ направился къ Синопу, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли тамъ стоятъ два турецкіе фрегата и два корвета, о которыхъ сообщили плѣнные со взятаго «Бессарабіей» турецкаго парохода, а также развѣдать, не сосредоточилась ли тамъ турецкая эскадра, присутствіе которой въ морѣ съ цѣлью пробраться къ Кавказскимъ берегамъ было неоспоримо. Для крейсированія же по направленію къ Босфору былъ оставленъ фрегатъ «Кагуль» ²⁾.

Съ полночи на 8-е ноября снова задулъ сильный юго-западный вѣтеръ, который къ утру превратился въ штормъ. Громадное волненіе не помѣшало, однако, въ этотъ день нашимъ судамъ различить черезъ Синопскій перешеекъ рангоуты четырехъ турецкихъ судовъ, стоявшихъ на Синопскомъ рейдѣ, хотя этотъ штормъ и не прошелъ даромъ для эскадры Нахимова. «Святославъ», «Храбрый» и «Коварна» получили гасія поврежденія, что адмиралъ принужденъ былъ 9-го числа отправить ихъ въ Севастополь, куда 10-го отправилась и «Бессарабія» для починки и пополненія запаса угля.

Такимъ образомъ у Павла Степановича осталось въ рукахъ только три корабля ¹⁾, одинъ бригъ ²⁾ и, въ крейсертвѣ у мыса Керемпе, фрегатъ «Кагуль». Не смотря на это адмиралъ продолжалъ держаться на виду Синопа, чтобы воспользоваться первой возможностью произвести ближайшую развѣдку числа стоявшихъ на рейдѣ судовъ.

Въ это же самое время фрегатъ «Кагуль» въ штормъ 8-го ноября незамѣтно сошелся съ четырьмя турецкими фрегатами, отъ которыхъ спасся, исключительно благодаря блестящей подготовкѣ личнаго состава Черноморскаго флота.

Крейсеру у мыса Керемпе, фрегатъ боролся не только съ сильнымъ юго-западнымъ штормомъ, но и съ туманомъ, который былъ настолько густъ, что въ пяти саженьяхъ ничего пользы было различить. Къ полдню туманъ началъ нѣсколько подниматься и вскорѣ невдалекѣ на горизонтѣ удалось различить четыре неясныхъ контура судовъ. Командиръ фрегата, капитанъ-лейтенантъ Спиципъ, припаялъ ихъ за суда эскадры Нахимова и поэтому «Кагуль» продолжалъ штормовать подъ тѣмъ же парусами. Но каково было удивленіе экипажа, когда туманъ всколыхнулся и въ 400 саженьяхъ отъ «Кагула» обрисовались четыре турецкихъ фрегата, идущихъ на него полнымъ вѣтромъ. Минута промедленія и нашъ фрегатъ долженъ былъ очутиться между турокъ, шедшихъ двумя колоннами. О вступленіи въ бой со столь неравными силами не могло быть и рѣчи; оставалось сдѣлать отчаянную попытку уйти отъ преслѣдованія. Въ одну минуту на «Кагулѣ» закинула молодецкая авральная работа ³⁾. «Любо было смотрѣть», — пишетъ очевидецъ ⁴⁾, — «на молодцовъ матросовъ, понимавшихъ всю серьезность положенія, быстро и отчетливо, безъ суеты и въ строгомъ молчаніи исполнявшихъ каждый свое дѣло». Пока турки были въ нерѣшительности, разсматривая сигналы съ ихъ флагманскаго судна, «Кагуль» уже отдалъ все паруса и глубоко зарывался носомъ въ пѣнистыя волны, летѣлъ какъ птица, имѣя прислугу у заряженныхъ орудій. Черезъ полчаса, замѣтивъ, что одинъ изъ турецкихъ фрегатовъ какъ бы приближается, наше судно еще прибавило ходу и съ тѣхъ поръ непріятель видимо сталъ отставать.

¹⁾ «Имп. Марія», «Чесма» и «Ростиславъ».

²⁾ «Эвелъ».

³⁾ Работы, для производства которыхъ выдвигается весь экипажъ судна наверхъ.

⁴⁾ П. Чайковский. «Морской Сборникъ» 1899 г., кн. 1-я.

1853 года, № 900. Инк. цент. арх., кн. оп. 23, оп. 185, д. № 1764, св. 61. Вахтен. журн. пар. «Бессарабіи» за 1853 г. Инкол. центр. арх.

¹⁾ «Плаваніе брига «Новый» въ 1853 году». «Морск. Сборн.» 1854 г., № 3.

²⁾ «Ильдръ», стр. 98. Чайковский. «Морск. Сборн.» 1899 г., кн. 1-я.

Но такая форсировка парусами не дешево досталась «Кагулу». Его бросало, какъ щепку, и сильными порывами вѣтра раза два совсѣмъ клало на бокъ: вода съ шумомъ переливалась съ борта на бортъ не только на батарейной палубѣ, но и на кубрикѣ, а въ трюмѣ ее набралось до 35 дюймовъ.

Наступившій вновь туманъ и сумерки скрыли «Кагуль» отъ непріятели, но ему въ теченіе еще 12-ти часовъ пришлось выдерживать разразившійся съ новой силой штормъ.

Находясь въ такомъ положеніи, фрегатъ рѣшилъ идти на Севастополь, чтобы дать знать о поговѣ турецкаго флота. 10-го числа «Кагуль» встрѣтилъ подходившую къ Севастопольскому рейду эскадру Новосильскаго, далъ ей знать о случившемся, послѣ чего фрегатъ вновь отправился, несмотря на всѣ поврежденія и большую течь, въ крейсерство къ мысу Керемпе.

Своимъ спасеніемъ фрегатъ былъ единственно обязанъ молодцкой распорядительности командира и отличной подготовкѣ всей команды. Этотъ маленький эпизодъ является блестящей иллюстраціей характеристики всего Черноморскаго флота, память о которомъ не всякнотъ во вѣки.

Турецкіе фрегаты, гнавшіеся за «Кагуломъ», были подъ начальствомъ вице-адмирала Османа-паши. Въ ночь на 19-е ноября, послѣ Синопскаго сраженія, израненный начальникъ турецкой эскадры былъ пайденъ на горѣвнемъ суднѣ командой съ «Кагула». Прида въ себя, онъ съ интересомъ началъ разспрашивать о томъ русскомъ фрегатѣ, который 8-го ноября ускользнулъ отъ его эскадры въ то время, когда онъ считалъ его уже совсѣмъ въ своихъ рукахъ. Изумленію стараго адмирала не было границъ, когда онъ узналъ, что находился на томъ самомъ фрегатѣ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ погибнуть, неся всѣ паруса во время бывшаго ужаснаго шторма ¹⁾.

Между тѣмъ Нахимовъ все время продолжалъ держаться у Синопа и, наконецъ, воспользовавшись 11-го ноября свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ, онъ подошелъ къ этому пункту на 2 мили и ясно различилъ тамъ большую турецкую эскадру, состоявшую изъ 12-ти военныхъ судовъ и 2-хъ транспортовъ.

Положеніе серьезно измѣнилось и притомъ въ худшую для Нахимова сторону: онъ очутился съ тремя кораблями противъ несравненно болѣе сильной турецкой эскадры, которая ежеминутно

¹⁾ И. Чайковскій. Морск. Сборн. 1899 года, кн. 1-я. Также ватенные журналы. Инк. Черн. цент. арх.

могла его атаковать. Но не измѣнилась рѣшимость Павла Степановича не упустить безъ боя отысканнаго послѣ такихъ трудовъ противника. Эта рѣшимость знаменитаго адмирала, еще рельефнѣе выдающаяся въ виду той затруднительной обстановки, въ которой онъ находился, замѣчательно характерно выясняется изъ его рапорта къ командиру Севастопольскаго порта отъ 11-го ноября за № 274, который онъ отправилъ съ бригамъ «Эней», вылампровавъ изъ Синопскаго залива ¹⁾.

«Обозрѣвши сего числа»,—доносилъ Нахимовъ,—«въ самомъ близкомъ разстояніи портъ Синопъ, я нашелъ тамъ не два фрегата, корветъ и транспортъ, какъ доносилъ вашему превосходительству, а семь фрегатовъ, два корвета, одинъ шлюпъ и два большихъ парохода, стоящихъ на рейдѣ, подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей.

«Предполагая, что есть какая нибудь цѣль у непріятели, чтобы собрать такой отрядъ военныхъ судовъ въ Синопъ, я положительно останусь здѣсь въ крейсерствѣ, и буду ихъ блокировать до прибытія ко мнѣ двухъ кораблей, отправленныхъ мною въ Севастополь для исправленія поврежденій. Тогда, несмотря на вновь устроенныя батареи, кромѣ тѣхъ, которыя показаны на картѣ Мангалары, я не задумаюсь ихъ атаковать». Свой рапортъ адмиралъ копчалъ убѣдительною просьбой вернуть скорѣе два корабля его отряда и фрегатъ «Кулевча», а также прислать хоть два парохода, столь необходимые въ крейсерствѣ.

Одновременно съ этимъ Нахимовъ сдѣлалъ распоряженіе о возвращеніи къ эскадрѣ отъ мыса Керемпе фрегата «Кагуль» ²⁾.

Между тѣмъ князь Меншиковъ получилъ въ первыхъ числахъ ноября въ Севастополѣ высочайшее повелѣніе ³⁾ не атаковать турецкихъ приморскихъ городовъ, истребить турецкій флотъ, если онъ вышелъ въ море и стараться отрѣзать сообщеніе между Константинополемъ и Батумомъ. Такимъ образомъ, не смотря на проливавшуюся уже кровь, дѣйствія нашихъ моряковъ все еще продолжали быть стѣснены дипломатическими тонкостями канцеляріи графа Нессельроде.

Князь Меншиковъ это высочайшее повелѣніе облекъ въ болѣе опредѣленную и менѣе стѣснительную для Нахимова форму, пред-

¹⁾ Зап. арх., стр. 103.

²⁾ И. Чайковскій. Морск. Сборн. 1899 г. кн. 1-я.

³⁾ Извѣстіе князя А. С. Меншикова къ В. А. Корнилову отъ 6-го ноября 1853 г.

писавъ ему, по истребленіи въ Синопѣ непріятельскихъ судовъ ¹⁾, пройти съ эскадрою вдоль Анатолиі къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря, у которыхъ появились турецкіе пароходы и дѣлаютъ нападенія на крейсирующія тамъ суда ²⁾.

Однако, послѣдніе 7-го ноября съ этимъ приказаніемъ пароходы «Одесса» и «Громомосецъ» не могли, благодаря непрерывнымъ штормамъ и аваріямъ, доставить его по назначенію и вернулись въ Севастополь. 15-го на разсвѣтѣ оно было вновь отправлено съ фрегатомъ «Кулевча» и дошло до Нахимова наканунѣ Синопскаго сраженія.

Между тѣмъ еще 11-го ноября, когда эскадра Новосильскаго, выдержавъ штормъ у южныхъ береговъ Крыма, входила на Севастопольскій рейдъ, съ городского телеграфа были замѣченъ даваемый этой эскадрѣ фрегатомъ «Кагуль» сигналы о погонѣ за нимъ турецкихъ судовъ, а приходя въ Севастополь одновременно съ этимъ отосланныхъ Нахимовымъ потерпѣвшихъ судовъ, выслать князю Александру Сергѣевичу рискованное положеніе незначительной эскадры Нахимова.

Новосильскій поэтому былъ немедленно по входѣ на рейдъ потребованъ къ князю Меншикову и получилъ приказаніе тотчасъ же вновь слѣдовать на соединеніе съ Нахимовымъ. Эскадрѣ не дали даже какъ слѣдуетъ заготовить провизію и на разсвѣтѣ 12-го «Парихъ», «Вел. Кн. Константинъ», «Три Святителя», «Варна» и «Гаврииль» покинули Севастопольскій рейдъ ³⁾. Два послѣдніе на слѣдующій день были отосланы обратно, вслѣдствіе открывшейся въ «Варилъ» течіи при крѣпкомъ восточномъ вѣтрѣ, а сто-пушечные корабли соединились съ Нахимовымъ рано утромъ 16-го ноября ⁴⁾ у мыса Нахюса ⁵⁾.

Корниловъ во время этихъ распоряженій находился въ Николаевѣ и прибылъ въ Севастополь только 15-го ноября. Тотчасъ имъ были сдѣланы рядъ распоряженій ⁶⁾ о скорѣйшемъ изготовленіи

¹⁾ Въ то время князь Александръ Сергѣевичъ имѣлъ свидѣніе о присутствіи въ Синопѣ только двухъ фрегатомъ и двухъ корветомъ.

²⁾ Историческій обзоръ плананія эскадры вице-адмирала Нахимова. Жандаръ, стр. 101.

³⁾ Вахтенный журналъ корабля «Вел. Кн. Константинъ» за 1853 г. Никол. центр. арх., к. оп. 51, оп. 335, д. № 2380, с. 130.

⁴⁾ Вахтенный журналъ корабля «Гаврииль» за 1853 г. Никол. центр. арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2393, с. 130.

⁵⁾ См. схему № 5.

⁶⁾ Отношеніе къ командиру Севастопольскаго порта отъ 15-го ноября 1853 г. № 345.

всѣхъ пароходовъ къ выходу въ море, при чемъ изъ пароходо-фрегатовъ «Крымъ», «Одесса» и «Херсонесъ» формировался особый отрядъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Пауфлова, на значеніе котораго пока оставалось въ тайнѣ.

16-го въ полдень «Эней» доставилъ въ Севастополь вышеприведенное донсеніе Нахимова о сосредоточеніи въ Синопѣ большой эскадры и князь Меншиковъ приказалъ Корнилову немедленно слѣшить на помощь къ Нахимову съ тѣми пароходами, которые могутъ быть скорѣе изготовлены ¹⁾. Утромъ 17-го «Одесса», «Крымъ» и «Херсонесъ» покинули подъ флагомъ Корнилова Севастопольскій рейдъ ²⁾.

Если отправленіе 6-го ноября, эскадры Новосильскаго послѣ свиданія съ Нахимовымъ и при явномъ присутствіи въ Черномъ морѣ турецкой эскадры въ Севастополь и вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, то дальнѣйшія дѣйствія всѣхъ высшихъ руководителей Черноморскаго флота отличаются замѣчательной опредѣленностью въ достиженіи одной общей цѣли—не упустить обнаруженной въ Синопѣ турецкой эскадры и обезпечить успѣхъ предстоящаго дѣла сосредоточеніемъ возможно большихъ силъ.

Въ дѣйствіяхъ Нахимова обнаружилось то рѣдкое соединеніе твердой рѣшимости съ благоразумной осторожностью, то равновѣсіе ума и характера, которое составляетъ исключительную принадлежность великихъ военачальниковъ. Выслѣдивъ непріятеля, обнаруживъ его превосходныя силы, онъ сумѣлъ удержать у себя и у своего отряда благородный пылъ, требовавшій немедленно дать полю долго напичавшему чувству обиды, вызванному фальшивой политической обстановкой. И, дѣйствительно, атаковать съ тремя кораблями болѣе сильную турецкую эскадру, стоявшую подъ защитою береговыхъ батарей, было бы безразсудно, въ особенности, когда обстоятельства позволяли рассчитывать на увеличеніе своего отряда. Но это не отпымало у Павла Степановича рѣшимости вступить во что бы то ни стало въ бой и съ такими неравными силами, если бы непріятель выказалъ поползновеніе ускользнуть изъ Синопа; не смотря на сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, онъ все время продолжалъ держаться со своей эскадрою у самыхъ береговъ «изъ опасенія, чтобы непріятель не вышелъ изъ порта ночью и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, не возвратился бы въ Константи-

¹⁾ Жандаръ, стр. 104.

²⁾ Вахтенный журналъ пароходо-фрегата «Одесса» за 1853 г. Никол. центр. арх., кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2418, с. 134.

нополь»¹⁾. Между тѣмъ, Нахимовъ принялъ всѣ мѣры, чтобы скорѣе увеличить свой отрядъ. Онъ послалъ энергичное представленіе въ Севастополь и не забывъ притянуть къ себѣ крейсировавшій фрегатъ «Кагуль», отлично сознавая, что въ пылу морского боя ни одно судно не можетъ быть лишнимъ.

Надо отдать должную справедливость и князю Меншикову, который при первомъ извѣстїи о появленїи турецкаго флота, съ полной энергіей принялъ рядъ мѣръ, чтобы скорѣе усилить Нахимова, и Корнилову, который немедленно, получивши извѣстїе о сосредоточенїи въ Синопѣ турецкой эскадры, лично отправился принять участіе въ славномъ дѣлѣ.

VII.

Предварительно описанїя Синопскаго боя остается сказать еще нѣсколько словъ объ осепшемъ крейсерствѣ нашего отряда у восточныхъ береговъ Чернаго моря.

Напомнимъ, что еще 8-го іюня, когда въ Севастополѣ было получено извѣстїе о враждебныхъ намѣренїяхъ кавказскихъ горцевъ, крейсировавшій тамъ отрядъ былъ увеличенъ новыми судами и былъ подраздѣленъ на два отряда — сѣверный, съ центромъ въ Новороссійскѣ²⁾, изъ одного фрегата, одного корвета, четырехъ бригавъ и одного тендора³⁾, и южный, съ центромъ у Сухумъ-Кале, изъ одного фрегата, одного корвета, одного брига, двухъ шхунъ и одного тендора⁴⁾, кромѣ нѣсколькихъ слабыхъ пароходовъ Кавказскаго вѣдомства⁵⁾.

Въ особой инструкціи, данной судамъ, крейсировавшимъ у восточныхъ береговъ, указывались, кромѣ общихъ для всякаго крейсера задачъ, и спеціальныя цѣли — быть въ сношенїи съ гарнизонами укрѣпленїй береговой линїи, оказывать возможное содѣйствїе транспортамъ кавказскаго вѣдомства и даже пополнять при надобности ихъ экипажи⁶⁾.

Негостепримные берега Кавказа и бурное время года застав-

¹⁾ Докладъ вице-адмирала Нахимова о Синопскомъ бою. Имп. центр. арх. кн. оп. 15, кв. 66, д. № 2, св. 1-я.

²⁾ См. схему № 2.

³⁾ Списокъ судовъ этого отряда см. выше.

⁴⁾ Списокъ этихъ судовъ см. выше.

⁵⁾ Всего такихъ пароходовъ было шесть отъ 44 до 260 силъ.

⁶⁾ Корниловъ — Сивидину 8-го іюня 1853 г. № 123. Имп. центр. арх. кн. оп. 23, кв. 185, д. № 1734 св. 61-я.

ляли наши парусные крейсера держаться сравнительно далеко отъ береговъ и пользоваться лишь рѣдкими относительно спокойными днями, чтобы къ нимъ приближаться. Это условїе давало возможность турецкимъ пароходамъ, имѣвшимъ силу безопасно двигаться во всякую погоду вблизи береговъ, безнаказанно ускользать отъ взоровъ нашихъ крейсеровъ и не обезпечивало ближайшія отъ турецкой границы укрѣпленїя отъ нечаяннаго нападенїя.

Въ концѣ сентября¹⁾, въ виду ожиданїя близкаго разрыва съ Турціей, суда южнаго отряда были усилены фрегатомъ «Сизополь» и корветомъ «Андромаха», причемъ княземъ Меншиковымъ было предписано держать, на случай начала военныхъ дѣйствїй, по близости Редуть-Кале фрегаты «Месемврія» и «Сизополь», корветы «Андромаха» и «Илиада» и при нихъ одинъ изъ пароходовъ Кавказскаго корпуса. Еще до полученїя этого приказанїя начальникъ береговой линїи, вице-адмиралъ Серебряковъ, узнавъ о появленїи турецкаго парохода въ Батумѣ и опасаясь его нападенїя на транспортныя стоянїя въ Анакрин, отрядилъ 27-го сентября въ крейсерство къ укрѣпленїю св. Николая корветъ «Андромаху»²⁾, а впоследствии фрегатъ «Сизополь» и корветъ «Илиада», потому что въ Батумѣ оказался не одинъ, а три парохода. Прочїя суда малаго ранга, раздѣленные на двѣ смѣны, содержали крейсерство при остальныхъ укрѣпленїяхъ Черноморской береговой линїи³⁾. Такъ какъ держаться близъ укрѣпленїя св. Николая при свѣжихъ вѣтрахъ, начиная съ сѣвернаго и кончая юго-западнымъ, было довольно опасно, а именно эти то вѣтры и дули почти въ теченїе всего октября, то наши крейсера больше держались у Пицунды, лишь иногда подходи на видъ укрѣпленїя св. Николая⁴⁾.

17-го октября фрегатъ «Сизополь» въ соединенїи съ корветами «Андромахой» и «Илиадой» было указано болѣе определенное мѣсто и цѣль ихъ крейсерства. А именно, они должны были постоянно держаться у пересѣченїя меридїала 10°42' къ востоку съ параллелью 42° и приближаться при благопрїятной погодѣ на видъ Поти и Редуть-Кале, по, добавлялъ контръ-адмиралъ Сивидинъ,

¹⁾ Корниловъ — Сивидину 28-го сентября 1853 г. № 265.

²⁾ Рукописный журналъ плаванїя лейтенанта Путаева. Музей севастопольской обороны.

³⁾ Реп. вост. отр. суд. крейсир. у вост. берега Чернаго моря, в-ру Севаст. порта отъ 21-го октября 1853 г. № 409. Имп. центр. арх. оп. 185, д. № 1761, св. 61.

⁴⁾ Эти показанїя лейтенанта Путаева, издаваемаго на Андромахѣ и записываемаго ихъ точнѣе же подъ свѣжимъ впечатлѣнїемъ, заслуживаютъ полного довѣрїя.

при вѣтрахъ съ моря и вообще при малѣйшей сомнительной погодѣ должно немедленно отходить въ море не далѣе меридіана 10° ¹⁾.

Между тѣмъ еще ранѣе этого послѣдняго приказанія, а именно въ ночь съ 15-го на 16-е октября турки произвели нечаянное нападеніе на постъ св. Николая и звѣрски вырѣзавъ почти поголовно весь гарнизонъ, завладѣли постомъ и двумя нашими орудіями.

Этотъ ничтожный постъ, не заслуживавшій названія укрѣпленія и уже предназначенный къ упраздненію, находился на самой турецкой границѣ и былъ занятъ гарнизономъ въ 255 человекъ съ 2 орудіями, подъ начальствомъ капитана Щербаконъ ²⁾. Есть предположеніе, что турки прибыли на 70 кочерахъ моремъ ³⁾ и окружили укрѣпленіе, для котораго такое нападеніе было совершенной неожиданностью. Несмотря на отчаянную борьбу, гарнизонъ былъ поголовно истребленъ, за исключеніемъ человекъ десяти, спасшихся бѣгствомъ; звѣрски умерщвленъ былъ и священникъ іеромонахъ Серафимъ, служившій во все время боя молебствіе ⁴⁾. Для нашихъ крейсеровъ, бывшихъ у Пиндунды, это нападеніе было совершенной неожиданностью ⁵⁾, что едва не повело къ гибели нашего парохода «Колхида», но въ действительности послужило къ увѣковѣченію еще одного подвига доблести русскихъ людей.

18-го октября начальникъ 3-го отдѣленія Черноморской береговой линіи генераль-маіоръ Мироновъ отплавился на пароходѣ «Колхида» съ ротой солдатъ для усиленія гарнизона поста св. Николая. Хотя, 19-го числа, когда «Колхида» подошла на видъ поста св. Николая, имѣлись уже данныя предполагать, что постъ былъ занятъ турками, но, не смотря на это, рано утромъ на слѣдующій день командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Кузьминскій, все-таки рѣшился подойти возможно ближе къ берегу, чтобы

¹⁾ Вахтангійскій журналъ фрегата «Спараволь» за 1853 г. Никол. центр. арх. ин. оп. 51, оп. 335, л. № 2399 св. 132.

²⁾ 2 роты Черноморскаго № 12 линейнаго баталіона съ нѣсколькими милиціонерами и казаками.

³⁾ Довесеніе кутаискаго военнаго губернатора вице-адмиралу Серебрякову.

⁴⁾ Кн. А. С. Меншиковъ не вѣрилъ довесенію объ атакѣ св. Николая съ моря, полагая, что шумъ высадки долженъ былъ предупредить гарнизонъ объ угрожающей опасности, а сигналъ болѣе вѣроятнаго нападенія съ сухого пути. (Письмо кн. А. С. Меншикова военному министру отъ 29-го октября 1853 года, арх. вост. воен. мин. по сп. в. 1853 г. св. д. № 72). Если принять во вниманіе, что въ эту ночь была вѣтренная погода, заставлявшая нашихъ крейсеровъ держаться у Пиндунды, то шумъ отъ высадки навѣрно покрывался шумомъ моря:

⁵⁾ Журналъ командира лейтенанта Буткова (рукопись). Музей севаст. обороны.

лучше обречекогносцировать постъ, и въ это время неожиданно стать на мель въ разстояніи 200 сажень отъ укрѣпленія и турецкаго лагеря. Давный маневръ задній ходъ не помогъ дѣлу, а между тѣмъ турки открыли по пароходу съ самаго близкаго разстоянія сильный орудійный (изъ 5-ти орудій) и перекрестный ружейный огонь. Команда «Колхиды» не смутилась этимъ и, пробуи стаявшись съ мели при помощи кабельтововъ, завезенныхъ на казачій барказъ, открыла огонь изъ двухъ карронадъ праваго борта и бомбическаго орудія. Въ то же время люди перевозимой роты расположились на борту парохода, а штурманские на бакѣ и отвѣчали мѣткими огнемъ на огонь турокъ. Чтобы облегчить пароходъ, начали выбрасывать за бортъ якорныя цѣпи, запасъ угля и, наконецъ, срубил фок-мачту, послѣ чего, въ началѣ двѣнадцатаго часа дня, «Колхида» медленно сѣшла съ мели. Въ это время непріятельскія кочеры отчаливали уже отъ берега, чтобы сѣсть на пароходъ на abordажъ, но нашъ удачный выстрѣлъ франсугулемъ изъ бомбическаго орудія потопилъ одну кочерму и остановилъ намѣреніе турокъ. Послѣ четырехчасоваго неравнаго боя «Колхида» вышла изъ поля выстрѣловъ, имѣя 120 пробой въ корпусѣ, убитыми командира парохода и 12 нижнихъ чиновъ и ранеными 2-хъ оберъ-офицеровъ и 15 нижнихъ чиновъ, кромѣ легко раненыхъ ¹⁾.

Вся доблесть команды слабой «Колхиды» особенно рельефно обрисовывается при сравненіи съ поведеніемъ сильнаго англійскаго парохода «Тигръ», ставшаго 30-го апрѣля 1854 года на мель у береговъ Одессы и спустившаго флагъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ двухъ орудій нашей конной артиллеріи.

Занятіе турками поста св. Николая произвело и въ Севастополѣ и въ Петербургѣ удручающее впечатлѣніе, въ особенности въ виду вліянія этого событія на горцевъ ²⁾. Рѣшено было произвести попытку къ отобранію этого поста, для чего кн. Меншиковъ, кромѣ фрегатовъ «Флоры» и «Мидіи», отплавилъ къ восточнымъ берегамъ в пароходо-фрегатъ «Херсонесъ».

Первоначально предполагалось организовать нападеніе на постъ св. Николая одновременно съ сухого пути и съ моря, но команду-

¹⁾ Вахтангійскіе журналы за 1853 годъ пароходовъ «Колхида» и «Бойсь»: доносеніе в. ад. Сивинина в-ру Севастопольскаго порта отъ 21-го октября 1853 г. № 109; рапортъ в-шаго ад. «Колхиды» отъ 21-го октября 1853 г. № 12. Никол. черномор. центр. архивъ.

²⁾ Письмо кн. А. С. Меншикова кн. Горчакову отъ 2-го ноября 1853 года. Воен.-уч. арх. гл. шт. отд. 2 № 4253. Кн. Долгоруковъ кнзю Меншикову 13-го ноября 1853 г. Тамъ же л. № 4254.

щій войсками въ Гуріи генераль-маіоръ князь Гагаринъ не слѣзъ возможнымъ, за недостаткомъ у него войскъ, ослабить обезпеченіе главнаго операціоннаго пути этого края, ведущаго на Кутаисъ, и отклонилъ свое участіе въ этомъ предпріятіи; поэтому вице-адмиралъ Серебряковъ рѣшился предпринять противъ Николаевскаго поста хотя бы только морскую экспедицію¹⁾.

Такъ какъ барометръ предвѣщаль скорое измѣненіе благоприятной погоды, Серебряковъ не могъ дожидаться прибытія отпавленныхъ къ нему фрегатовъ «Флоры» и «Мидіи» и двинулся къ посту св. Николая съ отрядомъ имѣвшимъ у него подъ рукою судовъ: фрегатовъ «Месемврія» и «Сизополь», корветовъ «Андромаха» и «Пилладъ», брига «Птоломей», пароходо-фрегата «Херсонесь» и трехъ слабыхъ пароходовъ кавказскаго вѣдомства «Могучій», «Боецъ» и «Молодецъ»²⁾.

Въ ночь съ 6-го на 7-е ноября этотъ отрядъ судовъ вышелъ, подъ флагомъ вице-адмирала Серебрякова, изъ Редутъ-Кале, имѣя парусныя суда на буксирахъ пароходовъ и, на случай досады, на судахъ одинъ батальонъ пѣхоты и восемь азовскихъ казачьихъ лодокъ. Въ 11 часовъ утра суда при почти полномъ штилѣ были поставлены пароходами на указанія имъ по диспозиціи мѣста на разстояніи около 450 сажень отъ укрѣпленія³⁾, кромѣ брига «Птоломея», который по маловѣтрію не могъ подойти на необходимую дистанцію. Турки, сохранивъ на Николаевскомъ посту всѣ части строенія, возвели новыя земляныя укрѣпленія и открыли сильный огонь изъ батарей *A* и *B*, вооруженныхъ каждая четырьмя орудіями. Наши суда съ своей стороны отвѣчали имъ огнемъ, нанося предъ гарнизону, но не имѣя успѣха въ дѣйствіи противъ орудій, стоявшихъ за земляными насыпями. Черезъ два часа безрезультатной перестрѣлки наши суда были взяты вновь на буксиры и ушли въ море. Мы потеряли убитыми двухъ нижнихъ чиновъ и ранеными 1 оберъ офицера и 5 нижнихъ чиновъ. Суда потерпѣли различныя поврежденія, не помѣшавшія имъ однако продолжать крейсерство⁴⁾.

¹⁾ Рап. вице-адм. Серебрякова къ Воронцову отъ 9-го ноября 1853 г. № 273. Арх. мор. мин. исп. деп. II отд. 2 ст. 1853 г. д. № 597.

²⁾ Никол. центр. арх. оп. 18, д. № 22, св. 1-я.

³⁾ См. схему № 4.

⁴⁾ Донесенія вице-адмирала Серебрякова (арх. морск. мин. исп. деп. II отд., 2 ст. 1853 г., д. № 597), контръ-адм. Вукотича (Ник. центр. арх., оп. 185, д. № 1787), вихтенные журналы корв. «Андромаха», брига «Птоломея», пар.-фр. «Херсонесь», корв. «Пиллада» и пар. «Молодецъ». (Никол. центр. арх.); журн. глав. лейт. Бутанова (рукоп. отд. музея Севаст. обороны).

Послѣ этого вице-адмиралъ Серебряковъ совершилъ крейсерство вдоль ближайшихъ турецкихъ береговъ, результатомъ котораго было извѣстіе о проходѣ изъ Требизонда въ Батумъ и далѣе къ Сухуму четырехъ турецкихъ пароходо-фрегатовъ¹⁾.

Почти въ это же время у восточныхъ береговъ Чернаго моря произошелъ безпримѣрный и весьма лестный для русскаго флота фактъ успѣшнаго боя нашего паруснаго фрегата

съ тремя турецкими пароходо-фрегатами. Фрегатъ «Флора» слѣдовалъ изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале и въ ночь съ 5-го на 6-е ноября неожиданно встрѣтился на высотѣ укрѣпленія Пилунда съ тремя двухбатарейными турецкими пароходами, имѣвшими по 16 портовъ и вооруженными бомбическими орудіями; изъ нихъ одинъ былъ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ. Но все это объяснилось поздне, на разсвѣтѣ. Ночью же, на опознательные сигналы «Флоры», пароходы, скрывъ свои огни, выстроились въ линію и пошли противъ нашего фрегата. Сойдясь на дальность выстрѣла, пароходы открыли огонь, на который не замедлила отвѣтомъ и «Флора». Бой съ перерывами продолжался четыре часа, при чемъ турецкіе пароходы старались стать противъ носа нашего фрегата, чтобы безнаказанно бить его, а этотъ послѣдній удачными маневрами становился къ нимъ бокомъ и дѣйствовалъ батальнымъ огнемъ. Вся цѣль маневровъ «Флоры» заключалась въ томъ, чтобы держать пароходы противъ своего борта и не дать имъ возможности окружить ее съ разныхъ сторонъ. Благодаря искусству командира «Флоры», капитанъ-лейтенанта Споробогатова, и молодечеству команды, цѣль эта была достигнута блестящимъ образомъ и пароходы, получивъ поврежденія въ корпусѣхъ, принуждены были выйти изъ сферы выстрѣловъ нашего фрегата.

¹⁾ Тамъ же.

Когда разсвѣло, то на горизонтѣ показалась наша шхуна «Дротикъ», шедшая на веслахъ по направленію къ берегу. Два изъ турецкихъ пароходовъ тотчасъ же бросились въ погоню за этимъ дешевымъ призомъ, а третій продолжалъ держаться за кормой фрегата. Скоробогатовъ, чтобы спасти шхуну, сталъ бортомъ къ пароходу и открылъ по немъ огонь. Тогда два другіе парохода бросили свою погоню и присоединились къ обстрѣливаемому. Огонь фрегата былъ такъ силенъ, что пароходы болѣе не рѣшались разсѣяться, а держались вмѣстѣ, благодаря чему «Флора» могла имъ нанести громадный вредъ.

Въ девять часовъ утра пароходы не могли болѣе выдерживать артилерійскаго огня нашего фрегата и отступили въ безпорядкѣ къ западу, имѣя на буксирѣ пароходъ подъ вице-адмиральскимъ флагомъ. Этотъ пароходъ, съ котораго распоряжались всемъ ходомъ дѣла и который дѣйствовалъ лучше другихъ, имѣлъ, по свидѣтельству Скоробогатого, на верху всѣхъ людей, одѣтыхъ не въ турецкую форму¹⁾.

По мнѣнію контръ-адмирала Вукотича фрегатъ «Флора» этимъ блестящимъ дѣломъ спасъ Сухумъ-Кале, куда направлялись турецкіе пароходы и гдѣ, кромѣ тендера «Скорого», не было никакихъ судовъ²⁾.

VIII.

Что касается до причины нахожденія турецкаго флота въ Синопѣ, то, къ сожалѣнію, не представляется возможнымъ освѣтить этого факта съ полными подробностями въ виду самыхъ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ современныхъ событіямъ иностранныхъ источниковъ и въ виду безусловно пристрастнаго освѣщенія этого вопроса иностранными историками этой войны.

Сравнивая самыя разнообразныя показанія, можно безошибочно опредѣлять лишь, что въ Синопѣ оказалась та эскадра подъ флагомъ вице-адмирала Османа-паши, которая въ концѣ октября нашего стilia была обнаружена у выхода изъ Босфора, а въ пер-

¹⁾ Рапортъ кап.-л. Скоробогатова отъ 11-го ноября 1853 года, № 623 (арх. морск. мор. деп. II отд. 2 ст. 1853 г., л. № 600); вѣст. журн. фр. «Флора» за 1853 годъ (Виш. центр. черв. арх.); П. Мордвиновъ (Морск. сборн. за 1880 г., кн. 8-я; всепол. докл. Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. (арх. морск. мн. воен. мор. кнн.), дневникъ А. Б. Асланбекова (рукоп. отд. музеев. сѣв.-вост. обор. и др.

²⁾ Донесеніе контръ-адм. Вукотича отъ 11-го ноября 1853 года на № 23.

выхъ числахъ ноября показывалась по очереди на виду пароходовъ «Одессы», «Владимира», эскадры Новосильскаго и часть которой гнались за фрегатомъ «Кагуль». Очень можетъ быть, что свирѣпствовавшія въ началѣ ноября бури, а также и приказаніе содѣйствовать доставленію къ берегамъ Кавказа боевыхъ припасовъ и войскъ, заставили ее укрыться на Синопскомъ рейдѣ. Кромѣ эскадры Османа-паши, тамъ сосредоточились и другія суда, стоявшія въ Тренизонтѣ, и можетъ быть и специально прибывшія съ боевыми запасами изъ Константинополя и благополучно достигнувшія Синопа, въ виду приказанія «обороняться и не атаковать» такъ долго связывавшаго Нахимова. Присутствіе при сравнительно небольшой эскадрѣ двухъ флагмановъ служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ сосредоточенія нѣсколькихъ отрядовъ судовъ.

Неоспоримо только то, что почти общее свидѣтельство иностранныхъ историковъ¹⁾ о «мирномъ» характерѣ экспедиціи турецкаго флота, который будто бы, увѣренный обѣщаніями нашего правительства не предпринимать активныхъ дѣйствій до окончанія переговоровъ съ западными державами, спокойно перевозилъ припасы изъ одного своего порта въ другой, совершенно опровергается самими фактами.

Не будемъ уже говорить о предшествовавшихъ Синопскому сраженію дѣлахъ на Дунай и о звѣрскомъ истребленіи гарнизона поста св. Николая, но вспомнимъ хотя бы только погоню четырехъ фрегатомъ за «Кагуломъ», атаку тремя пароходами «Флоры» и этихъ двухъ фактовъ будетъ совершенно достаточно, чтобы отогнать всякую иллюзію о мирныхъ путешествіяхъ турецкаго флота по Черному морю.

Иностранцами историками отвергается и другой фактъ — участіе западныхъ державъ въ отправкѣ турецкаго флота въ Черное море. Они увѣряютъ, что французскій и англійскій послы въ Константинополѣ²⁾ всеми силами старались отговорить турокъ отъ отправки флота въ море, указывая на плохое состояніе ихъ судовъ и экипажей, на опасность плаванія въ это время года и на возможность встрѣчи съ превосходнымъ противникомъ. Если вспомнить могущественное въ то время вліяніе на Порту Оттоманскую англійскаго посла въ Константинополѣ, лорда Страдфорда, его совершенно не мирный относительно Россіи образъ дѣйствій и хорошо сознаваемое имъ миролюбіе Императора Николая, то такія увѣренія не могутъ имѣть никакой цѣны.

¹⁾ Guérin, Bazancourt, Dufour и др.

²⁾ Guérin. Т. 1, p. 53.

Вѣрило всего, что турки и ихъ западные покровители не считали въ достаточной мѣрѣ предѣловъ миролюбія Русскаго Царя, которое не могло перейти за черту неоднократнаго памѣническаго пролитія русской крови, и предполагали продолжать безостановочное сосредоточеніе своихъ войскъ и запасовъ.

Нравственная поддержка западныхъ державъ экспедиціи Османа-паши является фактомъ неоспоримымъ: объ этомъ свидѣлствуетъ впечатлѣніе, произведенное на эти державы Синопскимъ погромомъ: онъ былъ принятъ ими, какъ оскорбленіе народной чести. Этой же нравственной поддержкой вѣрило всего можно объяснить и непонятное пребываніе Османа-паши на Синопскомъ рейдѣ въ тѣ нѣсколько дней, когда онъ охранялся только тремя кораблями Нахимова, хотя, разумѣется, здѣсь играли роль и присутія туркамъ личныя качества. Въ пей же надо искать и причину безопасности Османа-паши, который не принялъ никакихъ мѣръ къ оборонѣ, тогда какъ береговыя укрѣпленія Синопа давали ему къ этому богатая средства. Гордо развѣвавшійся въ Босфорѣ флагъ «коварнаго альбіона» на этотъ разъ чрезмѣрно усыпили бдительность турецкихъ адмираловъ.

Лордъ Страдфордъ къ этому времени имѣлъ уже инструкціи своего правительства, предлагавшія ему «защищать Константинополь и вообще всякую часть турецкой территоріи, которая можетъ подвергнуться атакѣ, будь то въ Европѣ или въ Азіи». На этомъ основаніи ему, по соглашенію съ французскимъ правительствомъ, предписывалось провести флотъ западныхъ державъ черезъ Босфоръ, какъ только будетъ получено извѣстіе, что нашъ флотъ вышелъ изъ Севастополя¹⁾.

10-го (22-го) ноября Самисонъ увѣдомилъ англійскаго посла сухимъ путемъ изъ Синопа, что русская эскадра, состоявшая изъ одного корабля, 7-ми фрегатовъ и одного парохода, уже нѣсколько дней крейсируетъ въ виду Синопа и производитъ разныя маневры около турецкой эскадры, стоявшей тамъ на рейдѣ. Это извѣстіе было получено лордомъ Страдфордомъ 13-го (25-го) или 14-го (26-го) ноября²⁾. Въ свою очередь Османъ-паша 12-го (24-го) ноября доносилъ своему правительству изъ Синопа: «Шесть русскихъ линейныхъ кораблей, корветъ и два парохода постоянно находятся въ открытомъ морѣ близъ порта; то они ложатся въ дрейфъ, то лавируютъ. Отъ шести до восьми фрегатовъ и два паро-

¹⁾ «Eastern papers». Томъ 2-й, стр. 143.

²⁾ Kiuglake: «L'invasion de la Crimée». Т. 2, р. 35.

хода по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ были видны на высотѣ портовъ Бартинъ и Амастро. Во всякомъ случаѣ большой военный непріятельскій портъ находится не далеко. Его эскадра можетъ получить подкрѣпленія и атаковать насъ при помощи брадировъ. Такимъ образомъ, если мы не получимъ подкрѣпленій и если такое наше положеніе продлится еще нѣсколько дней, то это значить, что насъ Богъ бережетъ,—императорскій флотъ можетъ подвергнуться разгрому¹⁾». Донесеніе это было сообщено лорду Страдфорду турецкимъ правительствомъ 17-го (29-го) ноября, но даже удвоенныя въ глазахъ Османа-паши силы русской эскадры не понудили благороднаго лорда къ оказанію матеріальной поддержки своимъ слабымъ союзникамъ.

IX.

Синопъ—родина двухъ знаменитыхъ мужей древности, Митридата и Диогена, и мѣсто, откуда прибылъ въ Россію апостоль Андрей Первозванный, первый проповѣдникъ святаго Евангелія въ землѣ славянской, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Малой Азіи. Онъ былъ основанъ милетцами и, составляя главный торговый портъ Пафлагоніи, отличался въ прежнія времена своимъ богатствомъ и торговлею, при чемъ число жителей въ немъ доходило до 60,000 человекъ. Перешедши впоследствии подъ владычество турокъ, назвавшихъ его «Синубъ», городъ сталъ приходить въ упадокъ и, хотя открывшееся въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія пароходство между Константинополемъ и Трѣбизондомъ и оживило нѣсколько его торговлю, но къ времени Восточной войны она была еще очень незначительна. Кромѣ рыбной ловли, главная промышленность народонаселенія преимущественно сосредоточивалась на торговлѣ лѣсомъ и на постройкѣ судовъ, для чего въ Синопѣ существовали отличныя верфи. Его населяли почти исключительно турки и греки, числомъ всего до 12,000 человекъ, при чемъ объ эти народности жили въ двухъ почти совершенно отдѣленныхъ кварталахъ.

Синопскій рейдъ считается однимъ изъ лучшихъ и самыхъ безопасныхъ на берегахъ Анатолиі. Закрытый отъ сѣверныхъ вѣтровъ возвышеннымъ полуостровомъ Бозъ-Тепе, онъ по своимъ размѣрамъ, глубинѣ и хорошему грунту дна представлялъ безопасное мѣсто для стоянки значительнаго флота. Самый городъ распо-

¹⁾ «Eastern papers». Т. 2-й, стр. 313.

жонъ на перешейкѣ, соединяющемъ материкъ съ полуостровомъ Бозъ-Тене. Посрединѣ перешейка раскинулся собственно турецкій городъ, представлявшій изъ себя какъ бы цитадель, окруженную высокою каменной зубчатой стѣной съ замкомъ въ концѣ материка: къ востоку отъ него, къ сторонѣ полуострова, на довольно покатомъ возвышеніи, находился греческій кварталъ. Вблизи турецкаго города находились молъ, верфи и вообще всѣ портовые сооруженія.

Для обороны рейда имѣлось шесть батарей ¹⁾. Онѣ начинались отъ восточнаго мыса Бозъ-Тене и четыре изъ нихъ были расположены по его южному берегу до греческаго квартала въ равномъ приближеніи другъ отъ друга разстояніи. Батарея № 1 находилась у восточной оконечности мыса, № 4 у начала города, а № 2 и № 3 между нимъ. Каждая изъ этихъ батарей была вооружена 6-ю, по нѣкоторымъ источникамъ 8-ю орудіями. Калибръ орудій былъ самый разнообразный, установка на бакетахъ ²⁾. На набережной, въ центрѣ турецкаго города стояла самая сильная батарея въ 8 орудій большого калибра. Къ западу отъ города, въ разстояніи свыше версты, стояла батарея № 6. Сѣверная сторона перешейка также оборонялась нѣсколькими батареями.

Такимъ образомъ эскадра, форсирующая Синопскій рейдъ, первоначально обстрѣливалась съ праваго фланга огнемъ батарей №№ 1, 2 и 3, а послѣ постановки на якорь, подвергалась, кромѣ огня стоявшихъ на рейдѣ судовъ, близкому перекрестному огню трехъ остальныхъ батарей. Слѣдовательно, береговья батареи, при надлежащемъ ими пользованіи, являлись существенной поддержкой флота, расположеннаго на Синопскомъ рейдѣ.

Что касается до стратегическаго значенія Синопа, то, кромѣ самихъ свойствъ рейда, оно опредѣлялось и его центральнымъ положеніемъ относительно нашихъ Кавказскихъ береговъ, Крыма и Азовскаго моря, а также нахожденіемъ почти на серединѣ пути между Константинополемъ и Кавказскимъ побережьемъ. Присутствіе энергичнаго противника въ Синопѣ, въ ближайшемъ разстояніи отъ Севастополя, заставляло насъ быть на сторожѣ на всемъ обширномъ пространствѣ нашихъ Черноморскихъ границъ къ востоку отъ Тарханкутскаго маяка.

Эскадра вице-адмирала Османа-паши на Синопскомъ рейдѣ состояла изъ 7-ми фрегатовъ, 3-хъ корветовъ, 2-хъ пароходовъ ³⁾,

¹⁾ См. черт. на стр. 79.

²⁾ Письмо французскаго мичмана о Синопѣ. Гос. арх. Разр. XI, д. № 1260.

³⁾ Фрегаты: 64-пушечный *Нивалио*, подъ флагомъ Гусейн-паши, 60-ти-

кромѣ которыхъ на рейдѣ стояли еще два турецкихъ транспорта, два купеческихъ брига и одна иностранная шхуна. Всего на вооруженіи турецкихъ судовъ состояло 474 орудія ¹⁾ и на прибрежныхъ батареяхъ 38 орудій.

Интересно прослѣдить, какимъ же образомъ воспользовался Османъ-паша своими оборонительными средствами при содѣйствіи командира парохода «Таифъ» англичанина Слэдъ (Муштаверъ-паша). Этотъ англичанинъ свыше 25-ти лѣтъ служилъ въ турецкомъ флотѣ, оказалъ ему огромную услугу, какъ наставникъ и организаторъ, и пользовался полнымъ довѣріемъ турецкаго правительства ²⁾.

Османъ-паша расположилъ свои суда у самаго берега лунообразно, съ серединою у центра города и сообразно съ направлениемъ берега. Лѣвый флангъ эскадры примыкалъ къ батарее № 4, правый — къ батарее № 6; въ центрѣ между судами былъ оставленъ открытый промежутокъ для дѣйствія самой сильной батареи № 5. Пароходы стояли во второй линіи ближе къ центру, а транспорты и купеческія суда — между эскадрой и берегомъ. Нельзя признать это расположеніе удачнымъ и не согласиться съ мнѣніемъ одного изъ современныхъ той эпохи моряковъ ³⁾, что турецкій адмиралъ, рѣшившись принять сраженіе на якорѣ, не воспользовался всѣми средствами обороны, бывшими въ его рукахъ.

Турецкая эскадра оказала бы болѣе успѣшное сопротивленіе, если бы ее расположили не вдоль города, а южнѣе его по краю мелководья. Связя съ дѣйствующахъ бортовъ своихъ судовъ орудія и установивъ ими городской берегъ, Османъ-паша не только употребилъ бы съ пользою половину своей артилеріи, но и подвергъ бы наши корабли, съ какой бы стороны они не подошли, страшному продольному огню. При подходѣ съ востока ихъ съ фронта встрѣтилъ бы огонь всей эскадры и съ фланга залпы береговыхъ ба-

пушечные *Напекъ-Бахри* и *Песеми-Зеферъ*, 36-ти-пушечный египетскій *Даміадъ*, 54-пушечный *Кюнди-Зеферъ*, 34-пушечн. *Фазли-Аллахъ* (бывшій русскій *Рафалъ*) и *Аули-Аллахъ*, подъ флагомъ Османа-паши; корветы: 24-хъ-пуш. *Неджи-Фешанъ* и *Фейли-Мевбудъ*. 22-хъ-пуш. *Гийи-Сефидъ* и пароходы: 20-пуш. батар. въ 350 силъ *Таифъ* и 4-хъ-пушечн. въ 140 силъ *Эрекли*.

¹⁾ Пестель (Морск. Сборн.: 1889 года, кн. 2-я) считаетъ, что на вооруженіи турецкой эскадры состояло 524 орудія. Эта цифра весьма вѣроятно, такъ какъ обыкновенно суда носили большее число орудій, чѣмъ обозначалъ ихъ рангъ.

²⁾ К. Богдановичъ. Синопъ, стр. 78.

³⁾ Ив. Шестаковъ. Морской Сборн.: 1855 года, кн. 2-я.

тарей, при наступленіи съ юга—на оборотъ, а, по занятіи ими мѣсть для дѣйствія противъ турецкихъ судовъ, они находились бы въ теченіе всего боя подъ перекрестнымъ огнемъ. Между тѣмъ какъ принятое турками расположеніе давало возможность принять участіе въ дѣлѣ лишь орудіямъ одного борта, каковыхъ было около 237 ¹⁾ и 26 орудіямъ четырехъ ближайшихъ къ городу батарей: вогнутая же дугообразная линія построения еще болѣе уменьшила силу огня на дальнемъ разстояніи. Наконецъ, рѣшеніе Османъ-паши прижать свою эскадру къ городу подвергало этотъ послѣдній неминуемому разрушенію, нисколько не обезпечивая собственной участи флота.

Въ чемъ же искать причину такого небрежнаго къ собственной безопасности отношенія со стороны одного изъ лучшихъ адмираловъ турецкаго флота?

Изъ 42-хъ-лѣтней службы на морѣ Османъ-паша провелъ двадцать одинъ годъ на службѣ у Мегмета-Али египетскаго и уже болѣе десяти лѣтъ находился въ адмиральскомъ чинѣ. Участникъ, также какъ и его противникъ, Наваринскаго сраженія, Османъ-паша соединялъ въ себѣ качества боевого офицера и опытнаго, выдающагося и знающаго свое дѣло моряка турецкаго флота. Нѣтъ поэтому основанія приписывать его бездарности неудачныя дѣйствія, предшествовавшія Синопскому погрому, которыя онъ искупилъ своимъ личнымъ мужествомъ и раной. Безпечность его скорѣе можно приписать или старческому утомленію (ему былъ уже 61-й годъ) или англійскому гиннозу въ невозможности для насъ атаки турецкихъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Къ самому берегу укрѣпленнаго пункта онъ и примкнулъ свою эскадру, полагая себя въ такомъ положеніи въ полной безопасности.

Эскадру Нахимова мы оставили тѣсно блокировавшей Синопскій рейдъ въ ожиданіи прибытія проспыхъ подкрѣпленій. Въ сто двухъ 84-хъ-пушечныхъ кораблей, на которые онъ рассчитывалъ и съ которыми во чтобы то ни стало рѣшилъ атаковать турокъ, къ нему 16-го числа присоединился Новосильскій съ тремя 120-ти-пушечными кораблями, вернулся сверхъ того изъ крейсера фрегатъ «Кагуль», а въ пятомъ часу дня 17-го числа прибылъ и давно ожидаемый фрегатъ «Кулевча». Всего, такимъ образомъ, у Павла Степановича сосредоточилось въ рукахъ 6 кораблей и 2 фрегата. Въ бою участвовали: 120-ти-пушечные корабли—«Паряжъ» подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго и подъ командой капитана 1-го ранга Истомина 2-го, «Вел. Кн. Константинъ»

¹⁾ По Пестичу («Мор. Сб.» 1889 года, кн. 2-я) 262 орудій.

(кап. 1-го ранга Ермоышевъ 1-й), «Три Святителя» (Кутровъ 1-й): 84-хъ-пушечные—«Императрица Марія», подъ флагомъ вице-адмирала Нахимова и подъ командой капитана 2-го ранга Барановскаго 2-го, «Чесма» (Микроковъ 1-й) и «Ростиславъ» (Кузнецовъ 1-й) и фрегаты «Кагуль» (Спицивъ 1-й) и «Кулевча» (Лесовскій). Всего на вооруженіи этихъ судовъ состояло 788 орудій свыше 8-ми фунтоваго калибра ¹⁾. Если исключить изъ этого числа фрегаты «Кагуль» и «Кулевча», изъ которыхъ первый совсѣмъ не принималъ участія въ артилерійскомъ состязаніи, а второй принималъ участіе уже при довершеніи одержанной нами побѣды, то число орудій судовъ, выдержавшихъ на себѣ весь бой, уменьшится до 688, что дастъ съ одного борта 344 орудія. Наибольшій калибръ орудій былъ 68 фунтова бѣлая пушка, главнымъ же калибромъ были 36-ти фунтова чугунныя пушки. Въ этомъ отношеніи мы имѣли перевѣсъ надъ нашимъ противникомъ, который за то имѣлъ возможность дѣйствовать противъ нашихъ деревянныхъ судовъ калеными ядрами съ береговыхъ батарей.

Сильная русская эскадра, сосредоточенная для атаки Синопскаго рейда, имѣла одинъ большой недостатокъ—полное отсутствіе парходовъ; и въ этомъ отношеніи Османъ-паша, имѣвшій въ своемъ распоряженіи два пархода, изъ которыхъ одинъ («Тайфъ») батарейный, съ 20-ю орудіями, находился въ лучшемъ положеніи сравнительно со своимъ противникомъ.

Обращаясь къ личному составу обѣихъ сторонъ, остается только повторить сказанное выше о славномъ Черноморскомъ флотѣ и его доблестномъ адмиралѣ. Въ тѣсной, сплоченной въ одно цѣлое дружной семьѣ моряковъ высокое и вполне сознательное чувство исполненія своего долга, любовь къ Царю и родинѣ и гордость своимъ флагомъ не были исключительной принадлежностью офицерскаго состава; они проходили красной нитью отъ адмирала до послѣдняго матроса и служили залогомъ успѣха. Руководители Черноморскаго флота путемъ многолѣтнихъ неустанныхъ работъ не только не дали заглухнуть этому природному чувству русскаго народа, но старались поддержать, развить этотъ священный въ воинѣ огонь, обративъ его въ сознательно понимаемое, а потому и особенно сильное чувство исполненія своего долга. Обожаніе своего адмирала, дружба всего команднаго элемента и отличная техническая подготовка довершали остальное.

¹⁾ Подробнѣе въдомость смотр. въ приложеніи № 1. Пестичъ («Мор. Сб.» 1889 г., кн. 2-я) считаетъ 738 орудій.

Со стороны наших противников — известный мусульманский фанатизм, не имевший здесь, в морском бою, обычной силы электрического тока, личная храбрость, в особенности при обороне, но в значительной доле уменьшаемая действием не на сухопутном пути, и полное отсутствие связи между высшими и низшими, между офицерами и матросами придавали эскадре Османа-паша свою типичную физиономию.

Мы рассмотрели уже выше меры, предпринятые Нахимовым для обеспечения успеха Синопского сражения путем сосредоточения возможно больших сил, разведки средств противника и местности предстоящего боя, а также постоянным наблюдением за ним.

Канун сражения адмирал Нахимов пронел в обдумывании плана предстоящей атаки и в передаче своих распоряжений эскадре.

Тактические взгляды Павла Степановича были приведены выше; в морском деле лучшей тактикой он считал «ближкое расстояние от неприятеля и взаимную помощь друг другу». Очевидно, что такой способ действий он предполагал применять и в Синопском сражении. Таким образом, весь маневр сводился к подходу на самое близкое расстояние с возможно меньшими потерями от неприятельского огня во время движения, к быстрому и спорному развертыванию судов в боевую линию и к постановке их в положение, удобное для решительного действия против неприятеля и для взаимной помощи друг другу. Но, кроме этого боевого плана, обстоятельства требовали обратить внимание и на возможные в бою случайности, в особенности потому, что Осман-паша имел в своих руках пароходы, которых совершенно не было у Нахимова. При энергичных действиях турецкий пароход «Таифъ» имел полную возможность занять во время боя позицию, позволявшую ему безнаказанно обстреливать часть наших судов продольным огнем.

План атаки, составленный Павлом Степановичем, по своей простоте, ясности и обдуманности, вполне удовлетворял выше приведенным условиям.

В ночь с 16-го на 17-е ноября наша эскадра находилась в 22-х милях от Синопа; к ночи с 17-го на 18-е число она приблизилась на 10 миль. Отсюда собственно должно было начаться движение для атаки Синопского рейда. Владья морем, Нахимов имел полную возможность двинуться на Синопский рейд в юго-восточном, южном и юго-западном направлениях. Па-

вель Степанович решил приблизиться в юго-восточном направлении. Кроме условий ветра, такое направление было особенно выгодно в том отношении, что наша эскадра, почти до постановки на якорь, подвергалась, в виду дугообразного расположения турецких судов, огню лишь 62-х орудий (западного фаса); при движении в южном направлении она подвергалась бы огню 127 орудий и в юго-западном направлении — огню 154 орудий восточного фаса судов. Что же касается до участия в дальнем обстреливании береговых батарей, то при всех трех направлениях оно было почти одинаково.

Подход эскадры Нахимов назначил в двух колоннах, развертывание самое быстрое, по передним кораблям в обе стороны. Для противодействия турецким пароходам адмирал отделил два бывших в его распоряжении фрегата «Кагуль» и «Кулевча», как суда более подвижные и несшие менее сильную, но вполне достаточную для противодействия пароходам артиллерию. Он решил их во время боя держать под парусами. В самом бою начальнику эскадры трудно держать ее в своих руках; здесь начинаются уже самостоятельные действия командиров судов. Поэтому Нахимов поставил флагманские корабли в головѣ колонны; этим достигалось и известное нравственное воздействие на эскадру и, кроме того, Павел Степанович оставлял в своих руках решение весьма важного вопроса о месте постановки эскадры на якорь.

Разбирая внимательно весь план действий адмирала Нахимова нельзя не отдать ему справедливости, что все им было обдуманно, все соображено и успех дела был подготовлен до мельчайших подробностей.

В 10 часов утра 17-го ноября, воспользовавшись несколько прояснившейся погодой, адмирал собрал на «Императрицу Марию» второго флагмана и всех командиров и ознакомил их со своими предположениями. В 11 часов на эскадре читался уже приказ Нахимова для атаки турецкого флота, стоявшего на Синопском рейде¹⁾.

Передавая диспозицию, по которой суда должны были стать для боя на якорь, адмирал прежде всего в своем приказе подтверждал свое непреклонное требование становиться в возможно близком от неприятеля расстоянии, однако не менее, как на 10 саженой глубинѣ. Давь дальѣ необходимыя техническия указания, Нахимовъ

¹⁾ Приказъ № 157. См. приложеніе № 2-й.

перешелъ къ изложенію своихъ боевыхъ требованій. Онъ приказывалъ немедленно прекращать огонь по судамъ, которыя спустятъ флаги, и переносить его на суда, еще сопротивлявшіяся, и на береговыя батареи, которыя, по словамъ Нахимова, безсомнѣнно будутъ продолжать дѣйствовать даже, если бы съ турецкимъ флотомъ дѣло и было покончено. Огонь приказывалось открывать по второму адмиральскому выстрѣлу, если со стороны непріятеля не будетъ оказано никакого сопротивленія: въ противномъ случаѣ каждое судно открываетъ огонь, соображаясь съ обстоятельствами. Приказавъ, по возможности, не вредить консульскихъ домовъ, адмиралъ въ заключеніе высказывалъ свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія могутъ при перемѣнившихся обстоятельствахъ затруднить знающаго свое дѣло командира, а потому, кончалъ Нахимовъ, «я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота—отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія».

Въ то время, какъ эскадра Нахимова проводила канунъ сраженія въ подготовкѣ къ бою, генералъ-адъютантъ Корниловъ спѣшилъ изъ Севастополя съ тремя пароходами на помощь Павлу Степановичу. Судьба, однако, какъ увидимъ ниже, не дала ему возможности раздѣлить славныя дѣла Нахимова. Досадное волненіе и противныя вѣтры замедляли приходъ пароходовъ къ Синопу.

X.

Прошелъ канунъ Синопскаго боя. Несторопливо, спокойно и безъ всякой суеты обдумалъ адмиралъ свой несложный по исполненію, но рѣшительный по результатамъ планъ дѣйствій. Онъ велъ или къ полной побѣдѣ или къ геройской гибели нашихъ судовъ: другого выхода не предвидѣлось ни въ мысляхъ адмирала, ни въ той краткости, простотѣ и опредѣленности, которыя отличали его приказанія, ни, наконецъ, въ сердцахъ и волѣ всей команды, до послѣдняго матроса включительно. Сорока-дневное безпрерывное пребываніе на стражѣ русскихъ интересовъ въ бурномъ морѣ, безплодные труды и лишения, понесенные въ это продолжительное плаваніе, и, главное, набравшееся капля за каплей горькое чувство оскорбленія и вѣроломныхъ поступковъ, сознательно понимаемое

офицерами и инстинктивно воспринимаемое всей сильной духомъ сѣрой массой, были тому ручательствомъ.

Кратко и опредѣленно передалъ адмиралъ свои приказанія о предстоящемъ боѣ командирамъ судовъ. Въ скромной каютѣ корабля «Императрица Марія», не было произнесено ни громкихъ фразъ, ни бьющихъ по нервамъ перловъ эффектнаго краснорѣчія—не въ этомъ заключалась нравственная мощь Павла Степановича; зато токъ сердца человѣческаго, онъ двигалъ своихъ сподвижниковъ на дѣла немнѣримыя однимъ скромнымъ «надо сдѣлать» или «я рѣшилъ атаковать» и могъ быть увѣреннымъ въ исполненіи его краткаго приказа всей мощью тѣхъ тысячъ людей¹⁾, которыя многолѣтними совмѣстными трудами слились со своимъ обожаемымъ адмираломъ въ одно тѣло и въ одну душу.

Несуетливо, въ порядкѣ обыденныхъ занятій, готовили капитаны свои суда и команды къ предстоящему на завтра бою, пока зашедшее солнце и спускъ флаговъ, долженствовавшихъ вновь подняться въ ореолѣ блестящей побѣды, не прекратилъ будничной дѣятельности эскадры.

При свѣжѣмъ брансельномъ вѣтрѣ суда Нахимова спокойно провели ночь въ 10¹/₂ миляхъ къ сѣверо-востоку отъ Синопскаго перешейка²⁾.

Негостепримно встрѣтило нашу эскадру утро 18-го ноября. Дождь, сильная пасмурность и самый неблагоприятный для успѣха дѣла юго-восточный, душій шквалами, вѣтеръ привѣтствовали будущихъ побѣдителей Синопа. При этомъ вѣтрѣ овладѣніе непріятельскими судами представлялось крайне затруднительнымъ; они могли легко выбрасываться на берегъ, что съ нашей стороны вызвало необходимость ихъ полного уничтоженія.

Съ утра жизнь на эскадрѣ началась своимъ обычнымъ порядкомъ. Ожиданіе боя не нарушало ея мирнаго теченія; на всѣхъ судахъ закипали котлы съ матроскими ядами, обычно суетилась прислуга каютъ-кампаній и лишь рѣдкіе сигналы съ «Императрицы Маріи» напоминали о предстоящемъ дѣлѣ.

Приказавъ судамъ при движеніи держаться одинъ отъ другого въ разстояніи 150 саженей и приготовиться стать на якорь со

¹⁾ Всего на судахъ, участвовавшихъ въ Синопскомъ сраженіи, кромѣ пароходовъ, находилось строевыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 5,576 чел. и нестроевыхъ 371 человѣкъ. Искл. центр. арх. оп. 86, д. № 2, сп. 1-я.

²⁾ Шханочный журналъ мор. Парижъ.

ширингами ¹⁾, а фрегатъ «Кулевча» держаться лѣвѣ колонны Новосильскаго, адмиралъ Нахимовъ въ 9 часовъ утра поднялъ сигналъ къ спуску гребныхъ судовъ, а въ половинѣ десятого, отслуживъ на судахъ молебень ²⁾, эскадра въ двухъ колоннахъ, пмѣя въ головѣ «Императрицу Марію», подъ флагомъ Нахимова, и «Парижъ», подъ флагомъ Новосильскаго, неслась, постепенно прибавляя хода къ Синопскому рейду съ гордо развѣвающимися на брань-стѣнгахъ ³⁾ національными флагами. Около десяти часовъ утра адмиралъ поднялъ сигналъ приготовиться къ бою, но на судахъ все было уже готово и спокойные духомъ черноморцы въ одиннадцать часовъ по обыкновенію сѣли за обѣдь ⁴⁾. Черезъ полчаса обѣдь была окончена, на судахъ ударили тревогу; мгновенно всѣ были на своихъ мѣстахъ и орудія въ декахъ заряжены каждое двумя ядрами ⁵⁾. На салюгахъ ⁶⁾ стояли офицеры для наблюденія за неприятелемъ и за правильнымъ направленіемъ огня своихъ судовъ ⁷⁾.

Дождь пересталъ, туманъ отпесло отъ берега, какъ бы вся природа оживилась, и въ двухъ съ половиною миляхъ отъ стройно несшейся эскадры открылся Синопскій рейдъ со стоящими на немъ турецкими судами. Страшная суета, поднявшаяся среди неприятеля, должна была еще болѣе подкрѣпить нашу увѣренность въ побѣдѣ. Торопливые сигналы, снующія во всѣхъ направленіяхъ шлюпки, разводимые пароходами пары и беспорядочныя группы турецкихъ солдатъ, бѣжавшихъ къ береговымъ батареямъ, представляли ту знакомую картину зачатка пораженія эскадры Османа, наши еще до начала самаго дѣла, которая по достоинству должна была быть оценена опытнымъ взоромъ черноморскаго моряка.

Въ противобѣсъ этому на русской эскадрѣ, когда, казалось бы, видъ суетливаго неприятельскаго рейда долженъ былъ внести извѣстную горячность, царило полное, величавое спокойствіе. Каждый строго исполнялъ свое дѣло, глядя на адмиральскій корабль. Флагманскіе корабли подошли уже на высоту батарей № 1, когда на «Императрицѣ Маріи» взвился сигналъ—это были мо-

¹⁾ Приспособленіе для постановки корабля на якорь въ желаемомъ положеніи: безъ этого онъ на якорѣ всегда обращается носомъ въ штору.

²⁾ К. Богдановичъ. «Синопъ», стр. 79.

³⁾ Продолженіе мачты къверху.

⁴⁾ Шахматовъ журналъ корабля «Парижъ»; Записки отст. корп. истур. подл. Орлова (рукоп. отд. Севаст. музея).

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Продольные и поперечные бруски на вершинѣ стѣнны.

⁷⁾ К. Богдановичъ. «Синопъ», стр. 80.

ментъ истиннаго полдня, который адмиралъ не упустилъ, по существующему обычаю, показать своей эскадрѣ даже при такой исключительной боевой обстановкѣ. Въ этомъ ничтожномъ, повидимому, фактѣ замѣчательно краснорѣчиво выразилось не только полное спокойствіе и нравственная мощь адмирала, но и полная увѣренность его въ своей эскадрѣ, вся система его боевого воспитанія.

Въ тоже время оба флагманскіе корабли взяли для атаки турецкаго флота направленіе на его центральныя суда и эскадра безъ выстрѣла продолжала пестись къ своей цѣли, постепенно уменьшая паруса для постановки на якорь.

Въ свою очередь турки безъ выстрѣла ожидали приближенія нашей эскадры и лишь въ половинѣ перваго, когда суда наши были на самомъ близкомъ разстояніи, выстрѣлъ съ турецкаго флагманскаго фрегата «Ауни-Аллахъ» нарушилъ гробовое молчаніе и далъ сигналъ къ бою. Почти моментально всѣ неприятельскія суда и батареи окутались дымомъ и градъ снарядовъ полетѣлъ съ фронта и фланга на наши корабли, стойко продолжавшіе свое движеніе до дистанціи, указанной диспозиціей. Турецкій огонь, направленный преимущественно противъ обоихъ флагманскихъ кораблей, былъ очень мѣтокъ и еще до постановки на якорь нанесъ серьезное поврежденіе рангоуту и стоячему такелажу корабля «Императрица Марія», большая часть которыхъ были перебиты, а у гротъ-мачты оставалась только одна не тронутая ванта. Корабль «Императрица Марія», имѣя вѣтеръ съ кормы и проходя вдоль судовъ лѣваго фаса турецкой эскадры, открылъ батальный огонь по этимъ судамъ и, не задерживая хода, смѣло продолжалъ приближаться къ флагманскому фрегату. Въ полтора саженихъ отъ него на глубинѣ 15 саженихъ былъ отдалъ якорь и нашъ корабль направилъ самый сильный огонь по своему противнику.

Корабль «Парижъ» шелъ рядомъ съ «Императрицей Маріей» и на ходу не отвѣчалъ на сильный огонь турокъ. Одновременно и рядомъ съ послѣднимъ онъ слалъ на якорь, спокойно принявъ удобное для боя положеніе и открылъ всѣмъ лѣвымъ бортомъ огонь по ближайшимъ турецкимъ судамъ. На всѣ эти эволюціи «Парижу» потребовалось только 4½ минуты времени.

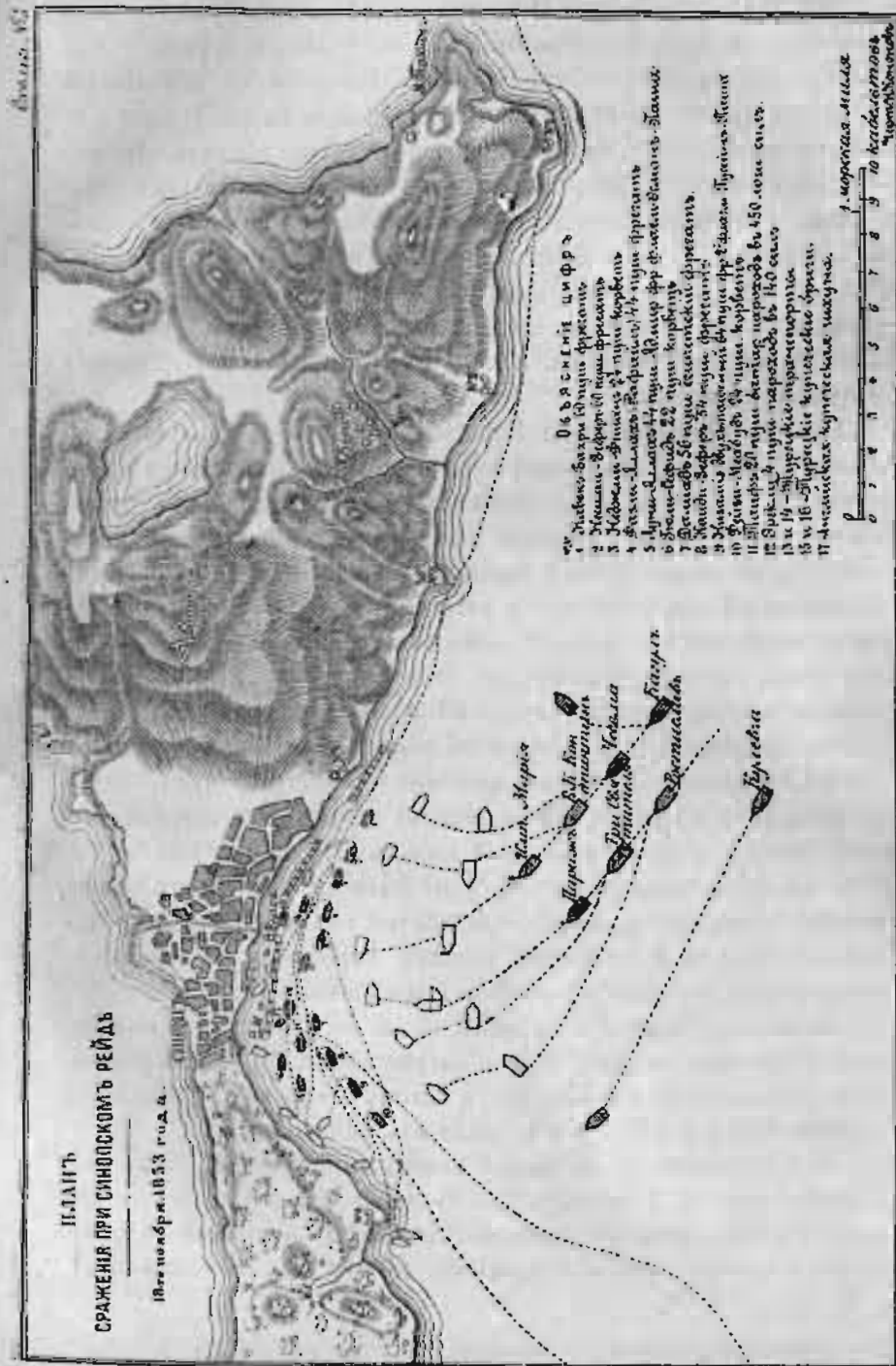
Сзади слѣдовавшіе корабли шли на свои мѣста, обмѣниваясь выстрѣлами съ прибрежными батареями, и постепенно бросали якоря въ разстояніи 150--180 саженихъ отъ турецкихъ судовъ. Фрегаты «Кагуль» и «Кулевча» остались подъ парусами.

Съ этой минуты руководство боемъ со стороны адмирала должно было почти прекратиться. Каждый корабль дѣйствовалъ самостоятельно, строго руководствуясь преподааннымъ наставленіемъ драться на самомъ близкомъ разстояніи и помогать другъ другу.

Фрегатъ «Луни-Аллахъ» не выдержалъ и получасоваго огня нашего корабля «Императрица Марія» и, отклепавъ цѣпи, бросился на берегъ у батарей № 6, не спуская, впрочемъ, своего флага. Слѣдуетъ замѣтить, что во время этого боя нашъ корабль выдерживалъ огонь не только «Луни-Аллаха», но и близъ него расположенныхъ 44-хъ-пушечнаго фрегата «Фазли-Аллаха» (бывшій русскій «Рафаиль») и 24-хъ-пушечнаго корвета «Неджи-Фешана». Но командиръ «Маріи», капитанъ Барановскій, не разбрасывалъ своего огня по всѣмъ тремъ противникамъ, а сосредоточенно поражалъ ихъ поочередно. Покончивъ съ «Луни-Аллахъ», онъ началъ дѣйствовать исключительно по фрегату «Фазли-Аллаху», который, загорѣвшись, послѣдовалъ вскорѣ примѣру своего флагмана и выбросился на берегъ близъ самаго города, у мола. Выведя изъ строя стоявшія противъ него суда, на кораблѣ «Императрица Марія» пробили отбой и повернули его для дѣйствія противъ батарей № 5 и по судамъ, съ большимъ ожесточеніемъ сопротивлявшимся колоннѣ контръ-адмирала Новосильскаго. Но въ этомъ содѣйствіи подобности не представилось: «вторая колонна дѣйствовала превосходно»¹⁾.

Корабль «Парижъ», ставшій, какъ извѣстно, на якорь рядомъ съ кораблемъ «Императрица Марія», открылъ страшный батальный огонь по батареѣ № 5, по 22-хъ пушечному корвету «Гюли-Сефидъ» и по 56-ти пушечному египетскому фрегату «Даміадъ». Черезъ полчаса «Гюли-Сефидъ» взлетѣлъ на воздухъ, «Даміадъ» отброшенъ на берегъ. Обстрѣляя продольно дрейфовавшій въ это время мимо «Парижа» фрегатъ «Луни-Аллахъ», командиръ «Парижа», капитанъ Истомищъ, перемѣнилъ направленіе судна и сталъ бить второй флагманскій 64-хъ пушечный фрегатъ «Низаміе». Къ двумъ часамъ дня и этотъ фрегатъ сдрейфовалъ къ берегу и вскорѣ былъ охваченъ пламенемъ. Неутомимый командиръ «Парижа», выведя въ теченіе полутора-часоваго боя изъ строя три неприятельскихъ судна и, не имѣя противъ кого дѣйствовать, вновь измѣнилъ свое направленіе и открылъ огонь первоначально по батареѣ № 5, вредившей нашему кораблю «Три Святителя», а, когда она замолчала, то по батареѣ № 6.

1) Слова донесенія П. В. Нахимова.

Всѣ дѣйствія капитана Истомина были такъ рассчитаны, такъ спокойны, увѣрены и сообразованы съ обстановкой, а работа экипажа до того споровиста, что Нахимовъ, стоявшій съ неизмѣнной трубой на палубѣ корабля «Имп. Марія», даже въ пылу битвы не могъ не вальковаться молодецкой работой лихого корабля. «Нельзя было не налюбоваться», — доносилъ онъ ¹⁾. — «прекрасными и хладнокровно рассчитанными дѣйствіями корабля «Парвжъ»: я приказалъ изъявить ему свою благодарность во время самого сраженія, по не на тѣмъ было поднять сигнала — всѣ фалы были перебиты». Адъютантъ Павла Степановича, лейтенантъ Острино, былъ посланъ на шлюпкѣ передать молодецкому экипажу благодарность любимаго начальника ²⁾.

Корабль «Великій Князь Константинъ», слѣдуя въ правой колоннѣ, подвергся на ходу сильному огню турецкихъ судовъ и батарей, но, не смотря на это, безостановочно двигался до дистанціи картечнаго выстрѣла и бросилъ якорь въ интервалѣ между крайними судами лѣваго фланга турецкой эскадры — 60-ти пушечными фрегатами «Навекъ-Бахри» и «Несими-Зеферъ». Командиръ корабля, капитанъ 2-го ранга Ергомышевъ, открылъ сильный батальный огонь, какъ по этимъ судамъ, такъ и по батарее № 4. Черезъ двадцать минутъ фрегатъ «Навекъ-Бахри», при громовомъ крикѣ ура съ «Константина», взлетѣлъ на воздухъ, осыпавъ обломками и тѣлами батарею № 4, которая временно прекратила огонь. Поворотившись на ширинѣ, «Константинъ» началъ бить фрегатъ «Несими-Зеферъ» и 24-хъ пушечный корветъ «Педжми-Фешанъ». Черезъ нѣсколько минутъ оба эти судна были выброшены на берегъ, фрегатъ — противъ греческаго предмѣстья, у остатковъ мола, и корветъ — у батареи № 5. Передъ нашимъ кораблемъ не оставалось больше цѣлей и около двухъ часовъ дня на немъ ударили отбой.

Корабль «Чесма», бросившій якорь за «Великимъ Княземъ Константиномъ», первоначально содѣйствовалъ этому послѣднему въ пораженіи «Навекъ-Бахри», а потомъ направилъ свой огонь противъ батарей №№ 3 и 4 и срылъ ихъ до основанія.

Бой кораблей правой нашей колонны прекратился, такъ какъ турецкія суда были окончательно выведены изъ строя, не спуская, однако, своихъ флаговъ. Массовое бѣгство ихъ экипажей на шлюпкахъ на берегъ служило указаніемъ, что они не намѣрены болѣе

сопротивляться и, дѣйствительно, по первому требованію парламентеровъ остатки экипажей спускали флаги своихъ судовъ.

Положеніе нашей лѣвой колонны было болѣе опасно и здѣсь всѣ три корабля отличались въ соревнованіи оказанія взаимной помощи. Велѣдъ за «Парвжемъ», дѣйствія котораго уже были разобраны, сталъ на якорь въ 180 саженьяхъ отъ непріятеля корабль «Три Святителя», подъ командой капитана 1-го ранга Кутрова. Едва онъ успѣлъ дать два залпа по фрегатамъ 54-хъ пушечному «Канди-Зефиръ» и 61-хъ пушечному «Низаміе», а также по батарее № 6, какъ у него перебило шпрингъ: повернувшись по вѣтру, «Три Святителя» подвергся мѣткимъ продольнымъ выстрѣламъ батареи № 6, сильно повредившимъ его рангоутъ.

Положеніе корабля, впрямь до новой правильной его установки, становилось критическимъ. Мичманъ 32-го флотскаго экипажа Варницкій, находившійся съ самаго начала дѣла на полубарказѣ и уже однажды раненый, сталъ молодецки работать со своими людьми надъ завезеніемъ пера ¹⁾. Упавшее въ полубарказъ ядро раздробило его и вновь ранило мичмана Варницкаго. Не смотря на боль отъ раны, офицеръ этотъ быстро перескочилъ на барказъ и черезъ нѣсколько минутъ «Три Святителя» опять былъ готовъ къ бою. Онъ вновь сталъ очень хорошо дѣйствовать по стоявшимъ противъ него судамъ и въ особенности по фрегату «Канди-Зеферъ», который въ скоромъ времени бросился къ берегу. Въ половинѣ четвертаго часа дня «Три Святителя» прекратилъ огонь за отсутствіемъ передъ нимъ цѣлей.

Корабль «Ростиславъ» сталъ на якорь велѣдъ за «Тремя Святителями». Капитанъ 1-го ранга Кузнецовъ отлично помѣстилъ этотъ корабль противъ наносившей сильное пораженіе его сосѣду батареи № 6, имѣя въ тоже время возможность дѣйствовать и противъ крайнихъ турецкихъ судовъ — 24-хъ пушечнаго корвета «Фейзи-Меабудъ» и извѣстнаго уже фрегата «Низаміе». «Ростиславъ» первоначально открылъ огонь по болѣе сильному «Низаміе», но, видя, что «Парвжъ» легко справляется съ этимъ фрегатомъ, онъ перенесъ самый быстрый огонь на корветъ «Фейзи-Меабудъ» и батарею № 6, серьезно вредившую кораблю «Три Святителя». Въ скоромъ времени корветъ былъ выброшенъ на берегъ, батарея же наносила «Ростиславу» сильный вредъ, дѣйствуя противъ него съ самаго близкаго разстоянія, между прочимъ, и кале-

¹⁾ Донесеніе Нахимова о Синопскомъ бою. Никол. центр. Черн. арх.

²⁾ Шханычъ журн. корабль «Парвжъ».

¹⁾ Приспособленіе для постановки корабля на якорь со шпрингомъ.

ными ядрами. Одно изъ такихъ ядеръ загло кокора и начавшійся пожаръ грозилъ серьезной опасностью кроить-камерѣ—горящія части занавѣси, ограждавшей подачу картузовъ, падали въ люки кроить-камернаго выхода. Отъ вѣрной гибели «Ростиславъ» былъ спасенъ находчивостью и храбростью мичмана Колоколыцова, который успокоилъ испуганную команду, заперъ двери и съ полнымъ хладнокровіемъ началъ тушить горѣвшіе обрывки занавѣси.

Находившіяся противъ кораблей нашей лѣвой колоны турецкія суда дѣйствовали болѣе энергично, чѣмъ суда, бывшія противъ правой колоны. Расположенныя подъ прикрытіемъ огня сильной и хорошо работавшей батареи № 6, суда эти, даже сброшенные къ берегу и отчасти горѣвшія, продолжали дѣйствовать по нашимъ кораблямъ, преимущественно направляя огонь свой противъ рангоута и нанося ему существенный вредъ. Ожиданіе турками помощи отъ ихъ западныхъ доброжелателей, на которую они вправѣ были рассчитывать, видимо, возбуждало въ нихъ желаніе сдѣлать наши корабли неспособными къ движенію. «Ростиславу» удалось, однако, въ пятомъ часу дня заставить замолчать и послѣднія турецкія суда, а также и батарею № 6, послѣ чего я на нашемъ кораблѣ пробилъ отбой.

Но этимъ главнымъ эпизодамъ Синопскаго сраженія предшествовало нѣсколько второстепенныхъ, имѣвшихъ мѣсто въ самомъ началѣ боя.

Единственнымъ представителемъ парового флота на Синопскомъ рейдѣ былъ 20-ти пушечный батарейный турецкій пароходъ «Таифъ», подъ командой англичанина Слэда. Какъ только былъ обнаруженъ подходъ нашей эскадры, пароходъ этотъ началъ разводитъ пары и съ первыми выстрѣлами бѣжалъ съ мѣста битвы. Онъ направился вдоль турецкихъ судовъ, ловко проскользнувъ между кораблемъ «Ростиславъ» и батареею № 6. Выйдя съ рейда, «Таифъ» наткнулся на наши фрегаты «Кагуль» и «Кулевча», которые находились подъ парусами и немедленно погнались за уходящимъ пароходомъ. «Таифъ», лежавшій сначала на юго-западѣ, началъ безпрестанно мѣнять курсъ, то останавливая машину, то поочередно давая ходъ впередъ и назадъ, пока, наконецъ, не избравъ удобной минуты, пустилъ машину полнымъ ходомъ впередъ и, обмѣнявшись съ фрегатами нѣсколькими выстрѣлами, быстро вышелъ изъ сферы ихъ огня. Но этимъ не кончились пражюченія «Таифа».

Около полудня отрядъ нашихъ пароходовъ, подъ флагомъ Кор-

нилова, подходилъ къ Синопскому мысу. Вскорѣ дымъ и звуки орудейныхъ выстрѣловъ указали, что эскадра Нахимова вступила уже въ бой. Приказавъ пароходамъ держаться соединенно, Корняловъ на «Одессѣ» полнымъ ходомъ двинулся въ направленіи на мысъ Нахюсъ. Между тѣмъ огонь все разгорался и пароходы увидали ибнящеся по сѣверную сторону перешейка море отъ въ изобиліи падавшихъ нашихъ снарядовъ. Надо было быть въ то время на мостикѣ «Одессы», чтобы оцѣнить всѣ терзанія энергичнаго адмирала, жаждавшаго оказать помощь эскадрѣ Нахимова.

Но вотъ и со стороны турокъ замѣтили приближеніе нашихъ пароходовъ и батарея № 1 привѣтствовала ихъ безрезультатнымъ по дальности огнемъ.

Въ это же время, безъ нѣсколькихъ минутъ въ два часа дня, «Таифъ», ускользнувъ отъ нашихъ фрегатовъ, показался на виду отряда пароходовъ Корнилова. «Одесса» быстро взяла курсъ на перерѣзъ бѣглецу и адмиралъ сигналомъ приказалъ остальнымъ пароходамъ поставить «Таифъ» въ два огня. Черезъ четверть часа «Одесса» сблизилась уже съ противникомъ на дальность выстрѣла бомбическаго орудія и открыла по турецкому пароходу огонь изъ бомбическихъ пушекъ, а потомъ и изъ пушко-карронадъ. «Таифъ» не замедлялъ отвѣтомъ и между нимъ и «Одессой» началось артиллерійское состязаніе, нанесшее поврежденія обоимъ судамъ. «Крымъ» и «Херсонесъ» бросились вслѣдъ за «Одессой» въ погоню за турецкимъ пароходомъ, но малый ходъ ихъ, въ особенности уменьшенный еще постановкой тяжелыхъ орудій, не позволялъ этимъ пароходамъ поставить сильнаго «Таифа» въ два огня; они ограничились лишь дальней стрѣльбой по бѣглецу изъ носовыхъ орудій. Около двухъ часовъ продолжалась безрезультатная погоня за «Таифомъ», пока вновь пошедшій дождь и туманъ не скрыли его отъ нашихъ пароходовъ, которые послѣ этого взяли курсъ на Синопскій рейдъ.

Тамъ, къ тремъ часамъ дня, бой въ общемъ былъ уже оконченъ, такъ какъ турецкой эскадры болѣе не существовало. Прибывъ къ берегу уцѣлвшія суда, хотя и не спускали флаговъ и продолжали нѣрѣдко стрѣлять, но видно было, какъ ихъ экипажи цѣлыми толпами покидали свои суда. Адмиралъ Нахимовъ тотчасъ приказалъ приостановить стрѣльбу и отправилъ мичмана Манто парламентаремъ въ городъ съ приказаніемъ объявить мѣстному начальству о немедленномъ прекращеніи огня съ берега, такъ какъ наша эскадра пришла только для истребленія турецкихъ военныхъ

судовъ и не желаетъ вредить городу. Но Синопскій губернаторъ бѣжалъ изъ города при первыхъ нашихъ выстрѣлахъ и парламентаръ, пробывши болѣе часа на берегу, не могъ исполнить даннаго ему порученія; онъ не нашелъ не только никого изъ мѣстнаго начальства, послѣдовавшаго вслѣдъ за губернаторомъ, но даже и жителей, разбѣжавшихся по деревьямъ. А между тѣмъ съ батареей № 5 и № 6 еще около часа продолжалась рѣдкая стрѣльба калеными ядрами, пока онѣ не были окончательно срыты огнемъ «Парижа» и «Ростислава».

Въ 4 часа дня отрядъ пароходовъ вошелъ на Синопскій рейдъ и громовое «ура» Корнилова и его команды приветствовало побѣдителей.

Непріятельскія суда, брошенные на берегъ, были въ самомъ бѣдственномъ состояніи. Фрегаты «Фазли-Аллахъ» (бывшій «Гафайль»), «Низаміс» и «Канди-Зеферъ», корветъ «Неджми-Фешанъ», и пароходъ «Эрекли», повидимому, были зажжены своими экипажами и взрывались на воздухъ одинъ за другимъ.

Транспорты и куческія суда затонули отъ повалившихся въ нихъ ядеръ и мѣста ихъ указывались лишь торчащими изъ воды верхушками мачтъ. Взрывы «Фазли-Аллаха» и «Неджми-Фешана» покрыли горящими обломками турецкій городъ и начавшійся пожаръ, разноспыный вѣтромъ и нѣбъ не тушимый, охватилъ весь городъ и продолжалъ бѣшевать до ухода нашей эскадры.

Пароходы немедленно приступили къ отводу нашихъ кораблей въ безопасное мѣсто, а также къ отводу угрожавшихъ имъ своими взрывами турецкихъ судовъ.

Всю ночь продолжалась молодецкая работа экипажей по приведенію своихъ сильно избитыхъ кораблей въ состояніе, возможное для перехода въ Севастополь.

Дождливая, вѣтряная почъ, огромное зарево горящаго Синопа, служившее на большое разстояніе отличимымъ маякомъ, послѣдовательные взрывы турецкихъ судовъ, аккомпанируемые залпами разрывавшихся снарядовъ, и шумъ работы на нашихъ корабляхъ—все это смѣшивалось въ одну грандіозную, но ужасную картину.

19-го числа по Синопскому рейду плавали лишь обломки пеществовавшей болѣе турецкой эскадры Османа-паши.

XI.

Въ Синопскомъ сраженіи, въ которомъ, по словамъ Августійскаго генераль-адмирала, флагманы, капитаны и подчиненные имъ

офицеры показали и знаніе своего дѣла и непоколебимую храбрость, а нижніе чины дрались, какъ львы¹⁾, мы потеряли убитыми одного офицера (корпуса штурмановъ прапорщикъ Высота) и 36 нижнихъ чиновъ и ранеными 7 офицеровъ (командиръ корабля «Императрица Марія» капитанъ 2-го ранга Барановскій, мичмана: Зубовъ, Костыревъ и Варницкій, корпуса штурмановъ штабсъ-капитанъ Родіоновъ и прапорщикъ Плонскій и корпуса морской артилеріи поручикъ Антипенко) и 209 нижнихъ чиновъ; суда потеряли очень серьезныя поврежденія, въ особенности въ рангоутѣ; артилерія пострадала незначительно: было подбито 13 орудій и свыше 10-ти станковыхъ. Самыя сильныя поврежденія понесли корабли «Императрица Марія», «Ростиславъ», получившій 64 пробоины, «Три Святителя» и «Вел. Кн. Константинъ», получившій 119 пробоинъ. Но эти потери окупились огромными результатами Синопской битвы. Береговые батареи были срыты, турецкая эскадра перестала существовать въ полномъ смыслѣ этого слова, израненный Османъ-паша, 2 капитана и свыше 200 человекъ были взяты въ плѣнъ, число же погибшихъ турокъ всеми источниками опредѣляется отъ трехъ до четырехъ тысячъ человекъ. Къ сожалѣнію, благодаря отчасти близкому соудству турецкой эскадры къ городу, а также происшедшимъ отъ частыхъ взрывовъ пожарамъ и охватившей населеніе паники, была почти совершенно уничтожена и турецкая часть города.

Такими результатами, кромѣ блестящихъ дѣйствій нашихъ экипажей, выпустившихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на самомъ близкомъ разстояніи около 16,800 снарядовъ, при чемъ стрѣльба отличалась большой мѣткостью, мы обязаны и превосходству нашей артилеріи. Въ то время, какъ наши корабли «Вел. Кн. Константинъ» и «Парижъ» имѣли на вооруженіи 68-ми фунтовые бомбовыя пушки, наибольшій калибръ турецкихъ судовъ были 32-хъ фунтовые орудія. Отношеніе вѣса чугуна, выбрасываемаго съ одного борта нашими и турецкими судами, можно приблизительно принять, какъ 3 къ 2. Но въ этомъ бою эскадрѣ Нахимова приходилось принимать еще во вниманіе и огонь береговыхъ батарей со столь опасной для деревяннаго флота стрѣльбой калеными ядрами. Серьезныя поврежденія, полученные нашими судами, являются лучшимъ доказательствомъ, что въ Синопскомъ бою адмиралъ Нахимовъ имѣлъ болѣе сильнаго въ матеріальномъ отношеніи противника, чѣмъ это старалась доказать враждебная намъ западная печать.

¹⁾ Восподанинскій докладъ за 1853 г.

Кончился бой, но не окончилось опасное положение, въ которомъ находилась наша эскадра. Вдали отъ собственныхъ портовъ, при наличности лишь трехъ слабыхъ пароходовъ, ей, въ большинствѣ лишенной возможности самостоятельно двигаться, приходилось пройти въ бурную осеннюю погоду все Черное море, ежеминутно ожидая встрѣчи съ флотами западныхъ державъ, которые могли туда войти.

При такихъ условіяхъ нельзя было терять ни минуты времени и, вслѣдъ за окончаніемъ боя, на всѣхъ судахъ закипѣла, пожалуй, болѣе трудная, чѣмъ самый бой, работа по исправленію поврежденій.

«Конечно», доносясь по этому поводу адмиралъ Нахимовъ, «только неутомимая ревность къ службѣ и знаніе морскаго дѣла офицеровъ и нижнихъ чиновъ могли въ полтора сутокъ поставить эскадру, потерѣвшую капитальныя поврежденія въ корпусѣ, рангоутѣ, такелажѣ и парусахъ, въ состояніе предпринять плаваніе въ глубокую осень черезъ все Черное море».

Тридцать шесть часовъ непрерывной работы сдѣлали свое дѣло и къ утру 20-го ноября наши корабли могли начать свой небезопасный путь въ Севастополь. Избитаго героя Синопскаго дня, корабль «Императрица Марія», съ котораго Нахимовъ перенесъ свой флагъ на «Вел. Кн. Константинъ», буксировалъ пароходъ «Крымъ» при конной фрегатѣ «Кагуль» и «Кулевча»; всѣ остальные корабли, за исключеніемъ «Парижа» и «Чесмы», также шли на буксирахъ пароходовъ. 22-го ноября, послѣ труднаго плаванія побѣдные корабли вновь увидели родной Севастопольскій рейдъ¹⁾.

Передъ уходомъ изъ Синопа Нахимовъ обратился со слѣдующимъ письмомъ къ единственному тамъ официальному представителю европейскихъ державъ, австрійскому консулу.

«Господинъ консулъ²⁾! Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ единственному представителю Европы, флагъ котораго и вижу поднятымъ, и черезъ васъ сообщить властямъ несчастнаго

¹⁾ Докладъ вице-адм. Нахимова о Синопскомъ бою (Никол. арх. кн. оп. 15. оп. 66, л. № 2, св. 1-я); всеподлиннѣйшіе отчеты Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 г. (арх. мор. мин. воен. лех. кавал. и канц. ген.-адм.); донесеніе А. Б. Асламбекова (муз. Сев. обор.); записки и.-адм. Афанасьева (тамъ же); арх. морск. мин., отд. ч. 1855 г., л. № 65, канц. мин. 1854 г., л. № 13935, статья Плетча (Мор. Сборн. 1892 г., кн. 8-я и 1889 г., кн. 2-я), Синопскій бой (Русск. арх. 1878 г., кн. 11-я), «Записки севавтопольца» (Рус. арх. 1867 г.), Вакхенидзе журналы участвовавшихъ въ бою судовъ (Никол. черн. арх.) и др.

²⁾ Переводъ съ французскаго.

города Синопа ту исключительную цѣль, которая привела суда Императорскаго флота на его рейдъ.

«Узнавъ, что непріятельскія суда, слѣдовавшія къ Абхазскимъ берегамъ для возмущенія подвластныхъ пародностей, укрылись на Синопскомъ рейдѣ, я былъ вынужденъ къ печальной необходимости ихъ уничтожить съ рискомъ нанести вредъ городу и его укрѣпленіямъ.

«Я исполнѣ сочувствую печальной судьбѣ города и невинныхъ жителей, такъ какъ только упорное сопротивленіе турецкихъ судовъ и огонь батарей принудили меня прибѣгнуть къ ядрамъ, какъ къ единственному средству заставить ихъ замолчать.

«Но несомнѣнно, что самый большой вредъ городу причинили горящіе остатки турецкихъ судовъ, зажженныхъ болѣею частью самими экипажами.

«Я отправилъ, какъ только огонь непріятели мнѣ это позволилъ, парламентаря въ городъ, чтобы объяснить властямъ мои истинныя намѣренія, но огнь пробылъ тамъ цѣлый часъ, никого не найдя.

«Вчера въ теченія цѣлаго дня никто не появился, за исключеніемъ нѣсколькихъ грековъ, выданныхъ себя за депутатовъ одноплеменныхъ имъ жителей города, которые меня просили взять ихъ на суда. Мои инструкціи ограничивались только дѣйствіями противъ турецкихъ военныхъ судовъ и поэтому я направилъ этихъ несчастныхъ къ европейскимъ консуламъ.

«Теперь я покидаю рейдъ и обращаюсь къ вамъ, какъ къ представителю дружественной державы, рассчитывая на вашу услугу сдѣлать известнымъ, что Императорская эскадра не имѣла никакого враждебнаго намѣренія ни противъ города, ни даже противъ Синопскаго порта»¹⁾.

Князь А. С. Меншиковъ не остался особенно довольнымъ этимъ письмомъ. Извѣщая графа Нессельроде о Синопскомъ сраженіи²⁾, онъ, между прочимъ, сообщалъ ему, что Нахимовъ имѣлъ приказаніе щадеть порты и прибрежные населенные пункты, а потому, какъ бы въ оправданіе себя, я отправилъ выше приведенное письмо. «Я хотѣлъ бы видѣть его иначе редактированнымъ, кончать князь Александръ Сергѣевичъ, по дѣлу уже сдѣлано».

Наврядъ ли князь Меншиковъ имѣлъ нравственное право сваливать всю вину за погромъ Синопа на Павла Степановича.

¹⁾ Гос. арх. разр. III, д. № 124.

²⁾ Письмо отъ 21-го ноября 1853 г. Тамъ-же.

Отправляя ему приказаніе истребить въ Синопѣ первоначально предполагаемые тамъ два фрегата ¹⁾, онъ долженъ былъ рассчитывать на то, что роковая случайность, какъ это и произошло въ действительности, можетъ заставить пострадать и городъ.

20-го ноября Севастополь, не подозревая свершившейся побѣды, торжественно праздновалъ день восшествія на престолъ Государя Императора; но мысли севастипольцевъ находились далеко, по ту сторону бушующаго Чернаго моря, около славныхъ именъ Нахимова и Корнилова.

Въ городѣ думали, что именно къ этому дню приурочать давно желанную побѣду надъ турками. Каково же было удивленію севастипольцевъ, когда уже на слѣдующій день, около 11-ти часовъ вечера, на рейдѣ раздалось громовое «ура». То былъ первый вѣстникъ Синопской побѣды «Громоносца», на котораго въ пути пересѣлъ генералъ-адъютантъ Корниловъ и команда котораго своими кликами извѣщала городъ о радостной вѣсти. Съ разсвѣтомъ весь городъ бѣжалъ на пристань узнать о подробностяхъ Синопской побѣды. Въ 8 часовъ утра взвился на «Громоносцѣ» флагъ и вновь раздалось «ура», которому громко вторила эскадра контръ-адмирала Вульфа и унизанные жителями прибрежные холмы Севастополя.

Черезъ нѣсколько часовъ показались корабли побѣдной эскадры, ведомые на буксирѣ пароходовъ. Впередѣ, какъ и въ Синопскомъ бою, шелъ совершенно изращенный корабль «Императрица Марія». Въ отвѣтъ на салютъ эскадры Вульфа «Марія» подняла свой избитый флагъ. На всѣхъ мыскахъ рейда загремяло могучее «ура», шанки полетѣли вверхъ и общему ликовацію не было конца. Восторженность встрѣчи нѣсколько опечалилась распоряженіемъ князя Меншикова объ объявленіи побѣдоносной эскадры, какъ пришедшей отъ турецкихъ береговъ, на карантинномъ положеніи и прекращеніи всякаго сношенія ея съ берегомъ. Три дня невольнаго ареста выдержали Синопскіе герои!

«25-го ноября выпустили, наконецъ эскадру изъ карантина», пишетъ одинъ изъ современниковъ ²⁾, «и побѣдители съѣхались къ князю Меншикову съ рапортомъ. Они были оскорблены холоднымъ приѣмомъ; по второму слову онъ заговорилъ о желтыхъ рубахахъ—вѣчно со штуками!... 29-го, въ воскресенье, былъ съѣздъ въ Михайловскую церковь для благодарственного молебна. Князь сказалъ больнымъ,—также штуки!»

¹⁾ Смотр. выше.

²⁾ Дневникъ А. Б. Асламбекова (рукоп. отъ Севаст. муз.).

Холодный приѣмъ князя Александра Сергѣевича былъ съ избыткомъ возмѣщенъ ликоваціями и празднествами въ честь Синопскихъ побѣдителей, устроенными всѣми сословіями Севастополя.

Въ Зимній Дворецъ первое извѣстіе о Синопскомъ боѣ, привезъ ночью 28-го числа адъютантъ князя Меншикова, подполковникъ Сколковъ, свидѣтель славнаго подвига нашихъ моряковъ. Своею радостью Государь торопился немедленно подѣлиться съ окружающими; не былъ забытъ и гвардейскій экипажъ, который въ этотъ день занималъ въ Зимнемъ Дворцѣ карауль. На другое утро торжественныя молебствія, большой выходъ, колокольный звонъ и пушечная пальба, а вечеромъ иллюминація возвѣстили жителямъ столицы почти объ одновременныхъ побѣдахъ князя Андроникова близъ Ахалциха и Нахимова на Синопскомъ рейдѣ.

Это были первыя радостныя извѣстія послѣ многихъ мѣсяцевъ печали и тревоги и давно Императора Николая не видали такимъ веселымъ, какъ въ день 29-го ноября.

«До какой степени я обрадованъ былъ», писалъ онъ въ тотъ же день князю Меншикову ¹⁾, «радостною вѣстью славнаго Синопскаго сраженія не могу довольно тебѣ выразить, любезный Меншиковъ! Оно меня осчастливило столько же важностью послѣдствій, которая, вѣроятно, имѣть будутъ на дѣла наши на Черноморской береговой линіи, по почти столько же потому, что въ геройскомъ дѣлѣ семь вижу, что за духъ, благодаря Богу, у насъ въ Черноморскомъ флотѣ господствуетъ отъ адмирала до матроса; увѣренъ, что при случаѣ, отъ чего Боже упаси, но и Балтійскіе товарищи не отстанутъ. Это моему сердцу отрадно и утѣшительно среди всякаго горя... Нашиши мнѣ каково нашимъ раненымъ, пришли списокъ увѣчнымъ и раздай безрукимъ и безпогимъ по 100 рублей, а ежели и тяжкіе большые есть, то и большые, по твоему усмотрѣнію».

Одновременно съ этимъ Государь и официальнымъ рескриптомъ на имя князя Меншикова ²⁾ выражалъ свое особое удовольствіе Черноморскому флоту.

«Съ искреннею сердечною радостью», писалъ Государь, «поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ нашимъ, что я благодарю ихъ за подвигъ, совершенный для славы Россіи и для чести Русскаго флага. Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ русскомъ флотѣ и что правнуки достойны своихъ пращуровъ».

¹⁾ Письмо отъ 29-го ноября 1853 г.

²⁾ Рескриптъ отъ 29-го ноября 1853 г.

Виновики торжества, Павелъ Степановичъ Нахимовъ, получилъ при милостивомъ рескриптѣ орденъ св. Георгія Побѣдоносца 2-й степени, на всѣхъ же остальныхъ участниковъ Синопскаго боя награды посыпались той широкой волной, которая отличала щедрость Императора Николая въ воздаяніи за боевыя заслуги, независимо отъ того, кѣмъ бы онѣ не были сдѣланы. Огромные столбцы современныхъ событію официальныхъ извѣстій наполнены списками награжденныхъ за Синопъ.

Наравнѣ со своимъ Царемъ всколыхнулась могучей радостью и вся Россія, узнавъ о блестящихъ побѣдахъ на Кавказѣ и Черномъ морѣ. Темныя тучи и непроницаемая мгла, которыми были окутаны всѣ политическіе переговоры по Восточному вопросу, лишь неяснымъ отголоскомъ доходившіе до всеобщаго свѣдѣнія, распространяли среди русскаго общества какой то гнетъ. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы, что вмѣстѣ съ неясностью обстановки и сбивчивой неопредѣленностью сообщеній, выходившихъ изъ канцелярш графа Нессельроде, погружило всю Россію въ тяжелое, мрачное настроеніе. Радостное извѣстіе о блестящихъ побѣдахъ на Черномъ морѣ и на Кавказѣ электрической искрой пробѣжало по всѣмъ слоямъ русскаго общества, въ которомъ замѣтно поднялась бодрость духа и надежда на блестящее окончаніе всѣхъ недоразумѣній.

«Вы не можете себѣ представить. — писалъ военный министръ князь Долгоруковъ, князю Меншикову ¹⁾, — счастье, которое всѣ испытывали въ Петербургѣ по полученіи извѣстія о блестящемъ Синопскомъ дѣлѣ. Это по истинѣ замѣчательный подвигъ и ваше сердце должно радоваться, вспоминая о немъ. Дай Богъ, чтобы оно принесло намъ выгодныя послѣдствія» ²⁾.

Восторгъ Россіи выразился цѣлою массою патристическихъ стихотвореній, пожертвованій и празднеств ³⁾; многіе изъ молодежи, начиная съ лучшихъ семей (два брата князя Голицына, Римскій-Корсаковъ и др.), пожелали принять участіе въ войнѣ и поступили нижними чинами въ разные полки ⁴⁾; слава Нахимова распространилась по всей Россіи и имя его сдѣлалось народнымъ не только среди родныхъ ему черноморцевъ.

¹⁾ Письмо отъ 4-го декабря 1853 года. Арх. воен. уч. ком. главн. шт. Отд. 2 № 4254.

²⁾ Переводъ съ французскаго.

³⁾ «Сборникъ Извѣстій» Путьлова, кн. 2-я.

⁴⁾ Воспоминанія С. М. Загоскина, Истор. Вѣстн. 1900 г., кн. 4-я.

Въ Петербургѣ особенный энтузіазмъ всего общества выразился при постановкѣ пьесы «Синопъ», на которой перебивались весь городъ. Сама пьеса, — занесть въ свои записки одинъ изъ современниковъ ¹⁾, — волненіе, охватившее публику, и всеобщій восторгъ такъ подѣйствовали, что у многихъ и, въ особенности, у моряковъ, которыхъ въ театрѣ было множество, почти все время на глазахъ были слезы. Появленіе на сценѣ портрета адмирала Лазарева вызвало особый взрывъ энтузіазма. «При каждомъ словѣ, касавшемся Императора или славы русскаго флота, при каждомъ разсказѣ объ его титаническихъ или прежнихъ подвигахъ со всѣхъ сторонъ раздавался громъ рукоплесканій, столь единодушныхъ, что, казалось, будто рукоплещетъ одинъ человекъ».

Но на ряду съ этимъ общимъ ликованіемъ наши правительственные сферы были озабочены почти неминуемой войной съ Англійей и Франціей.

Извѣстіе о Синопской побѣдѣ поразило Западную Европу, какъ громовымъ ударомъ. Покровителями Турціи она была принята какъ оскорбленіе народной чести. Превратное понятіе о нашемъ Черноморскомъ флотѣ, который усиленными стараніями періодической прессы представлялся существовавшимъ только на бумагѣ, и присутствіе въ Босфорѣ морскихъ силъ Англійи и Франціи, открыто оберегавшихъ неприкосновенность Порты Оттоманской, были тому причиною.

«Мы, въ Англійи, — писалось въ главномъ органѣ Сити ²⁾, — привыкли съ пренебреженіемъ смотрѣть на русскій флотъ и любоваться турецкимъ, потому что онъ руководимъ англійскими офицерами. Однако, часть русскаго флота держалась въ морѣ нѣсколько дней въ такую ужасную погоду, въ которую ни турки, ни австрійскіе пароходы не смѣли показываться на морѣ. Неужели эти русскіе матросы тѣ самые трусливые повобранны изъ евреевъ, о которыхъ намъ толковали? Боевой ихъ порядокъ въ Синопскомъ дѣлѣ былъ удивительный. Въ продолженіи часа одиннадцать кораблей были потоплены, подняты на воздухъ или сожжены. Такого совершеннаго истребленія и въ такое короткое время никогда еще не бывало. Неравенство силъ хотя и можетъ объяснить это и некоторымъ образомъ, но не вполне. Русскіе показали, что имъ извѣстны всѣ новѣйшія усовершенствованія артиллеріи и ужасное дѣйствіе новой метода никогда еще не было доказано такъ хорошо».

¹⁾ Воспоминанія кн. Эдмунда Витгенштейна, «Рус. Ст.» 1900 г., кн. 4-я.

²⁾ «Times» отъ 9-го января п. ст. 1854 года.

Официальный английский историк этой войны ¹⁾ всю вину Синопскаго погрома возлагает на великобританскаго посла въ Константинополь, знаменитаго лорда Страдфорда. «Способность сосредоточивать всю свою энергію,—говоритъ онъ,—на одной отрасли дѣйствій была однимъ изъ его свойствъ, которое дѣлало его сильнымъ на дипломатическомъ полѣ; но, какъ кажется, оно же мѣшало ему слѣдить за тѣмъ, что выходило изъ этой сферы».

Лордъ Страдфордъ, донося своему правительству объ уничтоженіи турецкаго флота ²⁾, объяснилъ слѣдующими причинами свое бездѣйствіе: «Недостовѣрность свѣдѣній (о нашемъ флотѣ), желаніе возможно долѣе избѣжать разрыва, прибытіе новаго французскаго посла и время года были достаточными причинами, которыя заставили меня не рисковать отправкой флота въ Черное море въ осеннюю пору».

Справедливо замѣчаетъ Кинглак ³⁾, что такія отговорки, при наличности приведенной выше угрожающей депеши Самисона и призыва Осмапа-паши, не могли удовлетворить общественнаго мнѣнія страны.

2-го (14) декабря извѣстіе о Синопскомъ дѣлѣ достигло Лондона и Парижа. Французское правительство, по словамъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, почувствовало всю горечь погрома произведеннаго, такъ сказать, подъ дулами орудій англійскаго и французскаго флотовъ ⁴⁾. Еслибы,—говоритъ Кинглак,—англійская публика знала, что Синопскій погромъ былъ слѣдствіемъ непріятія ея правительствомъ и константинопольскимъ посланникомъ очевидныхъ мѣръ предосторожности, то немедленное паденіе министерства было бы неминуемо. Необходимо было спасти самихъ себя и для того, чтобы дать выходъ общественному негодованію, надо было найти виновнаго. И такой виновный былъ найденъ въ лицѣ Императора Николая. Свободная пресса свободной страны додѣлала свое дѣло.

Нельзя поэтому не отнестись съ особымъ сочувствіемъ къ правдивымъ словамъ цитированнаго выше англійскаго официального историка, который еще во время общаго предубѣжденія противъ поведенія въ этомъ дѣлѣ нашего Государя, взывалъ къ посправедливости такого упрека.

¹⁾ Kinglake т. 2, стр. 36.

²⁾ Отъ 4-го декабря и. ст. «Eastern papers», т. 2-й, стр. 311.

³⁾ Томъ 2-й, стр. 37.

⁴⁾ «Eastern papers», Томъ 2-й, стр. 292.

«Петербургское правительство было осѣдомлено», пишетъ онъ ¹⁾, «что не только одинъ Дунай сдѣлался театромъ военныхъ дѣйствій, но, что турки завладѣли также русскимъ постомъ св. Николая, что на восточномъ берегу Чернаго моря, и атаковали русскихъ на Кавказѣ. Послѣ воинственныхъ демонстрацій подобнаго рода нельзя, по справедливости, претендовать, что Россія воспользовалась своимъ правомъ взорвать на воздухъ корабли своего противника. Необходимо равномѣрно признать, что разгромъ турецкой эскадры не былъ выполненъ втихомолку, но англійскій народъ, не знавшій всѣхъ обстоятельствъ и впервые услышавшій о русскомъ флотѣ въ минуту получения извѣстія о Синопскомъ погромѣ, предполагалъ, что ударъ былъ нанесенъ съ той тайной послѣдностью, которая отличаетъ кулакъ убійцы. Онъ былъ очень раздраженъ для того, чтобы обсудить вопросъ спокойно и справедливо. Отвратить, такимъ образомъ, вниманіе отъ ошибокъ правительства и привлечь общественное мнѣніе къ болѣе обширному плану мести, было дѣломъ не труднымъ. Министровъ, посланниковъ и адмираловъ оставили въ покоѣ, но кипучее желаніе возмездія неправильно выбрало своей жертвой Императора Николая».

Не вдаваясь въ политическія подробности, скажемъ здѣсь, что слѣдствіемъ такого настроенія англійскаго общества было рѣшеніе немедленно ввести въ Черное море флоты западныхъ державъ.

Событіе это предвидѣлось и съ нашей стороны.

«Ежели точно англичане и французы войдутъ въ Черное море», писалъ Государь князю Меншикову ²⁾, «съ ними драться не будемъ, а пусть они отпѣдаютъ нашихъ батарей въ Севастополь, гдѣ ты ихъ примешь съ салютомъ, какого они, можетъ, и не ожидаютъ. Высадки не опасаясь, а, ежели бы позднеѣе и была, то, кажется, и теперь отбить ихъ можно; въ апрѣлѣ же будемъ имѣть всю 16-ю дивизію съ ея артилеріей, бригаду гусаръ и конную батарею. Болѣе чѣмъ нужно, чтобы заставить ихъ дорого поплатиться».

Съ своей стороны графъ Пессельроде также давалъ князю Меншикову свои совѣты о будущихъ дѣйствіяхъ на Черномъ морѣ.

«Къ несчастью», писалъ онъ ³⁾, «мы не имѣемъ въ Черномъ морѣ достаточныхъ силъ, чтобы бороться съ надеждой на успѣхъ съ соединенными флотами Англій, Франціи и оставшихся кораб-

¹⁾ Kinglake; т. II, стр. 41.

²⁾ Письмо отъ 29-го ноября 1853 года.

³⁾ Отъ 24-го декабря 1853 г. Госуд. арх. разр. III, т. № 124.

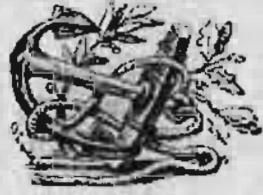
лей турокъ. Давъ этимъ послѣднимъ почувствовать въ блестащемъ Синопскомъ дѣлѣ наше превосходство, нашъ славный Черноморскій флотъ, можетъ, мнѣ кажется, почить на своихъ лаврахъ, не рискуя вступать въ очень неравную борьбу»¹⁾.

Дальнѣйшая печальная участь Черноморскаго флота предрѣшалась, такимъ образомъ, самой судьбой.

Таковы были стратегическія и политическія послѣдствія Синопскаго боя. Онъ очистилъ Черное море отъ турецкаго флота, но онъ же порвалъ послѣднюю нить надежды на мирную развязку того Гордіева узла, который запутался на политическомъ горизонтѣ Европы.

Нарусный Черноморскій флотъ со славой пронѣлъ свою лебединую пѣсню и со славой выполнилъ свою вѣковую задачу быть грозой Порты Оттоманской; не его вина, что политическая система графа Нессельроде еще съ 1841 года открыла, на случай войны съ Турціей, свободный проходъ въ его родныя волны флотамъ могущественныхъ морскихъ державъ, бороться съ которыми онъ не предвазначался.

27. *Взломчовенія.*

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

Приложеніе № 1.

ВЪДОМОСТЬ

объ орудіяхъ, состоявшихъ на судахъ Черноморскаго флота, принимавшихъ участіе въ Синопскомъ сраженіи 18-го ноября 1853 года¹⁾.

На корабляхъ:	Пугачевыхъ.		Мельничъ.		Куинсо-варронахъ чугунныхъ.		Карронахъ чугунныхъ.		Фабриковъ чугунныхъ.		Единообразныхъ чугунныхъ.		Десантныхъ орудій.		Всего орудій въ флотѣ.
	36 ф.	24 ф.	18 ф.	3 ф.	2 1/2 ф.	36 ф.	24 ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	12 ф.	8 ф.	3 ф.	1 пуш. 10 ф.	
120-пуш. «Гри Святителя»	28	—	—	—	—	34	24	—	2	6	2	2	1	—	921
» «Шаржъ»	28	—	—	—	—	31	21	—	2	—	2	2	—	—	925
» «Вел. Кн. Константина»	32	—	—	—	—	31	24	—	2	—	2	2	—	—	900
84-пуш. «Ростиславъ»	8	—	—	1	2	—	20	—	2	6	1	—	2	—	672
«Цесарь»	31	—	—	8	—	—	10	—	2	—	2	2	8	—	741
«Имп. Марія»	8	—	—	—	—	—	20	—	2	—	2	2	4	—	1,118
Фрегатахъ:															
50-пуш. «Кудавча»	—	—	—	—	—	—	22	—	—	—	—	1	1	—	318
44-пуш. «Кагуль»	—	—	—	—	2	—	18	—	—	1	—	—	—	—	—

¹⁾ Изъ Вспом. ств. Вел. Кн. Константина Николаевича на 1853 годъ. Арх. мор. вѣд. воен. лог. кавц. 1853 г., к. № 155—84. Шхачени. Журналъ Черн. центр. арх. въ г. Николаевѣ. Арх. мор. вѣд. шеп. деп. II ств. I ст. 1853 г., к. № 538.

Приложение № 2-я.

Приказъ Нахимова передъ Синопскимъ боемъ 17-го ноября 1853 года. № 157 ¹⁾.

Располагая при первомъ удобномъ случаѣ атаковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ въ числѣ 7-ми фрегатовъ, 2-хъ корветовъ, 1-го шлюпа, 2-хъ пароходовъ и двухъ транспортовъ, я составилъ диспозицію для атаки ихъ и прошу командировъ стать по оной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее.

1-е. При входѣ на рейдъ бросать якорь, ибо можетъ случиться, что непріятель перейдетъ на мелководіе и тогда стать на возможномъ близкомъ разстояніи на глубинѣ не менѣе 10-ти сажень.

2-е. Имѣть шпрингъ на оба якоря и если при нападеніи на непріятеля будетъ вѣтеръ N самый благопріятный, тогда, вытравивъ цѣпи на 60 сажень имѣть, столько же и шпрингу, предварительно заложенного на битенгъ. И даже на фордевиндъ при O вѣтрѣ или ONO, во избѣжаніе бросанія якоря съ кормы, становиться также на шпрингъ, имѣя его до 30-ти сажень и когда цѣпь, вытравленная до 60-ти сажень, дернется, то вытравить еще 10 сажень; въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ на кабельтовѣ. Вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными ибо они часто остаются не дѣйствительнымъ отъ малѣйшаго невниманія и промедленія времени.

3-е. Предъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволить погода, для сбереженія гребныхъ судовъ на рострахъ, я сдѣлаю сигналъ спустить ихъ на воду, и тогда имѣть ихъ у борта на противулежащей сторонѣ непріятеля, имѣя на одномъ изъ нихъ на всякій случай кабельтовъ и вернь.

4-е. При атакѣ имѣть осторожность не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спускаютъ флаги, посылать же для овладѣнія ими не иначе какъ по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для пораженія противящихся судовъ или батарей, которыя безъ со-

мнѣнія не престануть палить, еслибъ съ непріятельскими судами дѣло и было бъ кончено.

5-е. Нынѣ же осмотрѣть заклѣпки у цѣпей на случай надобности расклѣпать ихъ.

6-е. Открывать огонь по непріятелю по второму адмиральскому выстрѣлу, если предъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на нихъ наступленію; въ противномъ случаѣ палить какъ кому возможно, соображаясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ.

7-е. Ставъ на якорь и удаливъ шпрингъ, первые выстрѣлы должны быть прицѣльные, при этомъ хорошо замѣтить положенія нушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь; само собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому же положенію орудія какъ и при первыхъ выстрѣлахъ.

8-е. Атакуя непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть, какъ и подъ парусами, одного офицера на гротъ-марсѣ или салингѣ, для наблюденія при батальномъ огнѣ за направленіемъ своихъ выстрѣловъ, и, буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шханцы, для направленія шпринга.

9-е. Фрегату «Кагуль» во время дѣйствія остаться подъ парусами для наблюденія за непріятельскими пароходами, кои безъ сомнѣнія вступятъ подъ пары и будутъ вредить нашимъ судамъ по выбору своему.

10-е. Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами стараться по возможности не вредить консульскимъ домамъ, на коихъ будутъ подняты національные ихъ флаги.

Въ заключеніе я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія при переимѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, а потому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ Черноморскаго флота; отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія.

¹⁾ Черном. и. в.-м. архивъ въ г. Николаевѣ. Кн. оп. 51, оп. 335, л. № 2380, с. 130.